

Мэн Гуаншунь

ТАК

**СТРОИЛАСЬ
ЖЕЛЕЗНАЯ
ДОРОГА**

BOOK₂

ЛЕНИЗДАТ

Гуаншунь Мэн

Так строилась железная дорога

«Автор»

2023

Мэн Г.

Так строилась железная дорога / Г. Мэн — «Автор», 2023

Высокоскоростные железные дороги — визитная карточка Китая. Но вот каким трудом даётся строительство этих мощных инженерных сооружений? Начальник участка Те Цзянь и его подчинённые на протяжении трёх лет сталкиваются с тяготами жизни в отдаленной местности, где пролегает их участок железной дороги. Коррупционный, местные бандиты, нечестные сотрудники — кажется, всё это сделает строительство железной дороги невозможным. Обрушение тоннеля, оползень, трагическая гибель работников — всё это пришлось испытать отважным строителям и инженерам. Но, несмотря на всё это, многие из них находят свою любовь даже в суровых условиях стройки...

© Мэн Г., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	36
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	52
ГЛАВА ПЯТАЯ	68
ГЛАВА ШЕСТАЯ	84
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	101
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	116
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	133
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	149
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Гуаншунь Мэн

Так строилась железная дорога

Эта книга посвящается самоотверженным строителям китайских высокоскоростных железных дорог

ВВЕДЕНИЕ

Есть строители на бескрайней китайской земле, которые без всяких возражений отдают стране свою молодость и новаторскими идеями создают имидж великой державы. Таковы и строители китайских высокоскоростных железных дорог. Сегодня для китайских высокоскоростных магистралей наступила эпоха стремительного развития. Высокоскоростные железные дороги – это новая модель транспортного сообщения, которой полностью удалось решить проблему низкой эффективности традиционных железных дорог, предоставить людям быстрый способ передвижения, а также оказать значительное влияние на экономическое развитие всей страны и её регионов. Начиная со строительства первой специальной пассажирской линии вплоть до введения в эксплуатацию моторвагонного состава «Хэсе», а затем поезда «Фусин», скорость которого достигает 350 км/ч, в течение каких-то пятнадцати лет, китайские высокоскоростные железные дороги вышли на первое место в мире по протяженности, была сформирована их плотная сеть, соединившая огромное количество крупных и средних городов и предоставляющая пассажирам новые возможности выбора.

Благодаря широкой распространенности высокоскоростных железных дорог значительные изменения произошли в том, что касается территории городских районов, их населения и жизни людей, а также за счет этого удалось справиться с проблемой нехватки территории в городах, расширить радиус пространства жизнедеятельности человека, фундаментальным образом снизить нагрузку на отрасль перевозок во время празднования китайского Нового

Стабильные, комфортные, быстрые – такова единодушная оценка высокоскоростных железных дорог. Однако большинство людей все же не знает, как строились железные дороги, пересекая и преодолевая горные цепи, возносясь над реками, как прокладывались тоннели и возводились мосты, как на обширной территории формировалась эта транспортная сеть. И данная книга всесторонне освещает читателю ход строительства, используемые в нём технологические процессы, привлекаемую технику а также то, с какими трудностями пришлось столкнуться железнодорожникам, работникам группы компаний «Китайские железные дороги», какой вклад они внесли в создание высокоскоростных железнодорожных магистралей и какие жертвы принесли во имя этого.

Работники «Китайских железных дорог» – группа «цыган», кочующих по огромной земле Китая, первопроходцы этой страны. Они – особый коллектив, неизменно прислушивающийся к призывам государства и партии и откликающийся на них, всецело посвящающий себя национальному экономическому строительству и развитию сектора высокоскоростных железных дорог, жизнью и кровью создающий их историю. Эти люди знакомы с трудностями жизни, бескорыстны и бесстрашны, могут пожертвовать всем ради страны, «смело наставляют солнце и Луну небо на новое променять», их немеркнущие подвиги не посрамят ни партии, ни Родины, ни эпохи, ни народа, ни их самих.

Без преувеличения можно сказать, что без благодарного служения Родине, трепетного отношения к работе, тщательности и аккуратности в ней, новаторских идей и прочих превосходных качеств работников «Китайских железный дорог», без их смелости двигаться вверх, без их борьбы, стремления к славе страны и победе народа, желания создать бренд Китая, не было бы и блистательных достижений страны в сфере строительства высокоскоростных железных дорог.

В течение десяти с лишним лет развития высокоскоростных железных дорог работники компании заложили дух их строительства, о котором теперь известно во всем мире. Он олицетворяет национальную психологию, патриотизм и чуткое ощущение времени, сопряжённое с

передовыми инновациями, он объединяет мир, превосходит самые смелые ожидания, укореняет стандарты и, делая плоды развития Китая международным достоянием,

Работники «Китайских железных дорог», с их чувствами профессиональной идентичности, ответственности, чести, ощущением важности возложенной на них миссии, выполняют свои обещания, благодаря своей сильной воле находят новые пути, упорно, по-деловому трудятся, развивают позитивную энергию, создают бессмертные творения, которые становятся опорой общества и страны, примером для народного подражания, гордостью нации. Эти люди – цвет китайского рабочего класса.

Вследствие динамичного развития высокоскоростных железных дорог ежегодно появляется множество новых проектов строительства. Зимой этого года строительное бюро «Китайских железных дорог» выиграло новый конкурс на строительство дороги Север—Юг, проходящей через бедный гористый район в уезде Цинъян. Получив уведомление о победе в конкурсе проектов строительства железной дороги Север—Юг ZQ-2 стоимостью 2,3 миллиарда юаней, работники «Китайских железных дорог» с улыбками на юных лицах стоя перед недавно построенным офисным зданием, запустили целую вереницу хлопущек. Компания тут же созвала совещание, на котором была учреждена проектная организация и образована рабочая группа в состав которой вошли настоящие профессионалы. Начальником строительного участка и руководителем проекта был назначен заместитель главного инженера строительного бюро Те Цзянь, его заместителем и главным инженером проекта – Цзинь Гоин, секретарем рабочего комитета партии – кадровый работник по политической и идеологической работе Дан Хунци, заместителем начальника участка и начальником отдела материалов и оборудования – Сяо Иху. Они встали во главе коллектива работников Пятой компании и компании «Луцяо», которые образовали первый и второй отделы на строительном участке. Несмотря на снег и холод, они, не останавливаясь ни на минуту, поспешили на стройплощадку, открыв панораму поля битвы за строительство железной дороги Север—Юг.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ши Цзинтянь, Чжао Хуалян и Чжу Хунцзюнь выехали из города Цзиньчэн на Северо-Западе¹ Китая и погнали машину на стройку новой высокоскоростной железной дороги, призванной соединить северные и южные районы страны. Было самое начало одиннадцатого лунного месяца, и день стоял мрачный. По пути с Северо-Запада на Юго-Запад, чтобы доехать до отдаленного горного района, где находилась строительная площадка, нужно было пересечь несколько провинций. Когда Ши Цзинтянь и его спутники выехали, шёл только небольшой снег, но уже на полпути закружили снежные хлопья, застилая все вокруг, покрывая землю, горы, траву. Перед глазами ехавших расстилалась холодная белизна.

Ши Цзинтянь был заместителем генерального директора Пятой компании. На сей раз его назначили на пост руководителя первого отдела на участке строительства высокоскоростной железной дороги Север—Юг. Чжао Хуалян и Чжу Хунцзюнь были обычными сотрудниками отделенческого уровня, в новом отделе они соответственно выполняли обязанности заместителя руководителя отдела и начальника инженерного отдела. Разными дорогами, но в один и тот же снежный день вместе с ними на площадку выехали и другие участники проекта. В ещё одну группу входили секретарь отдела Чжу Цзылай и главный инженер отдела Ван Жоюнь, которые тоже пробирались сквозь эту метель.

Глядя через лобовое окно машины, можно было смутно различить вдали очертания гор, длинной грядой тянувшихся с востока на запад; глядя назад, можно было увидеть, как уже скрылись в снежной мгле деревня, которую только что миновали Ши Цзинтянь и его спутники, и дома её жителей. Грязная дорога походила на жёлтую веревку, разрывавшую надвое усыпанную снегом равнину. По обеим сторонам дороги виднелись редкие карликовые деревья, выступающие из-под снега. К вечеру снег повалил ещё сильнее, дорога покрылась льдом, ехать по ней стало трудно. Хотя все машины двигались вперёд осторожно, включив тускло-жёлтые противотуманные фары, некоторые грузовички всё же соскользнули в кювет, где, мерцая поворотниками, лежали в снегу в ожидании помощи. К счастью, шофёр Ши Цзинтяня круглый год ездил по стройплощадкам и набрался опыта вождения в сложных условиях. Ехал он медленно, осторожно, и в кювет ни разу не соскользнул. Однако через некоторое время с их машиной случилось кое-что посерьёзнее, чем с прочими встречными или попутными автомобилями, и им пришлось остановиться на запорошённой снегом обочине. Шофёр вынужден был поймать машину на встрече, чтобы вернуться в один из поселков, чтобы отыскать там автомеханика.

За бортом лютовал мороз, а обогревателя в машине не было. Ши Цзинтянь и его спутники так проголодались, что у них сводило желудок. Съёжившись от холода, они сидели в машине и пытались успокоиться, выражая свои чувства крепким нецензурным словом. Чжао Хуалян, завернувшись в военную шинель, сказал:

– Толку-то от того, что мы ругаемся, лучше давайте проблему решим, как нам согреться да наесться.

Договорив, он повернулся, вытащил из-под заднего окна сумку, порылся там и отыскал жареную курицу, батон хлеба и несколько упаковок лапши быстрого приготовления, а затем нащупал и бутылку водки. Его грубые пальцы случайно задели струны гитары, и те беспорядочно зазвенели. Ши Цзинтянь вылез из машины, встал на снегу, потирая руки, топая ногами, поглядывая по сторонам и ругаясь:

¹ Название китайского обширного региона.

– Мать твою, ну и снег, и вокруг вообще никого не видать! Машина сломалась посреди ничего и в такой холод, впереди ни деревни, позади тоже ничего нет. Где же нам сегодня ночевать?

Чжу Хунцзюнь тоже вылез из машины и помочился у обочины, отчего на снегу зажелтели лужицы разного размера, в мгновение ока покрывшиеся коркой льда.

– Не знаю, приедет ли механик из посёлка. Подождём.

Затем все трое вернулись в машину, взялись за водку и принялись отхлёбывать из неё по очереди, чтобы согреться. Куриные ножки были любимым лакомством Чжао Хуаляна. Ши Цзинтянь и Чжу Хунцзюнь хотели заполучить у него хоть по кусочку, но тот в один присест умял по половине каждой ножки, да ещё и забрызгал обе их своей слюной. Он со смехом поднял руки и помахал ножками в воздухе, демонстрируя своё нежелание делиться.

– Вот болван, – пробормотал Ши Цзинтянь. – И как прикажешь нам это есть?

Чжао Хуалян, как будто не расслышав, откинулся назад и преспокойно снова за курицу, запивая ее водкой.

Снег в темноте белел так, что ночь казалась днём. Не в силах оставаться в промерзшей машине, Ши Цзинтянь позвал с собой Чжао Хуаляна и Чжу Хунцзюня, и втроём они выбрались наружу, чтобы посреди снега отыскать немного отсыревшего хвороста. В десяти с лишним метрах от своего внедорожника они, потратив немало сил, развели костёр. Заплясали языки пламени, озарив снег вокруг алыми отсветами. Ши Цзинтянь, Чжао Хуалян и Чжу Хунцзюнь сидели вокруг костра как корточках, подставляя огню руки, чтобы согреться. Затем Чжао Хуалян принёс из машины гитару и, снова присев у костра, принялся перебирать струны.

– Сегодня ночью спать не будем, – сказал он. – Я вам буду играть на гитаре, а вы пойте песни. Как вам такое?

Видя, что никто не откликается, он продолжил:

– Какая колоритная ночь-то! Там снег застилает всё небо, тут горит костёр, распалая наши чувства, а мы, эдакие «цыгане», в песне выразим всю нашу отвагу, чтобы эту минуту запомнили и земля, и снег.

Ши Цзинтянь натянул на голову капюшон своего пуховика и сказал:

– Пой, пой, нельзя же волков не привлечь!

– Здесь не Тибет, не Цинхай, не Синьцзян и не Внутренняя Монголия, – сказал Чжу Хунцзюнь. – Волков тут не водится.

– Спою тогда «Сегодня ночью я без сна», – перебирая пальцами струны, сказал Чжао Хуалян. И тут же между небом и заснеженной землей разнесся его звучный голос.

Отсветы костра плясали на снегу. Ши Цзинтянь, Чжао Хуалян и Чжу Хунцзюнь ждали механика, поедая куриные ножки и напевая песни, невзирая на снегопад. Две кости от куриных ножек и ребрышек они уже выкинули в снежную мглу за своей спиной. Вдруг, в какую-то минуту, Ши Цзинтянь заметил, что позади них, по разным сторонам, сверкают странно бьющие по глазам зеленые огоньки. С юго-востока, юга и юго-запада отчётливо проступили очертания трёх свирепых голодных волков, вставших полукругом около костра. Они не бросались на людей лишь потому, что их пугал огонь. Временами они облизывали пасти и носы длинными языками и кружили по снегу, низко склонив головы и приносясь, а временами – вскидывали головы и пристально взглядывали на трёх людей, сидевших вокруг костра. Волки переглядывались между собой. Они учуяли запах мяса, исходивший от куриных костей. Конечно, куда лучше было бы досыта наестся этими тремя людьми. Волки ждали, когда костёр потухнет и представится удобный случай для нападения.

Допев песню, Чжао Хуалян присел у костра на корточки. Он глубоко задумался, сжимая в руках гитару: вспомнил Лань Яньэр, свою жену, которая решила с ним развестись. Он постарался отогнать от себя эти мысли и, переминаясь с ноги на ногу, сказал:

– Давайте лучше в машину вернёмся. Слишком тут холодно.

Но Ши Цзинтянь крепко ухватился за полы одежды Чжао Хуаляна и Чжу Хунцзюня, жестами показывая, чтобы те обернулись назад. Казалось, ту минуту даже воздух сгустился.

– Три волка! – почти одновременно воскликнули Чжао Хуалян и Чжу Хунцзюнь. В их голосах слышались страх и дрожь.

– Скорее в машину! – коротко крикнул Ши Цзинтянь. – Волки на нас пялятся.

– Ой, мать! – в испуге вскричал Чжао Хуалян. – И, правда, волки волки. Бежим!

Они в панике втиснулись в машину и захлопнули двери. Чжао Хуалян зашвырнул гитару на заднее сидение и перевёл дух, думая, как хорошо, что Ши Цзинтянь так рано заметил волков, иначе все трое стали бы сегодня их пищей. Увидев, что люди забрались в машину, три волка с разных сторон быстро подскочили к костру и принялись кружить рядом с ним, обглаживая куриные кости. Разделавшись с костями и обнаружив, что ничего съедобного больше не осталось, волки устремились к машине, повертелись вокруг неё, а затем внезапно уселись перед машиной и, вскинув головы, завывали. По бескрайней снежной дали разнесся волчий вой, от которого кровь стыла в жилах.

Ши Цзинтянь взволнованно спросил:

– Сколько ещё в машине осталось куриных ножек?

Чжао Хуалян порылся в пакете и ответил, что есть ещё пять ножек. Ши Цзинтянь сказал ему, чтобы он открыл дверцу и бросил все ножки волкам. Чжао Хуалян обхватил пакет и пробормотал с неохотой:

– Все волкам бросим, а сами есть что будем?

Чжу Хунцзюнь обернулся и взволнованно спросил:

– Тебе жизнь дороже или куриные ножки? Не дадим волкам ножки – волки нас съедят.

Послушаем нашего руководителя и бросим ножки волкам.

Тогда едва-едва, на тоненькую щелку, открылись три дверцы и куриные ножки приземлились в снегу за бортом автомобиля. Увидев куски жареной курицы, волки со всех ног бросились к ним, при этом два из них стали кусать и рвать зубами друг друга, и только потом, вцепившись в куриные ножки, отбежали метров на десять от машины и принялись за еду. Видя это, Чжао Хуалян ругнулся:

– Вот, мать твою, всю курицу нашу сожрали.

Чжу Хунцзюнь сказал:

– Пятью ножками они не наедятся, разделаются с ножками – и снова сюда вернуться.

– В этом дерьмовом месте, где мы дорогу строить будем, ничего нет, природа суровая. Зима вот пришла, и у нас не спросила. Эх, порем на полпути, и никто даже за трупами нашими не приедет.

Ши Цзинтянь вдруг сказал, указывая за окно:

– Ай-ай, волки снова вернулись.

И правда, доев курицу, волки вернулись к машине и неподвижными взглядами уставились на лобовое стекло. Нервы Чжао Хуаляна были натянуты до предела. Он недоумевал:

– Откуда же здесь волки? Откуда они прибежали?

Ши Цзинтянь ответил с сухой улыбкой:

– Точно прибежали с запада, их логово в горном лесу разрушили, еды у них там нет, поэтому они нас и стали преследовать.

Перед лицом этой опасности посреди снежной степи Ши Цзинтянь и его спутники чувствовали непреодолимый страх. К счастью, им не пришлось долго это терпеть, потому что вскоре к ним на помощь подоспел грузовик с шофёром и механиком.

В тот день сквозь снежную бурю ехали на стройку не только Ши Цзинтянь и два его спутника. Для руководства строительством новой железной дороги были учреждены управление участком и два проектных отдела, все работники которых теперь спешили на стройплощадку, распростившись с семьями. Как бы трудно ни было оставаться без них их домашним,

работникам приходилось следовать зову долга, потому что, раз уж были они железнодорожниками, раз уж работали в компании «Китайские железные дороги», им необходимо было подчиняться практике управления системными проектами, принятой во всех строительных бюро этой организации. При упоминании «Китайских железных дорог» не знающие о них люди пребывают в таком же дурмане, как пьяницы, выпившие слишком много спиртного. В широком смысле слова «Китайскими железными дорогами» можно назвать как компанию-оператора «Китайские железные дороги²», так и компании «China Railway Group Limited» и «China Railway Construction Corporation³», или CRCC, но в узком смысле настоящими «Китайскими железными дорогами» называются именно последние две компании. Особенный статус имеет CRCC, которая была переформирована из демобилизованных солдат Железнодорожного корпуса НОАК. В тот год должности командующего и комиссара корпуса соответственно занимали Чэнь Цзайдао и Люй Чжэнцао, оба бывшие крупными военачальниками, принимавшими участие в деле образования КНР. Две громады, бывшие в их подчинении, сформировали основной костяк «Китайских железных дорог». Больше миллиона мужчин и женщин, молодых и старых, стали работниками компании в Китае и за рубежом – от разнообразия всяческих управлений и бюро рябило в глазах. Люди из разных бюро часто встречались за ужином, после встречи обменивались любезностями, пожимали друг другу руки, обнимались и относились друг к другу с большой сердечностью. Как бы пьяны они ни были за обеденным столом, они всё же, пошатываясь и держа в руке рюмку, подходили к собеседнику, опирались одной рукой на его плечо и говорили заплетающимся языком, с уголками рта, грязными от еды:

– Нам нужно выпить эту рюмку, не выпьем – значит, мы не до конца побратались!

Казалось, все были друзьями, почти братьями. Но только начинались конкурсы на строительство обычной или высокоскоростной железной дороги, на реализацию местных проектов, эти братья вмиг становились смертельными врагами, словно голодные волки, бросались друг на друга, не желая уступить другому. Конечно, самым большим преимуществом «Китайских железных дорог» было то, что никто не боялся ездить туда, где никто прежде не был, никто не отказывался от проектов, за которые никто прежде не брался. Со слезами на глазах строители оставляли свои дома, прощались с прикованными к постели родителями или с молодыми женами и малолетними детьми и отправлялись делать великое дело. Это были крепкие молодцы, созданные словно из железа и бетона. С тех пор как Ши Цзинтянь и Чжао Хуалянь включились в работу компании, они год за годом проводили в диких краях, шаг за шагом шли по слякотному бездорожью.

– Нельзя не признать, – говорил Ши Цзинтянь. – Возможно, мы всю жизнь так проедем.

Встреча Ши Цзинтяня с волками стала среди железнодорожников профессиональной легендой. Похожие случаи произошли ещё с двумя людьми: были это сорокадевятилетний начальник управления участком Те Цзянь⁴ и сорокашестилетний секретарь рабочего комитета партии Дан Хунци⁵. Во время строительства железной дороги Цинхай – Тибет Те Цзянь и Дан Хунци пять лет работали вместе на высоте более четырёх тысяч метров над уровнем моря. С волками Те Цзянь столкнулся в Кэжэсили⁶. В сумерках он в одиночестве возвращался в проектный отдел, и по пятам за ним увязался волк. Стоило Те Цзяню остановиться, как и волк останавливался, а когда он шёл, двигался за ним и волк. Но всё же Те Цзянь был военным. Он знал, как справиться с диким волком. В то время как раз праздновали Новый год. Начальник

² Официальный русский перевод, также называется «China Railways» (прим.перевод.)

³ Официально на русском называется именно английским названием, дословный перевод: «Строительная корпорация китайских железных дорог». (прим.перевод.)

⁴ У этого человека говорящее имя, оно буквально совпадает с китайской аббревиатурой названия компании CRCC. И дословно означает «железнодорожное строительство». (прим.перевод.)

⁵ Тоже говорящее имя, означающее «красное знамя партии». (прим.перевод.)

⁶ Высокогорное плато в Тибете, на его территории находится заповедник Кэжэсили. (прим.ред.)

управления участком купил в Голмо хлопушки, и некоторые из них работники ещё не успели запустить. Те Цзянь, бывало, засовывал несколько хлопушек себе в карман и запускал их, сидя на вершине горы, когда стройплощадка погружалась в молчание. Хлопушки радостно трещали в чистом высокогорном воздухе. Теперь, когда в тридцати метрах от него был волк, Те Цзянь вспомнил о хлопушках в своём кармане. Он остановился, достал из кармана хлопушку, зажег её и с силой швырнул в сторону волка. Тут же вспыхнул огонь и раздался треск. Волк, поняв, что столкнулся с достойным противником, понуро побежал прочь. Слух о случившемся распространился по всему бюро, и работники всех уровней, безумно волнуясь за своего коллегу, вместе с тем восхищались его сообразительностью.

А мягкий, добродушный, искренний с людьми и рациональный в делах Дан Хунци повёл себя иначе, столкнувшись с волками. Конечно, за ним гнался не один волк, как за Те Цзянем, а несколько. На высокогорье стояла глубокая осень, был полдень. Все работники вернулись на обед в проектный отдел, а Дан Хунци остался охранять стройку. Учув запах человека, волки немедленно направились к нему, готовые атаковать. Мобильный телефон в горах не ловил сеть, а на крик никто бы не отозвался. В голове у Дан Хунци загудело. Почти потеряв надежду, человек может проявить исключительную сообразительность. Дан Хунци стремительно подбежал к ближайшему столбу электропередач и вскарабкался на самый верх, сам не зная, откуда взялись силы в его руках, – так проворно он это сделал, словно под ногами у него сами собой появлялись опоры. Он крепко обхватил столб и не решался даже пошевелиться. Дрожа от страха, он поглядел вниз, а волки, облизываясь, смотрели на него и ждали. Их голодные глаза были устремлены на Дан Хунци, они выли и кружили вокруг столба в надежде, что Дан Хунци оттуда упадёт, – ведь сами забраться на столб они не могли. Наконец вернулись с обеда работники стройплощадки, и Дан Хунци был спасён. При воспоминании об этой картине он и по сей день трепещет от.

Теперь же, пока Ши Цзинтянь, Чжао Хуалян и прочие работники медленно ехали на стройку сквозь снежную глушь, Те Цзянь и Дан Хунци уже добрались на стройплощадку – сначала на самолёте, а затем на автомобиле. Находилась стройка в уездном городе Цинъян.

Как только компания выиграла конкурс на строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Север—Юг, председатель правления Ся Цзян несколько раз пересмотрел список работников всех управлений, чей уровень был выше департаментского, чтобы сформировать проектные организации и обдумать кандидатуру начальника управления участком, однако ни одной подходящей кандидатуры найти не смог. Когда Ся Цзян, в серьёзных раздумьях, низко опустив голову, прогуливался у офисного здания, он случайно увидел, как из дверей выходит заместитель главного инженера Те Цзянь. Тогда словно яркая вспышка загорелась перед глазами Ся Цзяна. Он окликнул Те Цзяня:

– Лао Те⁷, я тут переживаю, что не могу найти хорошего начальника управления участком. Видимо, я поглупел, что ж я тебя-то сразу не вспомнил?

Те Цзянь с большой почтительностью осведомился, не намеревается ли Ся Цзян направить его на пост начальника управления строительством высокоскоростной железной дороги Север—Юг. Ся Цзян немного помедлил и ответил, что и впрямь пришёл к такой мысли. Однако он понимал, что жена Те Цзяня Хань Цюлю тяжело больна, а его дочь Те Хунгэ не смогла поступить в университет и снова готовится к экзамену, что его семья не сможет обойтись без него. Поэтому пришлось Ся Цзяну столкнуться с некоторыми трудностями. Те Цзянь поблагодарил Ся Цзяна за доверие, но нить беседы не поддержал. Ся Цзян понимал ход его мыслей, но уходя, не мог не попробовать переубедить Те Цзяня. Ся Цзян сказал, что с момента реализации предыдущего проекта Те Цзяню уже было позволено четыре-пять лет прорабо-

⁷ Китайцы обращаются к людям, которые старше них или с которыми они хорошо общаются, на «Лао», буквально «старина». (прим.перевод.)

тать в учреждении, чтобы ему было легче заботиться о жене и семье, но теперь строительство высокоскоростных железных дорог достигло своего пика, поэтому компания остро нуждается в работниках, а Ся Цзян надеется, что Те Цзяню удастся решить домашние проблемы и занять пост начальника участка на этой железной дороге. Пусть теперь Те Цзянь отправится домой и обсудит все с женой. Совершенно не готовый к этому, Те Цзянь уклончиво сказал, что лучше найти кандидата получше, но сам, вернувшись домой, попробовал поговорить о случившемся с Хань Цюлю.

Те Цзянь был ветераном железнодорожных войск, принимал участие в «упреждающей оборонительной войне», где повезло ему выжить, потому что все пули врага летели мимо него. После того как Те Цзянь вернулся с войны и бывшие солдаты стали работниками «Китайских железных дорог», он бывал начальником участков на многих железнодорожных магистралях, под его начальством увидело свет немало превосходных сооружений, много заслуг его было и в деле создания высокоскоростных железных дорог, потому и стал он заместителем главного инженера группы строительных бюро, занимающихся их реализацией этого грандиозного проекта. Хань Цюлю происходила из крестьян и была на три года младше Те Цзяня. Поскольку Те Цзянь был героем войны да и в молодости считался мужчиной видным, когда сваха представила их друг другу, Хань Цюлю, увидев яркий алый цветок на груди Те Цзяня, во время первой же встречи без колебаний согласилась выйти за него замуж, ведь жила она в эпоху, когда герои и военные были в почёте. Очень скоро после свадьбы Хань Цюлю забеременела и родила прекрасную дочурку Те Хунгэ. В послеродовой месяц Хань Цюлю не удалось должным образом отдохнуть, к тому же на дворе стояла зима. Жили супруги в сырой палатке на стройплощадке, Те Цзянь ежедневно уходил на стройку работать и не мог заботиться о жене, которой порой приходилось стирать одежду в холодной воде. Простуда навсегда стала её спутницей: в пасмурную погоду, в ветер и дождь её охватывала нестерпимая боль и ей казалось, что все кости её тела грызут бесчисленные муравьи. Те Цзянь отвёл её к врачу, но и многочисленные лекарства не обратили её болезнь к лучшему, а затем Хань Цюлю поставили диагноз – ревматизм, который с течением времени становился всё тяжелее. Если бы она сняла одежду, можно было бы заметить, что её суставы уже деформировались. Когда она ходила, ей была нужна поддержка, и большую часть времени Хань Цюлю приходилось проводить в постели, в целом сделавшись инвалидом. Поэтому на работу она больше ходить не могла. Если бы не болезнь, Хань Цюлю, по меньшей мере, удалось бы стать работницей отделенческого уровня. Из-за болезни ⁸ жены семье Те Цзяня пришлось столкнуться с огромными трудностями. Хоть он и горевал, но непреклонно продолжал работать на стройплощадке, оставляя Хань Цюлю на попечение подраставшей дочери.

Кружил в воздухе, застилая все небо, снег, оранжевым светом горели в снежной мгле городские фонари. Те Цзянь вернулся домой, отряхнул с себя снежные хлопья, повесил верхнюю одежду на вешалку у двери и лишь затем вошёл в гостиную. Хань Цюлю сидела на диване, укутанная в тёплую хлопковую куртку. С одной стороны дивана лежали два деревянных костыля. Те Хунгэ, провалившаяся в прошлом году на выпускных экзаменах и теперь повторно проходящая курс последнего учебного года старшей школы, сидела возле дивана на корточках с грелкой в руках и помогала матери согреть ноги. Увидев, что Те Цзянь вернулся домой, мать и дочь очень обрадовались, однако он пребывал в каком-то необычном настроении. Коротко бросив: «Пойду готовить», – он вышел на кухню, отчего Хань Цюлю и Те Хунгэ почувствовали некоторое недоумение.

– Лао Те, Лао Те! – несколько раз крикнула Хань Цюлю, и Те Цзяню пришлось вернуться из кухни обратно в комнату. Хань Цюлю спросила, что же такое он от них скрывает. Те Цзянь

⁸ Официальное китайское название войны с Вьетнамом (1979) (прим.ред.)

поначалу не хотел признаваться, но не выдержал дальнейших расспросов и изложил содержание своей беседы с Ся Цзяном.

– Если я поеду на стройку, некому будет о вас заботиться, – с тревогой произнёс Те Цзянь. – Пусть лучше в компании выберут другого человека.

Хань Цюлю протянула вперёд руки, привлекая к себе на диван Те Цзяня, и сказала:

– Лао Те, столько лет я обременяла тебя и ребёнка! Ты сейчас ещё не стар и полон сил, в твоём возрасте нужно всю работу. Тебе тоже непросто день напролёт сидеть ради меня в офисе. Вся наша семья зависит от компании, а тут компания оказывает нам честь, если не мы, то кто поможет компании в её делах?

Небывалое упорство отразилось на лице Хань Цюлю, когда она произносила эти слова.

– Что требуется мне, инвалиду? Достаточно куска хлеба. Сейчас мы нужны строительству железных дорог, так будем отдавать свои силы государству и компании. Если ты не поедешь, в затруднительное положение попадут компания и председатель Ся, а значит, и у меня тяжело будет на сердце.

Но Те Хунгэ непросто было отпустить Те Цзяня. Она подумала о тяготах своей жизни, и у неё на глазах тут же выступили слезы.

При виде слёз любимой дочери Те Цзяню стало мучительно больно. Он поднял руку и вытер слёзы с её щеки, а затем помог Хань Цюлю поуютнее закутаться в хлопковую куртку. Он беспокоился, что жена и дочь не смогут позаботиться друг о друге, но жена снова поторопила его принять решение и дать настойчивый наказ Те Хунгэ получше взяться за учёбу и не оставить без заботы мать.

– Когда я поеду на стройку, не забывай каждый день принимать лекарство.

У Хань Цюлю по щекам вдруг хлынули слёзы, но она сказала, что может сама сделать себе лекарство, а проект важнее и мужу нужно поскорее отправляться на стройку.

На другой день Те Цзянь сказал Ся Цзяну, что принимает его предложение и соглашается занять пост начальника управления участком строительства высокоскоростной железной дороги. В снежный день он, с чемоданом в руках, полный тоски, расстался с женой и дочерью. Стоя посреди двора, он с беспокойством посмотрел вверх, в сторону своего окна, и заметил, что Хань Цюлю и Те Хунгэ забрались на подоконник и, вытирая слёзы, машут ему рукой.

Те Цзянь поймал такси и поспешил на вокзал. Сидя в машине, сверкающей желтыми огнями, он подумал о секретаре строительной площадки для изготовления и монтажа конструкций мостов второго отдела Юань Тинфэн, которая определённо переживала такую же горечь прощания, как и Те Цзянь. Цзян Цаймин, муж Юань Тинфэн, очень хороший человек, долгие годы работал в местной организации и жил порознь с женой, трудившейся на стройплощадках железных дорог, сам же он оставался в городе с дочерью Цзян Сяошань, которая ходила в школу. Теперь Цзян Сяошань горько плакала, обхватив ноги Юань Тинфэн и не давая ей выйти из дома:

– Мама, я не хочу, чтобы ты уезжала.

У Юань Тинфэн было горько на сердце, она присела на корточки и поцеловала дочь:

– Слушайся папу, маме нужно на поезд.

Лицо Цзян Сяошань было залито слезами. Она беспомощно хмыкнула: «Угу». Юань Тинфэн одной рукой вытерла ей слезы, а в другую взяла чемодан и затем быстрым шагом спустилась вниз.

– Мама, скорее возвращайся... – её сердце едва не разбилось, когда за спиной прозвучал сдавленный крик дочери.

Те Цзянь подсчитывал в уме, пока ехал в машине: на сей раз на стройке будут работать девять женщин, хоть и молодых, почти студенток, но не без опыта работы на высокоскоростной железной дороге. Самая прелестная из них – Ань Сюэжун, главный инженер строительной площадки второго отдела, двадцати шести лет, с белоснежной кожей и коралловыми губами,

с глазами, подобными чистым жемчужинам. Окончив университет коммуникаций по специальности инженер железнодорожных путей, она была распределена на работу в компанию по строительству дорог и мостов, где занималась изготовлением и транспортировкой пролетных конструкций. Теперь, на стройплощадке железной дороги Север—Юг, ей предстояло работать в одной группе с Кун Цинжуном, Юань Тинфэн и Гао Юнхэном. Когда-то Ань Сюэжун познакомилась с Дэн Лицяном, и вот они уже встречались два года. Дэн Лицян перенял дело, начатое его матерью, – торговую компанию – и в мгновение ока стал владельцем частного предприятия. В городах «второй – третьей линии⁹» на Северо-Западе он считался выходцем из «богатенькой молодёжи». Чтобы подвезти Ань Сюэжун, он уселся за руль своего собственного чёрного «Мерседеса».

– Да не надо меня подвозить, – сказала Ань Сюэжун. – Я сама до вокзала на такси доеду.

– Какое ещё такси? Садись в машину, – Дэн Лицян втиснул её чемодан в багажник и распахнул для Ань Сюэжун дверцу машины. Лишь дождавшись, когда она сядет, он обошёл машину спереди, открыл левую дверь, сел в машину и завёл мотор.

– Сюэжун, – говорил он при этом, – возвращаясь на Новый год, наши семьи договорились, что на второй день первого месяца у нас будет помолвка.

Ань Сюэжун вытащила бумажную салфетку и вытерла пар с лобового стекла. Таким было её молчаливое согласие.

В зале ожидания вокзала, здания, казавшемся низковатым и даже обветшавшим, Те Цзянь встретился с Вань Хуншанем, Бао Те, Цуй Линхуа и прочими работниками, с которыми вместе отправлялся на стройплощадку. Каждый из них таил свои сердечные дела. Цзы Ци, дальняя племянница Те Цзяня, тестирующий на площадке второго отдела для изготовления и монтажа конструкций моста, увидев дядю, тут же выбежала ему навстречу, забрала у него чемодан.

– Вы отправляетесь на стройку, а как же мои тетья и сестра? – спросила Цзы Ци.

Те Цзянь ответил:

– Твоя тётя сильная, а Хунгэ найдёт время на то, чтобы о ней позаботиться.

Так все, теснясь в зале ожидания, и ждали поезда. Прошло немало времени, и наконец по громкой связи объявили, что пора на проверку билетов и посадку. Те Цзянь и все остальные, подхватив чемоданы, последовали за толпой пассажиров и втиснулись в уже устаревший, но всё ещё курсировавший по железной дороге зелёный поезд. Когда поезд тронулся, крупные хлопья снега залепили окна и заслонили обзор.

Те Цзянь, начальник участка, а также Дан Хунци, секретарь рабочего комитета партии, Сяо Иху, заместитель начальника участка и начальник отдела материалов и оборудования, приехали на стройку в уезде Цинъян заблаговременно.

Ши Цзинтянь, а с ним и другие работники отдела целый день и целую ночь пробирались на стройку, невзирая на снег. На второй день вечером Ши Цзинтянь и его люди всё ещё были в дороге, всё ещё, медленно покачиваясь, ехали сквозь снег машины. Добравшись до уезда Цинъян, работники второго отдела припарковали у дверей гостиницы внедорожники и пикапы и остановились отдохнуть. Начальник отдела Кун Цинжун, секретарь Юань Тинфэн и заместитель начальника отдела Гао Юнхэн отыскивали небольшой ресторанчик, где теперь кушали хого. От кипящего бульона шёл пар, застилавший помещение. Все, глядя на сильный снег за окном, одинаково грустили. Кун Цинжун поднял бокал, пригубил вино и сказал:

– Вечером мы говорили о крестьянском дворе, там несколько главных корпусов, есть восточный и западный флигели, где можно готовить пищу и жить. Они пустуют с тех пор,

⁹ В Китае существует рейтинг городов по их развитию, первая линия – крупные развитые города наподобие Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, вторая линия – менее крупные и менее развитые города, третья и четвёртая линия – наименее развитые города, но с большим потенциалом развития. (прим.ред.)

как там положили кровлю, поэтому аренда очень дешевая. Нам хватит этих помещений для временной работы проектного отдела, отправимся туда для начала и поселимся там. Как только приедут секретарь Юань, Сюэжун и Цзы Ци, они могут сразу же приступить к работе. Когда будет готова площадка и мы уедем туда, можем складывать в этих помещениях оборудование или сдавать их стройотрядам.

– Тогда пойдём завтра посмотрим на этот двор, – сказал Гао Юнхэн. – Подпишем договор аренды.

– Лучше подписать на полгода, – сказала Юань Тинфэн.

Кун Цинжун подумать не мог, что Ши Цзинтянь из первого отдела и секретарь Чжу Цзылай едут на разных внедорожниках и всё ещё в пути, и они очень досаждают из-за этого. Высокие горные хребты были полностью ¹⁰ укутаны снегом, на дороге было много машин: и ехавших, и пришвартовавшихся у обочины, но весьма редко попадались пешеходы. Когда машина Ши Цзинтяня догнала внедорожник Чжу Цзылая, Ван Жоюнь настояла на том, чтобы поменяться местами с Чжу Хунцзюнем, и втиснулась в машину Ши Цзинтяня.

– С волками встретились? – недоверчиво спросила Ван Жоюнь. – Волки тут были?

– Три волка, – Чжао Хуалян сказал, что, к счастью, у них было с собой несколько куриных ножек.

– Ох, боже мой! – испуганно воскликнула Ван Жоюнь. – Страсти-то какие!

– Если бы нашу машину не починили, – сказал Ши Цзинтянь, – искать нас оставалось бы вам только в животе у волка.

Те Цзянь, Дан Хунци, Сяо Иху, заведующая канцелярией Лань Хуадо, начальник инженерного отдела Вань Хуншань поселились в одной из гостиниц уездного города. Сяо Иху был младше Те Цзяня на два года. Они были старыми боевыми товарищами. Сяо Иху ростом был очень высок, но чрезвычайно худощав. Брови у него были густыми, а глаза немного косили, отчего казался он хитрым и плутоватым. Он служил вместе с Те Цзянем, рисковал жизнью во время «упреждающей оборонительной войны», а когда он был ранен, Те Цзянь вытащил его на собственной с поля боя и спас ему жизнь. А потом оба они сменили деятельность и отправились работать в компанию. Сяо Иху не очень был доволен повышением Те Цзяня в должности и не восхищался его способностями. На сей раз ему предстояло выполнить обязанности заместителя начальника участка и начальника отдела материалов и оборудования, то есть, помощника Те Цзяня. Вслух Сяо Иху этого не говорил, но в глубине души испытывал крайнее недовольство. Теперь он звонил Ши Цзинтяню из гостиницы, расспрашивая, куда же они запропастились. Ши Цзинтянь отвечал, что они в пути. Сяо Иху тут же разозлился:

– Не приехали только из вашего отдела. Чем вы там занимаетесь?

Сидя на заднем сидении, Ван Жоюнь услышала голос Сяо Иху и заворчала, что тот похож на погонщика.

Сяо Иху обернулся и сказал Те Цзяню:

– Вот скажи, выступили с тобой в поход – и ничего хорошего нет, снег все входы завалил, а надо ещё на площадку идти работать. Куда лучше дома засесть и стаканчик-другой пропустить.

Те Цзянь покосился на Сяо Иху и сказал:

– Только приехал – и уже жалуешься на все подряд. Мог и не приезжать, если все так плохо.

– Мог не приезжать? – хмыкнул Сяо Иху.

Те Цзянь подошёл к окну и сказал, глядя на кружащийся на улице снег:

– Если приехал, то и говорить ничего не надо. Я таков: если задачу принял, если цель поставил, то буду безоговорочно следовать зову долга, смело делать свое дело, как на войне,

¹⁰ «Китайский самовар» – бульон, в котором прямо на столе варятся разные овощи, мясо, морепродукты. (прим.перевод.)

когда мы захватываем позицию. Сколько бы препятствий ни было перед нами, как велики бы ни были трудности, как зол бы ни был враг, мы всё равно должны прорваться вперед и стереть его в порошок, водрузить на позиции на вершине горы наше знамя, объявить о победе.

Он помолчал и добавил:

– А у нас в управлении не приехала пока Гоин. Не надо больше торопить Ши Цзинтяня и первый отдел. Может, они ехали всю ночь и в аварию попали, и не могут другую машину найти и вовремя подоспеть.

Сяо Иху и не думал примиряться с этим.

– С площадки второго отдела все приехали, а из первого отдела вдруг не могут?

Те Цзянь схватил телефон и набрал номер Ши Цзинтяня, спросил, где они теперь. Из трубки долетел голос Ши Цзинтяня, он сказал, что им осталось ещё сто километров, что снег слишком сильный, а видимость плохая и машина сползла в кювет. Те Цзянь испугался и поспешно бросился расспрашивать, не ранен ли кто из тех, кто едет с ним в машине. Ши Цзинтянь ответил, что в машине с ним Ван Жоюнь и Чжао Хуалян. Те Цзянь вздохнул с облегчением:

– Если совсем никак, то остановитесь где-нибудь, а завтра отправляйтесь в путь.

Рядом с ним ворчал Сяо Иху:

– Пусть лучше они поскорее приезжают, очень уж они медлительные. У нас всегда было военизированное управление, как бы трудно ни было, по первому приказу нужно было добраться до назначенного места. Думаю, у них отсутствует понятие времени.

Те Цзянь не обратил на него внимания, сказал сам себе:

– Ван Жоюнь тоже в той машине.

Лань Хуадо добавила:

– Она развелась.

– Она развелась, – сказал Сяо Иху, – и Цзинь Гоин развелась. Похоже, наш проект скоро превратится в прибежище разведёнок.

Лань Хуадо надула губы и дважды хмыкнула, сказав, что Сяо Иху говорит просто возмутительные речи. Те Цзянь нахмурил брови:

– Лао Сяо, тебе скоро пятьдесят, можешь ли посдержаннее разговаривать?

Сяо Иху отвечал, что правда всегда слух режет. Те Цзянь махнул рукой и сказал:

– Ещё и правдой это называешь! Не знаю, сколько червей у тебя там внутри развелось. Заставляешь Цзинтяня торопиться по ночной дороге в снежный день. Дорога – лёд сплошной, ты их в могилу торопишь, что ли? Жизнь наших работников стоит для тебя так мало?

Сяо Иху с некоторым недовольством сказал:

– Ай, да что за вздор такой? Ты говоришь, я их на погибель веду? Честное слово!

Дан Хунци вставил:

– Начальник Те не это имел в виду. Обстоятельства особенные, непредвиденные, и отношение тут должно быть особое. Они опоздают на день – и ничего страшного в том нет, потом нагонят. У нас стройка на носу, безопасность должна быть в приоритете.

Лань Хуадо заявила, что Дан Хунци прав. Сяо Иху возражать не осмелился. Те Цзянь и Дан Хунци посмеялись, что Лань Хуадо умеет польстить. Лань Хуадо недовольно насупилась и скрылась.

Те Цзянь сказал, пристально глядя на Сяо Иху:

– Эх ты, голова, все время к вопросу подходишь не так, как другие. Сам попробуй машину снежной ночью повести – посмотрим, получится ли у тебя не свалиться в кювет. Хорошо, что у Цзинтяня машина целой осталась, а если бы с ними что случилось, не пришлось бы нам оплакивать их раньше времени?

Сяо Иху поднялся, закрыл глаза и с долгим выдохом сказал:

– Что же, на фронте ты был главный, все было по-твоему. Тогда мы оба служили, и мне оставалось только подчиняться приказам. Теперь мы из армии уволились и перешли в строительное бюро «Китайских железных дорог», оба мы занимаемся проектами, но ты в должности растёшь быстрее меня. Скоро ты снова будешь моим руководителем, и я недоумеваю, в чем же я хуже тебя.

Те Цзянь сощурился и протянул ему мизинец со словами:

– Ни в чем не хуже, лишь в одном немного не дотягиваешь. Твой склад характера и сердца – вот твоя наибольшая проблема. Все время ты думаешь, что все тебя хуже, что ты во всем мире первый, а потому твоё отношение к работе и коллегам основано не на верных рабочих методах. Вот тебя все и прозвали «улыбчивым тигром», где уж присуща свирепому тигру¹¹ улыбка?

Услышав это, Сяо Иху загорелся ещё большим азартом.

– Ты быть начальником всего участка можешь, – недоумевал он, – а я почему не могу? Я тоже служил, держал винтовку, участвовал в боях. Если говорить о моем опыте работы и способностях, мои проекты убыточными не были, так почему в этот раз я должен быть твоим заместителем?

Дан Хунци больше не в силах был слушать и принялся поддакивать Те Цзяню, подозвал Лао Сяо и сказал:

– В организации непременно думали о том, что вы с начальником Те боевые товарищи, что будете вместе хорошим рабочим коллективом, а ты ещё к стройке не приступил, а уже меряешься силами со старым товарищем. Боюсь, не очень-то это хорошо.

Те Цзянь с улыбкой указал на Сяо Иху и сказал:

– Стройплощадка что поле боя. Когда стройка начнётся, поменьше вставляй мне и Лао Дану палки в колёса, поменьше ворчи.

Когда машина Ши Цзинтяня, Ван Жоюнь и Чжао Хуаляна скатилась в кювет, шофёр полдня палкой наваливал снег, но, когда он сел в машину и заводил двигатель, тронуть внедорожник с места всё же не получалось – он всё так же буксовал на месте. Ши Цзинтянь, видя, что шины не оснащены цепями противоскольжения, снял с себя ватную куртку, отыскал в машине нож и разрезал ее на несколько кусков, которые подложил под шины. Только тогда сцепились буксующие колёса с поверхностью и с громкими хлопками выкатили машину на дорогу.

На третий день, хотя снег и прекратился, небо по-прежнему застилало мрачные тучи. Почти все руководящие работники управления участком прибыли на место, не хватало лишь главного инженера Цзинь Гоин. Цзинь Гоин родилась в семье железнодорожников, мать её и отец умерли, не было у неё ни братьев, ни сестёр, потому она всегда чувствовала некоторое одиночество. Получив степень магистра по специальности строительная инженерия, Цзинь Гоин решила поступить на работу в строительное бюро «Китайских железных дорог», а затем стала одним из центральных работников во всем бюро по части техники строительства, и очень скоро её повысили до работника департаментского уровня. Вскоре после того, как она включилась в работу, она вышла замуж за своего однокурсника с факультета финансов Го Фухая. Не прошло и полугодия, как главное управление банка отправило Го Фухая в Европу осваивать европейский рынок. Го Фухай посоветовал Цзинь Гоин уволиться и поехать за границу вместе с ним, но та отказалась. Никто и подумать не мог, что за границей Го Фухай затеет внебрачные отношения со своей коллегой и захочет эмигрировать. Вернувшись домой в отпуск, он заявил, что намерен развестись с Цзинь Гоин. В то время Цзинь Гоин уже была беременна, о чем Го Фухай и знать не знал. Она холодно сказала:

– Мне ничего не нужно, только мой ребёнок.

¹¹ Игра слов, основанная на имени Сяо Иху. «Ху» – тигр. «Улыбающийся тигр» – о человеке, которому сложно верить, ведь у свирепого тигра улыбка явно предвещает что-то нехорошее. (прим.перевод.)

После развода у неё родился сын Наньнань. Теперь, куда бы она ни ехала, она всегда брала с собой Наньнаня. Так и растила его в одиночку на стройплощадках в горах. Из-за случившегося она стала противиться любви и браку, стала холодной и часто отказывала мужчинам, которые выражали ей свое расположение.

Едва Цзинь Гоин приняла свой пост в бюро, как обнаружилось немало частных предприятий, желающих выйти на рынок высокоскоростных железных дорог, которым хотелось «заполучить» её. Накануне она сидела в кофейне отеля за столом с председателем совета директоров одной из компаний, чья фамилия была Сунь. Рядом с ней сидел Наньнань и взирал на незнакомого человека напротив. Тот человек вытащил банковскую карточку, поглядел на лицевую её сторону и на оборотную, а затем протянул её Цзинь Гоин со словами:

– Хотя наше предприятие и частное, но мы тоже хотим занять своё место на рынке высокоскоростных железных дорог. Не хватает нам только такого выдающегося работника по технической части и такого замечательного управленца, как вы. Сегодня я лично сообщаю вам, что я бы предпочёл, чтобы вы стали одним из членов руководящей группы нашей компании. Если только вы захотите, в год вы будете получать два миллиона юаней, будете жить в трехкомнатной квартире площадью 150 квадратных метров в самом элитном микрорайоне, кроме того, мы решим вопросы с обучением вашего ребёнка в детском саду и школе, а также снабдим вас личным автомобилем и личным шофёром, назначим для вас личного секретаря. На этой карточке аванс в один миллион юаней, который вы получите, когда придёте к нам в компанию.

Рядом с этим человеком по фамилии Сунь сидел сопровождающий, который сказал Цзинь Гоин:

– Эти условия мы изучили в правлении компании. Все будут рады, если вы решите у нас работать. В нашей отрасли эти условия считаются очень хорошими. Мы надеемся, что вы тщательно их обдумаете и в кратчайшие сроки дадите нам ответ.

Наньнань протянул руку и схватил карточку, но Цзинь Гоин его остановила, а затем с улыбкой вернула карточку человеку по фамилии Сунь, искренне его поблагодарила и сказала, что карточка ей не нужна, а нужно немного времени обдумать предложение. Человек по фамилии Сунь был настроен весьма решительно и упрямо заявил Цзинь Гоин:

– Нужна вам карточка или нет, мы твёрдо уверены, что хотим видеть вас у нас в компании. Вы можете назвать любые условия, компания постарается выполнить ваши требования.

Цзинь Гоин с легкой улыбкой отвечала, что все обдумает и даст ответ. Тогда человек по фамилии Сунь сказал, что будет с надеждой ждать её решения.

Раньше других об этом узнала жена Те Цзяня Хань Цюлю. На первой стройке, где работала Цзинь Гоин, начальником строительства был Те Цзянь. Узнав, что Хань Цюлю так тяжело больна, Цзинь Гоин, всякий раз возвращаясь со стройплощадки по делам в Цзиньчэн, где располагался главный офис, взяв с собой гостинцы, приходила её проведать, отчего Хань Цюлю всегда чувствовала себя очень тронутой. Если сходятся вместе две женщины, то разговоры становятся бесконечными. Хань Цюлю некогда испытывала досаду из-за развода Цзинь Гоин и Го Фухая и советовала Цзинь Гоин вступить в повторный брак ради ребёнка, но сердце Цзинь Гоин было уже мертво, волны страсти, клокочущие, как прилив на Хуанхэ, давно уже в нем не бушевали. Цзинь Гоин непросто было найти себе близкого друга, подобного и тётушке, матушке, и старшей сестре, которая сможет посочувствовать. Поэтому в глубине души она воспринимала Хань Цюлю как близкого человека. Теперь, когда она уже добралась до верхов технического персонала компании, когда она прошла путь от мелкого технического работника на проекте до главного инженера, бывшего на равных с Те Цзянем, стоя перед выбором, от которого зависели её будущее и судьба, она естественным образом вспомнила Хань Цюлю.

Дул холодный зимний ветер, шёл снег – это было гибельным было гибельными для больного ревматизмом человека. Все суставы Хань Цюлю ломало от боли, она мучилась так, что была уже ни жива ни мертва. Хань Цюлю только выпила лекарство и, преодолевая боль, села

у окна, как ей позвонила Цзинь Гоин. Те Цзянь уже уехал на стройку, и Хань Цюлю думала, что Цзинь Гоин тоже уехала. Цзинь Гоин сначала справилась о здоровье Хань Цюлю, а затем во всех подробностях рассказала о предложении человека по фамилии Сунь пойти на работу в его компанию с получением очень высокой зарплаты. Хань Цюлю, выслушав её, вскрикнула от изумления и сказала, что с такой высокой зарплатой, с такими хорошими условиями Цзинь Гоин точно должна согласиться на работу. Цзинь Гоин же переспросила:

– Согласиться?

Хань Цюлю сказала:

– Соглашаться! Решится вопрос с учебой Наньнана, и стабильность будет, чего ты ещё ждёшь?

– По идее, надо принять их условия, – сказала Цзинь Гоин. – Я, женщина, круглый год таскаюсь с ребёнком по стройкам, это и правда очень трудно, а тут такая возможность.

Через некоторое время Хань Цюлю поняла, что оговорилась, и сказала, что нужно ещё хорошенько подумать об этом деле и не торопиться с ответом.

Закончив разговор с Цзинь Гоин, Хань Цюлю тут же позвонила Те Цзяню, чтобы поставить его в известность и оказать помощь подруге в принятии решения. Она сказала, что условия в той частной компании очень притягательные и Цзинь Гоин правильно поступит, если примет их ради ребёнка, и препятствовать ей в этом не стоит. Те Цзянь нахмурился:

– Цюлю, ты думаешь, в частной компании так хорошо? Денег дают много, оплачивают работу щедро, но сил тратить тоже придётся много. У нас в «Китайских железных дорогах» о ребёнке позаботиться не могут, но в городе, хоть и постабильнее, но тоже не обязательно позаботиться сумеют. Если она туда пойдет, она, считай, продаст себя этому начальнику. Да ещё наша команда уже на месте, а она, главный инженер, вдруг решит место работы сменить! Что тогда мне, начальнику участка, делать?

От этих его слов Хань Цюлю будто онемела.

На другой день председатель правления частной компании по фамилии Сунь в сопровождении подчинённых пришёл в то место, где прежде встречался с Цзинь Гоин, и принялся её ожидать. Цзинь Гоин как раз направлялась туда вместе с Наньнанем, но телефон у неё звонил непрерывно. Она вытащила телефон из сумки и поглядела на экран. Звонил ей председатель правления «Китайских железных дорог» Ся Цзян. Она остановилась и незамедлительно ответила на вызов. Ся Цзян серьёзно, с чувством сказал ей:

– Гоин, мне нужно кое-о-чем оповестить тебя. Проект строительства железной дороги Север—Юг – крупный инженерный проект, новый для нас. Мы выиграли конкурс, и ты теперь занимаешь пост главного инженера проекта. Вся команда уже прибыла на стройплощадку. Я слышал, тебя хотят переманить в одну частную компанию и ты в нерешительности, поэтому я и решил лично тебе позвонить. После того как ты закончила университет, ты пришла к нам в строительное бюро, ты важный, талантливый технический специалист для всей нашей системы, компания, и руководство тебя очень ценят. К тому же ты кадровый работник руководящего уровня, но, что ещё важнее, ты член коммунистической партии. Мы – часть «Китайских железных дорог» – политика, общая картина в стране для нас очень важны. Мы должны глубоко любить нашу Родину, должны быть жертвенными и самоотверженными. Нам нельзя сомневаться из-за выгоды, замаячившей у нас перед глазами, но, что гораздо важнее, нам нельзя не оправдать чаяний партии, воспитавшей нас. Будучи государственным предприятием центрального подчинения, «Китайские железные дороги» – это твоя опора и арена. В настоящее время такие специалисты и управленцы, как ты, нужны китайскому строительству железных дорог. А мы не только строители этих дорог, мы ещё и движущая сила, которая позволяет Китаю подниматься выше и выше. Ты нужна компании, ты нужна стране!

Услышав это, Цзинь Гоин тут же поняла, что это Те Цзянь обо всем рассказал Ся Цзяню. Любой другой на месте Цзинь Гоин посчитал бы такие увещания довольно смешными.

Неужели в этом обществе, где столько соблазнов, ещё остались те, кто питает глубокие чувства к Родине, кто готов на жертвы ради неё? В ту минуту Цзинь Гоин не знала, как ответить Ся Цзяну, но, чем дальше она размышляла над его словами, тем больше ей казалось, что он прав, тем больше она убеждалась, что высокая зарплата в компании человека по фамилии Сунь стала бы для неё ловушкой, попав в которую по неосторожности, она бы увязла, возможно, на всю жизнь.

Она решила последовать зову собственного сердца. Слова Ся Цзяна напомнили ей о наставлении отца, которое он дал ей перед смертью. Умирая, отец дрожащей рукой взял её руку и сказал:

– Гоин, мы с твоей матерью – старые железнодорожники, всю жизнь отдали железным дорогам. Благодаря им у тебя был кусок хлеба, ты росла, слушая гудки поездов. Ты новое поколение нас, железнодорожников. Всегда и в любых обстоятельствах помни о своих корнях. Твой папа всем сердцем надеется, что и ты, и твой сын, и твой внук продолжат это дело, ни за что не оставят железную дорогу, ибо только в ней – наши корни и наша душа.

Прошло немало лет, а слова отца всё ещё эхом звучали в ушах Цзинь Гоин. Она остановилась и глубоко задумалась, а затем повернулась и позвонила человеку по фамилии Сунь.

– Прошу прощения, председатель Сунь, – сказала она. – Больше не обсуждается, пойду ли я работать в вашу компанию. Моих родителей уже нет на свете, а если я оставлю «Китайские железные дороги», я словно ещё раз потеряю их.

Человек по фамилии Сунь на другом конце, кажется, был очень расстроен. Он долго молчал.

В тот же день Цзинь Гоин приняла окончательное решение. На вокзале высокоскоростных поездов она, одной рукой увлекая за собой Наньняня, другой держа огромный красный чемодан, теснясь в беспорядочной толпе пассажиров, сгрудившихся в очередь, поднялась на борт высокоскоростного поезда «Фусин».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Цзинь Гоин и Наньнань сначала сели на поезд «Фусин», а затем пересели на зелёный поезд старого образца и так, с несколькими пересадками, наконец добрались на строительную площадку железной дороги Север—Юг. С тех пор как Цзинь Гоин пустилась в путь, за ходом ее передвижения внимательно следил Те Цзянь, поддерживавший с ней телефонную связь. Когда стало известно, что она сможет присоединиться к руководящей группе проекта, Те Цзянь вздохнул с облегчением, но немало переживал и о том, что Цзинь Гоин непременно привезёт с собой своего мальчика. Этот бедный ребёнок всегда беспрекословно ехал за ней, куда бы она ни отправлялась.

– Ах, мы, железнодорожники, любой важный вопрос успеем решить – и с работой, и с семьей, – вздыхал Те Цзянь, глядя за окно, а затем сказал Дан Хунци и Лань Хуадо:

– Много мы переживали, когда с самого нуля развивали высокоскоростную железную дорогу, пока поднималась она на самое первое место в мире, шесть раз увеличивали мы скорость наших поездов, упраздняли бюро на малых станциях и удлиняли перегоны, разворачивали крупномасштабное железнодорожное строительство, преобразовывали систему управления железными дорогами. То, что не доделали наши деды, сумели завершить мы. Возможно, нашим внукам уже нечего будет делать на железной дороге и они смогут просто наслаждаться результатами наших трудов.

– Непросто это, – сказал Дан Хунци, – а по чьему наставлению вступили мы в ряды железнодорожников? Сами выбрали – и жалеть не о чем.

Те Цзянь поручил Лань Хуадо, чтобы Цзинь Гоин, когда руководство участка заселится в общежитие, отвели комнату побольше и купили обогреватель, иначе ребёнок может простудиться. Лань Хуадо давно уже подумала об этом, а вечером лично отправилась на машине на станцию, чтобы встретить Цзинь Гоин.

Пока Лань Хуадо торопилась на станцию, зелёный старый поезд уже потихоньку подъезжал к платформе. Поезд остановился, и Цзинь Гоин, одной рукой увлекая за собой Наньнаня, другой – держа чемодан, с рюкзаком за плечами, спустилась из вагона на платформу. Подбежала Лань Хуадо и приветливо окликнула Цзинь Гоин:

– Главный инженер Цзинь! – и тут же присела на корточки, чтобы помочь Наньнаню отогреть руки. Они вышли со станции и пересели в машину. Когда они добрались до управления участком, стояла уже глубокая ночь.

Наутро с востока поднялось солнце, озарило цепи гор, землю. Нежные клубы дыма воспарили над уездным городом Цинъян и соседними деревнями. Плотный слой снега покрывал реки и дороги, вдали можно было различить немногочисленные автомобили и пешеходов. Цзинь Гоин поднялась рано. Стоя у окна пятиэтажного административного здания, которое сняло руководство участка, Цзинь Гоин оглядывалась по сторонам и рассматривала окружающий пейзаж. У дома был большой двор, который выходил на широкую улицу, куда и попадал всякий его покидавший. Во дворе находился целый ряд одноэтажных построек. Цветочные клумбы были укутаны снегом, лишь протоптанная в снегу тропинка, извиваясь, являла глазу желтоватый цвет земли.

Наньнань ещё спал, а Лань Хуадо уже позвала Цзинь Гоин завтракать. Когда она разбудила Наньнаня, оделась и спустилась в столовую, Те Цзянь, Дан Хунци, Сяо Иху, Лань Хуадо, начальник инженерного отдела Вань Хуншань и другие давно сидели за круглым столом и ждали её. На столе красовалось несколько тарелок с пампушками и рисовой кашей, а также солёными овощами. Наньнань, прижавшись к стулу Цзинь Гоин, держа в руках тарелку, оглядывал присутствующих. Те Цзянь улыбнулся, взглянул на Наньнаня и сказал:

– Ты, паренёк, пока нас не знаешь, давай я вас познакомлю.

Когда все сидевшие за столом представились Наньнаню, Цзинь Гоин шепнула ему на ухо:

– Если вдруг у мамы будут дела и ее не будет рядом, ты можешь поиграть с тетей Лань.

Так Наньнань со всеми и познакомился, и никакой отчужденности к этим людям не чувствовал.

Те Цзянь, откусив кусочек от пампушки, спросил Цзинь Гоин, отказалась ли она от предложения частной компании. Цзинь Гоин с улыбкой ответила, что отказалась. Дан Хунци спросил её, не жалеет ли она об этом, Цзинь Гоин холодно покачала головой и сказала:

– Не жалею. Лучше и дальше буду полагаться на нашу государственную компанию.

Те Цзянь кивнул:

– Гоин, как только ты приехала, наши силы словно удвоились. Ты работала главным инженером на нескольких высокоскоростных линиях, опыт у тебя громадный. При виде твоего имени – Цзинь Гоин – мы сразу думаем о героическом смысле¹², который в него заложен. Чтобы приехать на стройку с ребёнком, которому нет и пяти лет, нужно обладать именно такой силой.

От этой похвалы Цзинь Гоин немного смутилась и тут же попросила Вань Хуншаня организовать измерительную бригаду и провести повторное измерение количества столбов на всем участке дороги.

Те Цзянь сказал:

– Сейчас для нас важнее всего, чтобы работники всех отделов поскорее приехали на стройплощадку, обосновались на месте и приступили к работе, чтобы работа лучше продвигалась, больше привлекалось инвестиций, чтобы мы сумели нарастить темпы и получили на выходе отличное инженерное сооружение. Если какой-то отдел с этим не справится, обвиним в первую очередь управляющего этим отделом.

Сяо Иху взял слово и заявил, что если осуществляется у них разделение труда, то в заведении стройплощадкой будут у него свои методы. Те Цзянь отвечал, что площадка, конечно, находится в его управлении, но Сяо Иху следует обращать внимание не только на себя, но и на процесс строительства железной дороги на соседнем участке Те Гуна, на то, какими темпами оно движется. Нужно знать и себя, и противника – тогда в любом сражении победа будет твоя.

Сяо Иху внимательно выслушал его, но в глубине души всё же был недоволен и сказал:

– Хочешь, чтобы я управлял стройплощадкой и был шпионом. Почему бы не попросить у меня чего-нибудь хорошего?

Те Цзянь от души расхохотался и сказал:

– Сведения о строительных работах очень важны. Если с точки зрения организации, техники выполнения работы, стандартов другие участки справляются хорошо, то мы должны научиться этому у них, а затем догнать и перегнать их. Если же на других участках не могут чего-то выполнить, мы должны придумывать новаторские методы, чтобы взять над ними верх. Если они замедляются, мы стремительно бросаемся вперед. Если они ускоряются, мы меняем методы строительства и безудержно, безостановочно стремимся нагнать их. Словом, наша цель – быть первыми в борьбе.

Дан Хунци, доев до конца рисовую кашу, опустил палочки для еды и сказал:

– Лао Те всегда таким был. На какой бы линии он ни работал, он никогда не терпел поражений. Сяо Иху, когда ты отправишься на другой участок, скажи им, что пришёл перенимать опыт, и Те Гун не сможет ничего возразить, потому что мы тактично к нему подойдём.

Те Цзянь заявил, что Сяо Иху следует поторопиться, что нужно до нового года объявить конкурс на материалы и оборудование, нужно организовывать всё в соответствии с порядком и

¹² Игра слов. Имя «Гоин» состоит из двух иероглифов, входящих в состав выражения «цзиньго инсюн», обозначающего женщину-героиню. (прим.перевод.)

нормами, контроль за выполнением которых будет осуществляться со стороны рабочего комитета партии – никто не сможет принимать решения произвольно.

Сяо Иху, как болванчик, качал головой, говоря, что на фронте он уже бывал разведчиком, а теперь его снова хотят снарядить на это дело. Те Цзянь сказал, что первым ответственным лицом по проекту является он сам и должен ведать всеми делами, касающимися инженерных работ. Он поручил Дан Хунци взять на себя обязанности по формированию партийной ячейки проекта, реквизиции земли и сносу зданий на участке, предотвращению коррупции, координации отношений с местными органами власти, Сяо Иху – обязанности по организации строительной площадки, безопасности, включая конкурсы и управление бригадами, материалами и оборудованием, а Цзинь Гоин – обязанности, связанные с технической стороной дела, с качеством и объёмом строительства, экспериментами и опытами, а также рекламациями по изменению обстоятельств. Всем остальным надлежит выполнять задачи, соответствующие занимаемым должностям. Договорив, Те Цзянь спросил Дан Хунци, нет ли у него каких-то возражений.

Дан Хунци на мгновение широко распахнул глаза и сказал:

– Это и есть распределение обязанностей?

Те Цзянь кивнул:

– Если у вас нет других соображений, то будем считать, что у нас прошло совещание за круглым столом. Дан Хунци отметил, что хотя Те Цзянем предложен безошибочный вариант распределения обязанностей, но нельзя пренебрегать процедурами и порядком, нужно объявить обо всем на официальном заседании, а также выпустить официальный документ, где бы указывались все эти обязанности, иначе как внизу узнают, какой из

руководителей участка за что отвечает? Те Цзянь посчитал, что Дан Хунци прав и прямо на месте попросил Лань Хуадо составить черновик документа о распределении обязанностей. Так и начало официально работать управление участком.

Вечером того дня Те Цзянь проехал долгий путь на машине в город окружного значения, расположенный в уезде Цинчэн, где принял участие в установочном собрании, созванном предприятием-заказчиком – компанией «Север—Юг». Заодно он доложил о себе председателю правления компании-заказчика Чжан Фучэню, заместителю генерального директора и главному инженеру Ван Чжунли, а также конструкторской организации, осуществляющей контроль за строительством, вместе с тем обменявшись приветствиями с Те Гуном. По окончании собрания участники из разных организаций один за другим вышли из зала заседаний. Те Цзянь, Те Гун и все остальные окружили Чжан Фучэня. Чжан Фучэнь представил остальным Те Цзяня и Те Гуна. Ван Чжунли сказал Те Цзяню и Те Гуну, что впредь главные инженеры проектов при возникновении технических вопросов могут обратиться к нему. Беседа шла в очень дружелюбной атмосфере.

Чжан Фучэнь, указывая на Те Цзяня и Те Гуна, сказал:

– Какие у вас двоих характерные имена, одного зовут Те Цзянь, что значит «железнодорожное строительство», а второго – Те Гун, что можно интерпретировать как «штурм железных дорог». У вас одна и та же фамилия, вы что – родные братья?

Те Гун сказал:

– Да, у нас обеих фамилия Те, мы и впрямь одна семья. Хоть мы и не родные братья, но эта связь сильнее, чем у родных.

Чжан Фучэнь улыбнулся, услышав это:

– Вы – два отряда, две силы, костяк железных дорог. Без вас не удалось бы построить и ввести в эксплуатацию высокоскоростные железные дороги протяженностью почти тридцать тысяч километров за короткие десять с лишним лет? Сейчас Китай не просто занимает первое место в мире по протяженности высокоскоростных железных дорог. Никто в мире не сравнится с нами и в том, что касается технологий строительства дорог и производства поездов, на кото-

рые мы обладаем правом эксклюзивной интеллектуальной собственности. Даже инопланетяне – и те поймут, что высокоскоростные железные дороги – визитная карточка Китая!

От этих слов все испытали прилив небывалой гордости. Чжан Фучэнь затянулся сигаретой и продолжил:

– Сегодня все страны, на западе и на востоке, развитые и отстающие, по-новому смотрят на наши китайские высокоскоростные железные дороги. Всем не терпится, чтобы мы помогли построить такие пути в их странах. И в этом ваша заслуга, Те Цзянь и Те Гун.

Далее слово взял Те Цзянь:

– Вслед за тем как инициатива «Один пояс, один путь¹³» нацелилась на внешний мир, мы продемонстрировали планете, что ни одна страна не может соперничать с Китаем по части технологий строительства высокоскоростных железных дорог и нашу реальную силу в этой области.

Чжан Фучэнь хмыкнул «угу», но тут же сделал собравшимся предостережение и напоминание:

– К вашей реальной силе претензий нет. Но, с другой стороны, то, что мы хорошо строили дороги за границей и отличились на строительстве прочих линий, – всё это в прошлом и меня теперь не волнует. Меня волнует, сможете ли вы сохранить планку на железной дороге Север—Юг, будет ли она одной из первых в стране, ведущей в мире по срокам строительства, качеству, безопасности, стандартам и социальной пользе.

Те Цзянь знал, что Чжан Фучэнь испытывает его и Те Гуна, поэтому с глубоким убеждением сказал:

– Не волнуйтесь, председатель Чжан, строительство высокоскоростной магистрали между Севером и Югом – это государственная стратегия. Если мы не справимся с этим проектом, меня и Те Гуна нужно будет привлечь к ответственности.

Те Гун без раздумий согласился с этим. Ван Чжунли, видя их решимость и непреклонность, нагнетая обстановку, сказал:

– Председатель Чжан – человек скрупулезный, с высокими требованиями к окружающим. Он ваших слов слушать не будет, а смотреть будет на ваши действия. Справитесь – всё будет в порядке, не справитесь – придётся окончательно с вами распрощаться.

Чжан Фучэнь расхохотался. Ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы сдержать смех, ему это удалось наконец, и он сказал:

– Ван Чжунли прав. Справитесь – объявим вам благодарность, пригласим вас выпить, пир целый устроим. А не справитесь, провалите проект – не только с вами распрощаемся, но и всю вашу площадку зачистим, всё ваше бюро отправим свободно гулять.

Затем Чжан Фучэнь поставил перед ними цель:

– Скорость поездов на этой железной дороге – 350 км/ч, вам отведено на строительство четыре года, но справиться вы можете только раньше и никак не позже. Сейчас зима, менее, чем через два месяца – Новый год¹⁴. Времени у вас очень мало. В зимний период нужно довести до конца все подготовительные работы, развернуть работу во всех точках, где ее только можно развернуть. Работа ждёт многообразная, и после Нового года она должна закипеть везде: на мостах и в тоннелях, смесительных установках, площадках для изготовления и монтажа конструкций моста, должны проводиться эксперименты, набираться строительные бригады, объ-

¹³ Инициатива, предложенная председателем КНР Си Цзиньпином, в рамках которой Китай осуществляет программу торговых коридоров, строительства инфраструктурных объектов, туристических и студенческих обменов преимущественно в Центральной, Южной, Юго-Восточной Азии, а также Африке (где активно строятся железные дороги и прочая инфраструктура). В один из торговых коридоров входит и Россия. (прим.ред.)

¹⁴ Имеется в виду китайский Новый год по лунному календарю. После него начинается весна, поэтому Те Цзянь и Те Гун должны все подготовительные работы завершить именно к этому сроку. (прим.ред.)

являться конкурсы на материалы и оборудование. Успех вас ждёт или неудача, зависит от вас, судя по вашим необыкновенным именам.

Слова Чжан Фучэня прозвучали очень весомо, и Те Цзянь и Те Гун почти физически ощутили их груз. На обратном пути, всю ночь проведя в дороге, Те Цзянь молча сидел в машине и за весь маршрут не проронил ни слова, лишь безостановочно курил и обдумывал, как ему наилучшим образом запустить начало работ, а главное, он размышлял, получится ли до Нового года соорудить площадку для изготовления и монтажа конструкций моста. Затем он позвонил управляющему этой площадкой – Кун Цинжуну из второго отдела и секретарю Юань Тинфэн, чтобы расспросить их о размещении в строительном лагере на площадке. Кун Цинжун отчитался по телефону, что до того, как площадка будет построена, придётся арендовать крестьянский двор для служебных нужд и только после сооружения площадки переехать в строительный лагерь.

В ту минуту, когда Кун Цинжун в гостинице разговаривал по телефону с Те Цзянем, Ань Сюэжун тоже разговаривала – с Дэн Лицяном. Дэн Ли-цянь сказал Ань Сюэжун, что только что звонил дядюшке Вану, что вызвало у Ань Сюэжун полнейшее недоумение.

– Что за дядюшка Ван? – спросила Ань Сюэжун.

Дэн Лицянь ответил, что это заместитель генерального директора и главный инженер предприятия-заказчика Ван Чжунли, одноклассник его отца. Отец Дэн Лицяня сказал Ван Чжунли, что его торговая фирма хочет поучаствовать в конкурсе на материалы, о котором объявит проектная организация. Ань Сюэжун снова задала вопрос:

– Ван Чжунли согласился тебе помочь?

– Мой отец его просил, – сказал Дэн Лицянь, – как он мог не согласиться? Не говоря уже, что они одноклассники, мой отец – кадровик ведомственного уровня, нужно его уважить.

Дэн Лицянь ещё и рассказал Ван Чжунли, что Ань Сюэжун – его девушка, и попросил побольше о ней заботиться. Ань Сюэжун была не слишком довольна об этом услышать и сказала:

– Зачем ты ему разболтал о наших отношениях? Я ведь ни о чем его не прошу.

Дэн Лицянь обосновал это тем, что Ван Чжунли – руководитель компании-заказчика, а такие люди могут прикрыть, такие связи всякий хочет иметь, да найти их сложно.

Ань Сюэжун, стоя в коридоре гостиницы, недовольно сказала:

– Лицянь, больше не нужно из-за меня и моей работы здесь кого-то беспокоить, я не хочу, чтобы слишком много людей узнали о наших отношениях. Мама передала тебе торговую компанию, лучше трать силы на бизнес.

На другом конце после этих её слов надолго воцарилось молчание, и после длительной паузы Дэн Лицянь сказал, что приедет на стройплощадку участвовать в конкурсе, а заодно и её проведает. Ань Сюэжун долго не могла понять, как это Ван Чжунли вдруг превратился в одноклассника отца Дэн Лицяня.

Утром следующего дня ярко светило солнце, но зимний ветер, прилетевший после снегопада, был таким, что от холода болело лицо. Кун Цинжун и Юань Тинфэн вышли из своих комнат, взяли ключи, которые им вручил старый крестьянин, позвали Ань Сюэжун, Цзы Ци и Гао Юнхэна и вместе с ними отправились посмотреть на крестьянский двор, который собирались снимать. Открыв ворота, они обнаружили, что вокруг двора расположены главные постройки, восточный и западный флигеля, а в простом небольшом домике, примыкающем к ограде двора с запада, установлены котёл и обогреватель. Стоя в воротах и оглядываясь по сторонам, можно было увидеть обширный огород в передней части двора. Окинув взглядом весь двор, Юань Тинфэн сделала вывод:

– Двор неплохой.

Кун Цинжун, взяв ключ, отправился ко входу в главное здание. Дверь заскрипела, когда он толкнул её, открывая. Они вошли в комнату, и в ту же минуту оттуда, громко мяукая, выскочил большой пятнистый кот, страшно напугавший, не ожидавших его появления.

– Напугал меня до смерти, – Цзы Ци в испуге спряталась за спину Юань Тинфэн и обхватила её за плечи.

Всё ещё испытывая неприятное чувство страха, они исследовали каждый уголок комнаты. Окно в ней было разбито. Внутри не только были свалены в кучу разные вещи и сельскохозяйственные орудия, но и всё было затянуто паутиной, а у стены цветная ткань скрывала от глаз какой-то предмет прямоугольной формы.

– Управляющий, что это за место? – спросила перепуганная Ань Сюэжун.

Кун Цинжун, конечно, был мужчиной, поэтому особого страха не испытывал. Он сказал: – Хозяева – два старика, они тут жили раньше, теперь уехали.

С этими словами он вместе с Гао Юнхэном подошёл к накрытому пёстрой тканью предмету и откинул её. Их взгляду явился прямоугольный гроб. Женщины в ужасе отпрянули, невольно сделав шаг назад.

– Почему в комнате гроб? – спросила Юань Тинфэн.

Гао Юнхэн, не придавая этому большого значения, сказал:

– Наверняка хозяин сам для себя изготовил этот гроб.

Ань Сюэжун испуганно спросила:

– А сможем мы в таком-то месте жить?

Цзы Ци трясась от страха, и голос у неё дрожал.

– Я боюсь здесь жить, – сказала она. – Ночью кошмары будут сниться.

Кун Цинжун шумно накрыл гроб пёстрой тканью, встряхнув её, чтобы расправить.

– Вот так гроб, вот так гроб, разбогатели мы чтоб! У южан есть обычай намеренно соревноваться за гроб: они верят, что он приносит удачу. А мы в «Китайских железных дорогах» духом тверды и никакую нечистую силу не боимся. В восточном флигеле будут кухня и столовая, в западном – офис и комната для заседаний. Думаю, всё складывается прекрасным образом.

Он сказал, чтобы Юань Тинфэн и две другие женщины занимали соседнюю комнату, а он сам и Гао Юнхэн поселятся в этой комнате с гробом, и тут же поручил Гао Юнхэну отыскать несколько подсобных работников, которые убралась бы в помещении, купить мебели, обставить комнату и на том посчитать, что официальное заселение состоялось.

Большинство работников «Китайских железных дорог» именно так и жило во время работы над проектами. Удачным считалось, если получалось снять дом или установить временный домик из профнастила, но большая часть работников селилась в палатках и считала обычным делом работу и жизнь в таких условиях. Ань Сюэжун терзали сомнения после того, как она устроилась на крестьянском дворе. Она волновалась и боялась. Она позвонила Дэн Лицяну и описала свое новое жилище, а Дэн Лицян тут же передал эти новости Ван Чжунли. Ван Чжунли сказал, что работа на стройке не подразумевает роскоши и излишеств, а Ань Сюэжун постепенно привыкнет к новой обстановке. Если же ей будет совсем невмоготу, то ее переселят. Такая мысль была на самом деле и у Дэн Лицяна.

Едва Ван Чжунли, сидевший в своём кабинете, повесил трубку после разговора с Дэн Лицяном, как ему поступили ещё два звонка подряд: первый от вышестоящего начальника департамента Гао, который сказал, что скоро к Ван Чжунли придёт некто по имени Го Фухай. Другой звонок был от Сяо Иху, который звонил ему с первого этажа. Го Фухай и Сяо Иху почти одновременно пришли в кабинет Ван Чжунли, но Го Фухай прибыл раньше буквально на несколько минут. Го Фухай впервые посетил компанию «Север—Юг». Проходя по коридору мимо офисных дверей, он с особой внимательностью изучал номера. Увидев номер каби-

нета Ван Чжунли, он легонько постучал в дверь и застыл в ожидании ответа. Когда из кабинета донеслось: «Войдите!» – он наконец толкнул дверь и вошёл. Ван Чжунли с головы до ног окинул его взглядом и спросил, кто он такой. Го Фухай, с увесистым портфелем в руках, стоял в дверях и энергично кивал головой. Сначала он представился, затем доложил о цели своего прихода, при этом преднамеренно подчеркнув свои отношения с Цзинь Гоин. Наконец, он объявил, что прислал его сюда начальник департамента Гао.

Ван Чжунли тут же стал приветлив, пригласил его сесть на диван и сказал, что даст знать Сяо Иху об участии Го Фухая в конкурсе на оборудование, а Сяо Иху как раз скоро придёт. Го Фухай растрогался чуть не до слёз, а затем торопливо вытащил из портфеля какую-то пачку и втиснул её в нижний ящичек рабочего стола Ван Чжунли. Ван Чжунли понял, что произошло, изобразил вежливый отказ и продолжил разговор обсуждением проблем Го Фухая и Цзинь Гоин. Го Фухай описать это одним словом не мог, но решил, что при первой встрече оставлять вопрос без ответа нехорошо. Тогда он сказал, что учился вместе с Цзинь Гоин в магистратуре. Цзинь Гоин получила специальность инженера и после выпуска отправилась на работу в «Китайские железные дороги». А он изучал финансы и после окончания университета стал работать в банковском секторе. Когда он начал работать, он женился на Цзинь Гоин, за которой ухаживал в университете. Вскоре после свадьбы главный офис банка отправил его в Австралию, где открывался филиал, чтобы расширять бизнес, а Цзинь Гоин осталась на строительной площадке железной дороги.

Го Фухай не хотел рассказывать больше, но он уже возбудил любопытство Ван Чжунли и подвергся дальнейшим расспросам, на которые пришлось скрепя сердце отвечать. Он сказал, что в Австралии встретил другую женщину, коллегу, которая вместе с ним работала в банке, и по этой причине распался его брак. Тогда он со своей новой девушкой решил остаться в Австралии, а сам вернулся в Китай, рассказал обо всем Цзинь Гоин и оформил развод. Ван Чжунли с изумлением ахнул и с некоторым злорадством уточнил, от него ли ребёнок Цзинь Гоин. Этот вопрос поставил Го Фухая в очень неловкое положение. Ему пришлось кивнуть и признать, что ребёнок – его. Го Фухай сказал, что во время развода Цзинь Гоин не сказала ему, что беременна. О том, что она родила, он узнал позже. Ребёнка назвали Наньнань, право на опеку принадлежит Цзинь Гоин. Куда бы она ни поехала, ребёнка она возит с собой и не даёт Го Фухаю увидеть сына. Развод стал огромным ударом для Цзинь Гоин. Вспоминая об этом, Го Фухай испытывает сильное сожаление и чувствует вину перед Цзинь Гоин.

Ван Чжунли с Го Фухаем так и сидели на диване, пили чай, курили и болтали, вспоминая старых знакомых, давнишних друзей. Затем Ван Чжунли спросил, зачем Го Фухай вернулся из Австралии. Го Фухай ответил, что, узнав о случившемся, банк отозвал его обратно в Китай, и он остался ни с чем. А ещё позже дела у банка стали идти всё хуже и хуже, доход становился всё ниже и ниже, и он со злости уволился и стал работать в одиночку, так и оказался там, где он есть сейчас. Теперь он вынужден быть агентом по продаже оборудования на железной дороге и тем самым зарабатывать себе на жизнь.

Ван Чжунли продолжал расспросы: холост ли Го Фухай. Го Фухаю опять предстояло отвечать. Он чувствовал себя так, будто становился прозрачным, но продолжал говорить. Теперь он по-прежнему живет с той своей коллегой из Австралии, но в брак они не вступают, всё из-за того, что сейчас амбиций у него много, а возможностей – мало. Ван Чжунли подал ему сигарету и спросил, не хочет ли Го Фухай вернуться к первой жене. Го Фухай ответил, что очень хочет, да только Цзинь Гоин ни за что не согласится.

Ван Чжунли уверенно указал в сторону Го Фухая, сказав:

– Всё из-за вас, но, конечно, и она тоже ответственна. Это женщины, если им разбить сердце, они больше в твою сторону и не посмотрят.

Го Фухаю оставалось только терпеливо выслушивать обвинения Ван Чжунли, а затем он настойчиво попросил:

– Если вы увидите её на стройке, ни в коем случае не говорите, что в конкурсе на оборудование принимаю участие я.

Ван Чжунли настороженно уточнил, знает ли Цзинь Гоин, что Го Фухай работает агентом по продаже оборудования на железной дороге. Го Фухай с серьёзным видом ответил, что она об этом знает, но слишком много подробностей ей лучше не знать. Ван Чжунли поднялся и отошёл от дивана к столу. Он сказал, что ему жаль талантливого студента, изучавшего финансы.

Пока эти двое беседовали в кабинете, Сяо Иху, с пакетом в руках, постучал в дверь и вошёл. Он пришёл к Ван Чжунли с докладом. Ван Чжунли очень вежливо представил Го Фухая Сяо Иху. Го Фухай, естественно, держался скромно. Он выступил вперед и крепко пожал Сяо Иху руку. Ван Чжунли сказал, что все тут свои и церемониться нечего. Го Фухай был очень рад, что за один день сумел заключить связи и с Ван Чжунли, и с Сяо Иху. К счастью, это оказалось проще, чем устанавливать контакты с некоторыми владельцами компаний и заказчиками.

Во время этой встречи и Ван Чжунли, и Сяо Иху, и Го Фухай получили каждый свою пользу. Конечно, для Ван Чжунли это были деньги, для Сяо Иху – доверие, а для Го Фухая – возможность поставлять оборудование на проект, где работала Цзинь Гоин. Провожая Сяо Иху вниз, Ван Чжунли намеренно подчеркнул, что Го Фухая рекомендовал вышестоящий начальник, и посоветовал оказывать ему больше внимания во время конкурса на оборудование, отдавать ему предпочтение при прочих равных условиях, а также разъяснил, что Дэн Лицян и две компании, занимающиеся строительством тоннелей, хотят участвовать в поставках материалов. Пусть Сяо Иху хорошенько займётся этими двумя делами. Сяо Иху безропотно слушался Ван Чжунли, словно своего господина, и не чувствовал при этом никакого давления, потому он сказал, что непременно удовлетворит все его просьбы.

Сяо Иху и Го Фухай встретились внизу, у входа в здание компании «Север—Юг», и Сяо Иху, как недавно Ван Чжунли расспрашивал о Цзинь Гоин, спросил, правда ли, что Наньнань, которого Цзинь Гоин везде возит с собой – ребёнок Го Фухая? Го Фухай горько улыбнулся и кивнул, сказал, что мальчик с однолетнего возраста ездит за Цзинь Гоин. Сяо Иху так же, как и Ван Чжунли, спросил, по чьей вине произошёл развод, и Го Фухай признал, что вина – его. С этими словами Го Фухай отвёл Сяо Иху в более укромное место, вытащил из портфеля пятьдесят тысяч юаней и всунул деньги в руки Сяо Иху, прося его похлопотать во время торгов на оборудование. Сяо Иху сделал вид, что отказывается, но деньги Го Фухаю не вернул. Он сказал, что делом распоряжается Ван Чжунли и нужно спокойно ждать оповещения. После этого Сяо Иху уселся в машину, протянул руку из окна, пожал руку Го Фухаю и вскоре скрылся вместе с машиной.

Едва вопрос с жильем был улажен и работники управления участком и двух отделов устроились на новых местах, едва начался проект, как с разных сторон хлынули на стройку, стремясь провернуть свои дела, разные бригады, не работавшие на «Китайские железные дороги»: поставщики материалов и оборудования, а также местные криминальные элементы. Все они разными методами устроили «облаву» на руководство проекта. Первый отдел снимал трехэтажный домик на краю дороги, окнами выходящий на улицу. Перед домом была маленькая площадь, сбоку – ворота, а сзади располагался большой двор. Ши Цзинтянь позвал в комнату для совещаний секретаря Чжу Цзылая, главного инженера Ван Жоюнь, заместителя начальника отдела Чжао Хуаляна, начальника инженерного отдела Чжу Хунцзюня, командира бригады по строительству тоннелей Бао Те, начальника первой смесительной установки и тестировщика Цуй Линхуа, начальника бригады по строительству мостов Ван Фантая, начальника отдела контроля и качества безопасности окружающей среды Лян Лили и прочих, чтобы обсудить распределение обязанностей. Сначала он попросил Ван Жоюнь составить для всех чертежи тоннелей, подчеркнув, что первым делом надо взяться за сваи, чертежи, реквизицию земли и набор строительной бригады, чтобы поскорее проложить тоннель.

После окончания утреннего собрания Ши Цзинтянь получил по телефону оповещение, что ему нужно вместе с Дан Хунци и Сяо Иху отправиться в кабинет директора Чжао из железнодорожного отдела уездного правительства, чтобы обсудить вопросы реквизиции земли и сноса построек на участке строительства дороги. Директор Чжао подозвал к себе в кабинет Цяо Саня, чтобы и тот встретился с Дан Хунци и его спутниками. Цяо Сань намеренно выпростал из-под одежды грубую золотую цепь, украшавшую его шею. Он кивнул в сторону Дан Хунци и двух его товарищей.

Дан Хунци, уставившись на его шею, сказал:

– Тяжёлая у вас эта цепь, впечатляющая. Деньги у вас есть, но вот шея не устаёт?

Цяо Сань размял шею и важно ответил:

– Не устаёт. Я привык.

Директор Чжао, видя, что создалось неловкое положение, поспешил представить собравшимся Цяо Саня:

– Директор Цяо – уважаемая у нас фигура. У него много имущества: вот шахта, которую нужно замерить для строительства моста в вашем первом отделении, – это как раз его, и если будут проблемы в согласованиях, то без него тут не обойтись.

Дан Хунци сказал, что сейчас самые насущные вопросы – это реквизиция земли и снос построек, спросил, в какое время будет удобно это уладить. Цяо Сань немедленно перехватил инициативу разговора и заявил, что не нужно решать это с директором Чжао: любую ситуацию здесь поможет уладить он, Цяо Сань. Директор Чжао подтвердил, что Цяо Сань в этом деле и впрямь умелец. Тогда Сяо Иху приветливо окликнул Цяо Саня и попросил у него номер телефона, очень скромно сказав:

– Мы здесь впервые, все тут для нас незнакомо, когда у нас появятся вопросы, мы будем просить вас о помощи.

Цяо Сань ударил себя в грудь и заявил, что помощь он гарантирует, зуб, дескать, даёт. Директор Чжао несколькими фразами обменялся с Цяо Санем, чтобы выпроводить того за дверь, и только после этого раскрыл Дан Хунци, Сяо Иху и Ши Цзинтяню истинное положение дел.

– С этим человеком ладить непросто, я сначала вас знакомить не хотел, но ко мне пришёл один из руководителей уезда, и у меня уклониться не получилось.

Директор Чжао обратил внимание Дан Хунци и его товарищей на то, что с Цяо Санем нужно быть поосторожнее, потому что связи у него в уезде весьма прочные, а в подчинении – шайка проходимцев. Он может помочь с земельными делами, но действовать с ним надо предусмотрительно.

В тоне директора Чжао явно прозвучала некоторая беспомощность, а вместе с ней – нескрываемое отвращение. Сяо Иху же не обратил внимания на слова директора Чжао, потому что в его управлении находилась площадка и ему хотелось поскорее начать там работу и хорошо себя проявить. Из-за того что директор Чжао представил Цяо Саня работникам строительного бюро «Китайских железных дорог», тот решил, что тип по фамилии Чжао хочет сохранить свое положение и не осмелился с плеча оскорблять покровителя, стоящего за Цяо Санем, ведь на этой земле строительному бюро без него совершенно не обойтись. В полдень того дня Цяо Сань по собственной инициативе позвонил Сяо Иху и пригласил его на обед. Сяо Иху сказал Цяо Саню, что стоит пригласить и Дан Хунци, но на самом деле позвал с собой только Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая из первого отдела и отправился с ними в один из кабаков уездного города. Войдя в отведённую для них отдельную комнату, они увидели, что на столе уже поджидают их в огромном количестве яства и маотай. Цяо Сань весьма любезно пригласил их сесть и попросил молодую красивую официантку налить каждому маотая, а затем, подняв стакан, с тактом произнёс несколько красивых фраз. Сяо Иху несколько раз поднял ему навстречу стакан, словно встретился с задушевным другом, а Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай

сомневались, стоит ли так стремительно выражать чувства. Видя это, Сяо Иху опешил. Он залпом допил свой стакан, испустив пьяную отрыжку. Допив, он сказал Ши Цзинтяню и Чжу Цзылаю:

– Директор Цяо – это видная фигура в уезде, он способен тут распорядиться. Сегодня он с искренними побуждениями сам вызвался нам помогать. Это действительно великодушный поступок!¹⁵

Цяо Сань, которого с таким рвением бросился восхвалять Сяо Иху, тут же взял слово:

– Смело говорите мне, если будет у вас какой-то вопрос с землей. Куда не можете попасть, я вам по-братски помогу выйти из трудного положения.

Сяо Иху в восхищении поднял вверх большой палец.

– Смотрите, какой у нас преданный брат. Брат Цяо, можешь сначала помочь первому отделу с вырубкой деревьев на отрезке, где будет прокладываться железнодорожное полотно?

Цяо Сань, выражая полнейшую готовность, ударил себя в грудь и сказал, что вопросов нет, он все это сделает. Сяо Иху сказал:

– Цзинтянь, Цзылай, думаю, так поступим, если директор Цяо и впрямь вырубит деревья, можем попросить его сделать прежде всего работы по срезке растительного грунта и сооружению насыпи.

Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай при Цяо Сане говорить напрямую не решились, но после обеда, придя на парковку, Ши Цзинтянь, придерживая раскрасневшегося и нетвердо державшегося на ногах Сяо Иху, спросил, а в состоянии ли этот человек выполнить все, о чем говорилось. Он ведь похож на какого-то проходимца. Что делать, если потом он создаст проблемы? Сяо Иху нетерпеливо причмокнул языком и сказал:

– Я вас с ним познакомил, о чем вы ещё беспокоитесь? Где же в строительстве не полагаются на таких людей, не говоря уже о том, что его представил сам руководитель уезда.

– Боюсь, мы идём не по правильной дороге, – сказал Ши Цзинтянь.

Сяо Иху оперся на дверцу машины и с укором спросил Ши Цзинтяня:

– А что такое правильный путь? Кто быстрее движется, того путь и правильный. О, так по твоим словам, вы идёте по прямому и правильному пути, а я по кривой дорожке? Так если можете, идите и сами рубите деревья в пределах минимально допустимой границы железнодорожного полотна! А раз уж вы сами не можете этого сделать, а общественные силы тоже не используете, разве проект с места сдвинется? К тому же шахты, которые ваш первый отдел собираются измерять и засыпать, – в его управлении. Если мы не поманим его выгодой, как вы потом решите вопрос с шахтами? Будьте посмелее, а случится что – отвечать буду я, идёт?

Ши Цзинтянь заметил, что об этом деле нужно доложить Те Цзяню и Дан Хунци. Сяо Иху распахнул дверь машины и с грохотом потянул её.

– Докладывайте в жопу. Я на площадке распоряжаюсь, должен перед ними отчитываться? Пока так решим, пусть Цяо Сань поможет нам с вырубкой деревьев, и срезку растительного грунта и насыпь пусть он прежде делает. Садитесь в машину, ещё раз проговорим.

Через два дня утром ярко светило солнце. Место, отведённое под железнодорожное полотно первого отдела, все ещё было под плотным снежным покровом, а экскаватор выкорчевывал деревья из мерзлой почвы и сваливал стволы на снег. Цяо Сань подбросил туда два погрузчика, которые железными ковшами оттащивали срубленные деревья, оставляя на снегу широкие неравномерные полосы. Сам Цяо Сань, набросив на плечи драповое пальто, в тёмных очках, стоял сбоку и руководил работой, крича подчиненным:

– Все вырубает, кто загораживает дорогу – того и бьем.

Обо всем произошедшем в первом отделе Те Цзянь и знать не знал. Когда к нему с докладом пришли Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай, в кабинете Те Цзяня были Дан Хунци и Сяо Иху. Те

¹⁵ Крепкий китайский алкогольный напиток. (прим.перевод.)

Цзянь, услышав доклад, одной рукой яростно ударил по столу. Было очевидно, что он ужасно разозлился. «С чего это, вопрошал он, – земельные работы поручены какому-то местному проходимцу?» Он спросил у Сяо Иху, не его ли это план. Сяо Иху не осмелился признаться в содеянном и свалил вину на директора Чжао, сказав, что этого человека он им рекомендовал. И Дан Хунци тоже при этом присутствовал. Дан Хунци сказал, что директор Чжао особенно подчеркнул, что с Цяо Санем надо быть поосторожнее, и спросил Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая, почему они решили с вырубкой деревьев и срезкой грунта прибегнуть к помощи Цяо Саня. Ши Цзинтянь долго мямлил, но в конце концов пришлось ему сдать с поличным Сяо Иху. Сяо Иху не нашёл, как оправдаться, лишь подчёркивал бесконечно, что всё это затеял для скорейшего начала работ над проектом. Те Цзянь в гневе сказал:

– Лао Сяо, ты не понимаешь правил нашей строительной организации? Беды себе ищешь.

Те Цзянь велел Ши Цзинтяню и Чжу Цзылаю остановить работы по вырубке деревьев, срезке грунта и подготовке насыпи, сказав, что идти следует надлежащей формальной дорогой.

Ши Цзинтянь, чувствуя стеснение и затруднение, сказал, что уже вырублено немало деревьев. Те Цзянь, уставившись на него, заметил:

– Я вам сказал остановить работы, значит, надо остановить работы. Нечего хлопот себе искать в самом начале проекта.

Те Цзянь четко указал Сяо Иху:

– Ты распорядился, ты с Цяо Санем в должной мере и рассчитывайся.

Сяо Иху, не желая смириться, отвернулся и уклончиво сказал, что взять это на себя не сможет. Если уж ему вверили площадку, то что плохого в том, что первый бой возьмёт на себя Цяо Сань. Лицо Те Цзяня было непроницаемо.

– Плохого много. Пользоваться его помощью мы не можем. Если воспользуемся, потом безнадежно влипнем.

Те Цзянь дал указание о прекращении работ, и Сяо Иху был вынужден вместе с Ши Цзинтянем и Чжу Цзылаем отправиться на площадку к Цяо Саню. Хотя на стройке стоял сильный мороз, но работа по вырубке деревьев и срезке грунта под руководством Цяо Саня просто кипела. Сяо Иху, Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай подошли к Цяо Саню и сказали, что нужно обсудить с ним один вопрос, нельзя ли пока приостановить вырубку леса. Эта фраза показалась Цяо Саню подозрительной. Поразмыслив, он спросил, почему это вырубку нужно приостанавливать. Сяо Иху сказал, что без официального разрешения он боится, что в уезде у них будут сложности. Цяо Сань в это совершенно не поверил и жёстко заявил, что никто не посмеет создавать ему проблемы. Ши Цзинтянь вышел вперед и откровенно признался:

– Директор Цяо, нам нужно идти формальным путем, нам нужно добиться официального разрешения на вырубку деревьев.

Цяо Сань уже додумался, что проблема – во внутреннем управлении строительного бюро «Китайских железных дорог», и мрачно сказал:

– Денег тут не так-то много получишь, могу отказаться от них и для начала помочь вам пройти на шахту для измерительных работ.

Он оглядел Сяо Иху, Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая и сказал, что надеется, что строительное бюро «Китайских железных дорог» не обманет его при первой же возможности сотрудничества.

Вечером того дня, когда Цяо Саня попросили приостановить работу, проблемы возникли на участке шахт первого отдела. Ши Цзинтянь распорядился работой в кабинете, когда вдруг получил доклад от работников, производящих измерения. Они сказали, что измерительные работы столкнулись с препятствиями из-за конфликта с молодыми людьми, охранявшими шахту. Ши Цзинтяню пришлось оставить работу и помчаться на место происшествия.

Шахта была обнесена заграждением из проволоки, которое окружало её со всех сторон. На входе в шахту находились ворота из штaketника. Три молодые детины прямо за воротами

пытались отнять у четырёх работников измерительные приборы. Борьба между ними привлекла каких-то зевак из крестьян. Работники гневно заявляли, что не разрешать производить измерительные работы незаконно. Молодой детина отвесил говорившему оплеуху и сказал:

– Незаконно? Закон на этой земле – наш брат Сань.

Остальные три работника вышли вперёд, желая положить конец стычке. Они спрашивали, зачем молодой детина дерётся и потребовали вернуть им измерительные приборы. Молодые проходимцы окружили работников, схватили одного из них за ворот и завопили, что будут бить кого захотят, потому что те без всякого разрешения, нагло, вломились на территорию их шахты и производят тут какие-то замеры. Всю шахту только истоптали! Сначала пусть возместят убытки, а потом и поговорить можно. Любопытные крестьяне, то один, то другой, выражали недовольство, вступались за работников, даже бранили молодых проходимцев, что те ни за что ни про что обижают людей. Железная дорога строится на благо народа, а Цяо Сань так поступает лишь потому, что у него не получилось заработать. Чтоб этой банде проходимцев пусто было!

Когда Ши Цзинтянь ворвался в толпу, три проходимца курили. Склонив головы, они уставились на пришедшего. Ши Цзинтянь стал объяснять, что работники, конечно, не совсем правильно поступили, начав измерительные работы без спросу, но сроки поджимают, делать нечего. Он потребовал проходимцев вернуть приборы. Те не могли определить, что он за человек, но догадались, что, скорее всего, какой-то главный у этих работников. И работники подтвердили, что Ши Цзинтянь – их начальник. Молодые проходимцы, сблизившись головами, перебросились между собой парой фраз, а потом заявили, что перед начальником на сей раз пощадят допустивших оплошность работников, но если в следующий раз они придут в шахту без разрешения, то нечего жаловаться на холодный приём. С этими словами они подтолкнули в сторону Ши Цзинтяня измерительные приборы. Ши Цзинтянь перехватил приборы и стал успокаивать работников, говоря, что им надо набраться терпения.

Так завершилась первая схватка с местными авторитетами. Те Цзянь не придал этому большого значения. Вечером, не увидев за ужином в столовой Сяо Иху, он задумался, куда же в конце концов тот запропастился. Заодно, воспользовавшись тем, что снег ночью достаточно светло от снега, он взял с собой Вань Хуншаня на вечернюю проверку. На машине они отправились посмотреть, что делают работники двух отделений. Внедорожник остановился на грунтовой дороге возле крестьянского двора, который снимало руководство второго отделения. Те Цзянь толкнул ворота и вошёл во двор. Лицом он прижался к стеклу двери основной постройки, заглянул внутрь. Все работники, собравшись у включенной электрической печки, изучали чертежи. Те Цзянь был очень доволен, что они пребывают в таком рабочем настроении. Он не сдержался и кашлянул. Его услышала Цзы Ци. Юань Тинфэн, Ань Сюэжун и остальные поспешно распахнули дверь, выбежали ему навстречу, затащили его и Вань Хуншаня в дом.

Примерно через полчаса Те Цзянь в приподнятом настроении вышел со двора. Но он не стал возвращаться в управление участком, а направился в небольшое здание у края дороги, где временно разместился первый отдел. В помещении на втором этаже горел свет, но людей не было. Дверь комнаты заседаний была закрыта, свет лампы мерцал за стеклянным окном, которое запотело от пара. Сяо Иху, Ши Цзинтянь, Чжао Хуалян и Ван Фантай курили и играли в мацзян. Рядом с ними сидел Чжу Цзылай, поглядывал налево в кости Ши Цзинтяня и направо в кости Чжао Хуаляна. В комнате плавал табачный дым, его было так много, что, наверное, было трудно дышать, кости с треском ударились о стол, и этот треск особенно резко звучал в ночи.

Те Цзянь толкнул дверь и вошёл в комнату. В это время Сяо Иху и вся компания только и думали, что о костях на столе. Они даже не заметили, что Те Цзянь и Вань Хуншань уже стоят за их спиной. Те Цзянь в гневе смотрел на игроков и думал: неудивительно, что Сяо

Иху не пришёл на ужин в столовую управления участком. Оказывается, он прибежал сюда играть. Те Цзянь приблизился к столу и с шумом перемешал кости. Только тогда пятеро игроков словно очнулись ото сна и оцепенело застыли на своих местах. Те Цзянь, глядя на них, схватил несколько костей и швырнул на стол. Он саркастически заметил, что эти четверо хорошо играют в мацзян, отчего Ши Цзинтянь и все остальные страшно смутились. Они поняли, что на сей раз попали впросак.

Те Цзянь с каменным лицом спросил, на время ли снимается этот дом. Ши Цзинтянь, мелко дрожа от страха, промямлил, что через несколько дней будет достроен лагерь на стройплощадке и отдел переберётся туда. Те Цзянь спросил, когда лагерь будет достроен, и Чжу Цзылай ответил, что они сейчас заняты на площадке. Те Цзянь продолжал спрашивать, кто же занят, и Чжао Хуалян, не чувствуя опасности, сказал, что это начальник и секретарь отдела. Те Цзянь, услышав это, почувствовал отвращение и сказал:

– Да кто там занят? Там проходимцы бегают! А вы куда прибежали – к столу для игры в мацзян?

Атмосфера в комнате резко накалилась,

– Откуда этот стол? – спросил Те Цзянь.

Сяо Иху безразлично ответил, что стол они позаимствовали у хозяина и нет ничего плохого в том, чтобы вечером немного поиграть. Те Цзянь сказал Сяо Иху:

– Ты, заместитель начальника участка, играешь в мацзян с подчинёнными, куда это вообще годится? ¹⁶

Сяо Иху, насупив брови, бросил в свое оправдание, что работают они днем, а вечером можно и поиграть и нет в этом ничего криминального. Те Цзянь яростно расхаживал по комнате, говоря, чтобы Сяо Иху не прельщался тем, что он старый боевой товарищ Те Цзяня. На проекте, кем бы ты ни был, если ты нарушил правила, наказание тебя ждёт такое же, как и всех остальных. После этого Те Цзянь подошёл к столу, нажал на него рукой, и костяшки с приятным шорохом перемешались сами собой.

– Ещё и автоматический! Высшего класса! Сколько раз сыграли?

– Три.

– А ставка какая?

– Десять юаней.

Те Цзянь спросил, не играл ли Чжу Цзылай. Чжу Цзылай ответил, что не играл, а только смотрел.

– Хватит с вас игр, – Те Цзянь в гневе разом опрокинул стол. – Время поджигает, а вы, руководители, вдруг играть в мацзян решили? Какой пример вы подаете подчиненным! В вашей группе одна только главный инженер Ван Жоюнь не играла с вами, а вы тут собрались вместе, да разве руководители должны быть такими, как вы?

Те Цзянь и впрямь был очень зол. Сяо Иху, отвернувшись, курил и более ничего не говорил. Ши Цзинтянь безостановочно каялся в содеянном. Те Цзянь ругал их и читал наставления.

– Такой холодный день на дворе, и вы решили, что из управления с проверкой никто не приедет, так? Ши Цзинтянь, ты заведующий отделом, что же ты можешь сделать для отдела? Выиграть в кости денег? Хочешь выигрывать – возвращайся домой и выигрывай, а здесь тебе не дом, чтобы делать то, что вздумается. Скажи: вам уже удалось реквизируют землю под ваш строительный участок или вы уже построили лагерь для размещения работников? Смесительные установки прошли приемку? Работа развернулась на ключевых пунктах? У тебя нет никакого чувства необходимости, срочности работы, какой же из тебя руководитель? Вы сможете вести за собой бригаду? На этой линии у нас множество сильных соперников, ты можешь поручиться, что выйдешь победителем, будешь первым? Фиг вам. Вы все горе-вояки. Признаю,

¹⁶ Китайская игра в кости. Также называется маджонг. (прим.ред.)

вы мастера игры в мацзян, но почему бы не подумать, как стать мастерами высшего класса на нашей железнодорожной линии? А?

Чжу Цзылай немедленно взял ответственность на себя, сказав, что вина на нем, он как секретарь проекта не уделял должного внимания контролю. Те Цзянь сказал:

– Такой секретарь, как ты, ещё считает приличным говорить о контроле – ты даже сам себя контролировать не можешь, а ещё хочешь других контролировать? Должен вам прозвища придумать: заведующий мацзяном, секретарь глупости. Если так продолжится, вы оба отправитесь домой. Здесь нам нужны военачальники, которые ведут в атаку бойцов, которые воюют смело и на износ, а тряпки, которые только и умеют что в мацзян играть, нам тут точно не нужны.

Повернувшись, он набросился на Чжао Хуаляна и Ван Фантая:

– Вы двое, один заместитель начальника, второй командующий бригадой по строительству мостов, руководитель захотел поиграть – и вы за ним увязались, просто одного поля ягоды! Почему вы с таким рвением не отправились изучить, как строятся подвесные мосты? Как монтировать стальные балки? Как прокладывать тоннели?

Сяо Иху не выдержал и упрекнул Те Цзяня, что это уж слишком унижает достоинство провинившихся. Те Цзянь сказал, что, если кто хочет достойного обращения, пусть совершает достойные дела и подаёт пример подчиненным. От сурового, не терпящего возражений тона Те Цзяня у Сяо Иху словно муха в горле встала – ни вверх ее не выплюнешь, ни вниз не протолкнешь, остаётся только, хлопая глазами, молчать, ни звука не смея проронить.

Перед тем как уйти, Те Цзянь потребовал, чтобы Вань Хуншань конфисковал у игроков все деньги, а ещё предостерег Ши Цзинтяня и трёх его подчинённых: либо завтра они выкладывают ему на стол объяснительные, либо могут возвращаться домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ту ночь ни в управлении участком, ни в первом отделе никто не сомкнул глаз. Ши Цзинтянь и трое его коллег были удручены, осознавая, что сами сплеховали, переживали, что подвели Сяо Иху, досадовали так, что чуть не хлестали сами себя по лицу. Затем Ши Цзинтянь впал в ярость и сорвался на Чжу Цзылая, спрашивая, почему тот не обратил внимания на приезд Те Цзяня. Он боялся, что Те Цзянь, вернувшись в управление, всем все расскажет и по стройке разлетятся слухи, что, конечно, плохо скажется на его репутации как руководителя. Он потребовал, чтобы Чжао Хуалян разломал стол для игры в мацзян. Стол принадлежал хозяину дома, и Чжао Хуалян медлил, говоря, что, если стол сломают, придётся возмещать деньги хозяину. Ши Цзинтянь не сдержал негодования. «Возмещать – так возместим», – сказал он, деньги он найдёт сам, а Чжао Хуалян пусть ищет топор, чтобы расколоть стол на части. Чжу Цзылай, видя происходящее, немедленно выступил вперед, преградил путь Ши Цзинтяню и снова взял всю ответственность на себя. Ван Фантай укорял Те Цзяня за то, что он немного раздул масштаб произошедшего, на что Ши Цзинтянь только огрызнулся:

– Убирайся вон!

Так Ши Цзинтянь выставил Ван Фантая за дверь.

Во дворе Ван Фантай встретил Чжу Хунцзюня и излил ему душу. Чжу Хунцзюнь, войдя в дом, понял, что атмосфера там напряжённая. Это повергло его в недоумение. Чжу Цзылай со вздохом сказал:

– Повезло, что тебя не было, если бы ты пришёл с нами играть, ничего бы от нашего отдела не осталось.

Чжу Хунцзюнь бессильно покачал головой и сказал, что он занимался чертежами и проектированием с Ван Жоюнь, времени прийти поиграть у них не было. Ши Цзинтянь уныло покосился на него и сказал, что пора прекратить болтовню, сегодня ночью спать никто не будет, нужно написать объяснительные и вручить их Те Цзяню.

Когда Те Цзянь вернулся в главное управление, было уже почти одиннадцать вечера. Он позвал к себе Сяо Иху, Дан Хунци и Цзинь Гоин, чтобы обсудить, как решить вопрос с первым отделом. Сяо Иху, закинув ногу на ногу, курил, раскачиваясь туда-сюда всем корпусом. Вид у него был самый безразличный. Он стряхнул с сигареты пепел, хмыкнул и сказал:

– Вы серьёзно хотите сказать об игре в мацзян нижестоящим?

Те Цзянь враждебно сказал Сяо Иху:

– А ты как думаешь? Вообще-то и тебя надо вместе с ними обсуждать.

Сяо Иху, закатив глаза, развёл руками:

– Обсуждай, я не против. Только вот полномочий у тебя таких нет.

– Не говори тут про полномочия, – сказал Дан Хунци. – Мы с Лао Те не вправе решать, что с тобой делать, но вот вышестоящие лица в компании ещё как могут. Способ всегда найдётся, вот только ты член проектной группы, заместитель начальника участка. Мы оставляем тебе шанс.

Цзинь Гоин спокойно сказала Сяо Иху:

– Вы ещё не выполнили задачи по набору бригады, материалам, конкурсам на оборудование, вам не нужно было идти в первый отдел играть в мацзян.

Её слова резанули Сяо Иху слух. Стоя на своём, он сказал:

– Да? Главный инженер Цзинь, мы с вами оба заместители начальника управления участком, конечно, вы при этом ещё и главный инженер, но разве это даёт вам право меня осуждать?

– Если я поступлю неверно, – с той же улыбкой возразила Цзинь Гоин, – вы можете точно так же меня осудить. Мы, руководители, не должны сознательно нарушать правила.

Те Цзянь не выдержал их пререканий и сменил тему, заговорил о Цяо Сане, сказав, что едва команда Сяо Иху прибыла на стройплощадку, как на участок железнодорожного полотна первого отдела уже приехала рубить деревья банда молодых хулиганов. Сяо Иху змею пригрел, неужели о последствиях не подумал? Сяо Иху увернулся и сказал себе в оправдание, что за эту работу отвечает он и за все неприятные инциденты сам понесёт ответственность. Те Цзянь перебил его:

– Поменьше крути эту шарманку. Ты отвечаешь за эту работу, значит, ты теперь тут главный? Тогда что делать нам, начальнику участка и секретарю?

Те Цзянь напомнил Сяо Иху, что впредь ему нужно будет выдвигать на коллективное обсуждение все, что касается конкурсов на подбор бригады, материалов и оборудования.

Утром следующего дня Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай своевременно передали Те Цзяню четыре объяснительные. Держались они робко, смиренно, молчаливо. Те Цзянь сделал затяжку, просмотрел объяснительные и отправил провинившихся в кабинет Лань Хуадо ждать конечного решения. Затем Те Цзянь подошёл к двери и крикнул Лань Хуадо, чтобы та позвала Дан Хунци.

Вскоре Дан Хунци толкнул дверь и вошёл в кабинет Те Цзяня. Те Цзянь вручил ему объяснительные, сказав, что команда только приехала на площадку, но не взялась по-настоящему за работу, а подаёт всем дурной пример, играя в мацзян. Нужно наказать их в назидание другим. Деньги, конфискованные у них, Вань Хуншань уже передал в финансовый отдел. Дочитав объяснительные, Дан Хунци сказал, что написаны они с серьёзностью, с искренностью, что ошибку провинившиеся осознали, и не значит ли это, что мыслят они со всей серьёзностью? Те Цзянь с непроницаемым видом сказал:

– Не мыслят они со всей серьёзностью, игра в мацзян сама по себе – дело несерьёзное. Во-первых, это порочит репутацию руководства, во-вторых, дурно влияет на персонал компании и строительные бригады. Если об этом узнает заказчик, он скажет, что не тот-то и тот-то из первого отдела играет в мацзян, а руководство строительного бюро «Китайских железных дорог» подаёт дурной пример подчиненным. Скажи сам, какое впечатление на всех это произведёт?

Дан Хунци посчитал, что впечатление, конечно, не будет положительным, но, если слишком сурово наказать провинившихся, это повлияет на настроение и энергичность всего первого отдела. Сейчас нужно, чтобы все объединили усилия в работе, чтобы царил сплочённость, поэтому Дан Хунци предложил просто вынести провинившимся выговор. Услышав это, Те Цзянь, искоса взглянув на Дан Хунци, таинственно улыбнулся и спросил, не поговорил ли он заранее с Ши Цзинтянем и остальными провинившимися. Дан Хунци решительно заявил, что ничего такого не было, и посоветовал Те Цзяню смягчить свой характер. Те Цзянь не согласился с предложением Дан Хунци, сказав, что характер ему достался от матушки, изменить его невозможно, а без характера заниматься строительством высокоскоростных железных дорог очень сложно. Все сразу перестанут слушаться приказов, будут делать что хочется, поручения не будут исполняться, а запреты будут нарушаться. Если говоришь при этом, что проект получится образцовым, высшего качества, то это чистой воды бахвальство.

Дан Хунци мягко сказал:

– Компания выбрала меня работать с тобой вместе, наверняка, они решили, что наши два характера дополняют друг друга. Ты загорись, а я полью водой. Бывает, я размякну, так ты покрепче натянешь струны и вправишь мозги нижестоящим, так что они больше бултыхаться не посмеют.

После этих слов гнев Те Цзяня немного поумерился и он решил принять предложение Дан Хунци. Дан Хунци сказал:

– Я поговорю с ними. Пусть они надолго извлекут из этого урок, а ещё я лишу их премии в этом месяце.

Те Цзянь добавил:

– Ещё цель перед ними поставь, чтобы до Нового года, в период подготовки строительства, первый отдел занял первое место, пусть они так искупят свою вину. Иначе придётся рассчитывать и по новым, и по старым счетам.

Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай не знали, что их ждёт такой исход. Опустив головы, они ждали наказания в кабинете Лань Хуадо, то и дело пытаясь разглядеть, что происходит в соседней комнате. Лань Хуадо, состроив гримасу, сказала, что деньги ей передали и они поступили на финансовый счет, и хорошенько упрекнула двоих провинившихся. Чжу Цзылай удрученно сказал, что играть они стали только по инициативе Сяо Иху. Лань Хуадо поглядела на него искоса:

– А если бы он вас позвал с крыши прыгать, вы бы тоже пошли?

Ши Цзинтянь бросился расхваливать Лань Хуадо, назвал её директором Лань, польстил ей, что она хорошо разбирается в характерах руководителей, и попросил её проанализировать, как руководство решит их вопрос. Лань Хуадо сказала, что это ей неизвестно, если только они не искупят свою вину. Она улыбнулась, не разжимая губ, и добавила:

– Вы в первом отделе подали дурной пример нижестоящим, сами на рожон полезли – теперь расхлебываете. Вас не накажут – так кого же наказывать?

Тут же Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай заволновались.

Тогда Лань Хуадо сказала:

– Да не бойтесь, с вами уж точно поговорит секретарь Дан.

Так и случилось. Дан Хунци вышел из кабинета Те Цзяня с объяснительными в руках и, стоя в дверях Лань Хуадо, дал понять Ши Цзинтяню и Чжу Цзылаю, что им стоит пройти за ним. Они последовали за Дан Хунци в кабинет, присели на два стоявших у стола стула. Дан Хунци развернул объяснительные и сказал:

– Вот ваши объяснительные – скажите сами, подобает ли так вести себя руководителям? Приходите играть в мацзян, ещё и на деньги! Если бы вы так играли с наёмной строительной бригадой, это была бы скрытая взятка. Смотрю на вас – вы так рискуете, видимо, в тюрьму хотите.

С этими словами он взял чайную чашку, выпил пару глотков воды и приступил к критике Чжу Цзылая:

– Ты секретарь отдела, и ты прямо-таки позоришь секретаря управления участком. Наверняка обо мне скажут вне управления, что я не могу уследить за подчинёнными. Секретарь подаёт другим такой пример, берет с собой за игральный стол руководителя и заместителя руководителя отдела, а ещё и командира строительной бригады!

Чжу Цзылай, не зная, смеяться ему или плакать, сказал, что сам он на самом деле не играл. Дан Хунци возразил, что это не означает, что Чжу Цзылай справился с должностными обязанностями. Он не уследил за нижестоящими работниками, а значит, совершил служебное нарушение. Если у него было свободное время, почему он не посоветовал другим поглубже изучить работу, разобраться, как выполнить задачи по реквизиции земли и сносу зданий, как пораньше приступить к строительству. Чжу Цзылай, выслушав это, раскаиваясь, немедленно принялся порицать сам себя. Дан Хунци продолжил:

– У вас нет ощущения срочности? Длина нашего участка дороги – двадцать с лишним километров, на участке два тоннеля, между ними мост и наземное полотно, дорога пересекает горы и несколько деревень и поселков. Более двух миллиардов юаней инвестированы в участок, из них миллиард с лишним причитается первому отделу. На стройку отведено четыре года, но завершить проект нужно за три. Стандарты так высоки, техника строительства так сложна, времени так мало, это не шутки!

Ши Цзинтянь ответил, что такой срочности и ответственности они не ощущали. Дан Хунци сказал:

– А без этого ощущения откуда у вас появится желание действовать? Вас следовало бы сурово наказать, уведомить о вашем проступке всех работников на проекте, руководство группы компаний и Пятую компанию, где вы работаете, но, подумав о ваших задачах и вашем будущем, я решил поставить общие интересы во главу угла и лично объявить вам выговор, а письменное уведомление о произошедшем никуда не направлять. Но вы должны искупить свою вину, хорошо выполнить работу. До Нового года пройдёт подведение итогов работы двух отделов, и по темпам, объему рабочей нагрузки, объему использованных инвестиций вы должны занять первое место, а впредь не совершать подобных ошибок.

Когда Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай покидали главное управление, они столкнулись с Те Цзянем.

– На сей раз мы вас пощадили, – сказал Те Цзянь, – но, если к концу года вы не будете первыми, придётся с вами рассчитаться.

Можно сказать, что история с игрой в мацзян разрешилась благополучным образом, но Сяо Иху считал, что Те Цзянь перегнул палку. Словно заискивая, позвонил он Ши Цзинтяню и сказал, что характер их проступка не принципиальный, а значит, и большого значения этому придавать не надо. Ши Цзинтянь сказал, что игра в мацзян, может, и не заслуживает взыскания, но намеренно потребовал, чтобы в следующий раз Сяо Иху ни в коем случае не приходил в первое отделение с предложением поиграть. Сяо Иху понял, что он имел в виду. Ши Цзинтянь ему отказывал, и Сяо Иху невольно распалился гневом.

День стоял морозный, мрачное небо застилали серые тучи, из-за которых проглядывало бледное солнце. Вечером того дня Те Цзянь первым делом отправился на машине на стройплощадку посмотреть, как идёт процесс реквизиции земли, а затем собирался поехать в уездный город к директору Чжао и главе уезда Вану, потому что для неизменного пользования в пределах минимальной границы и для временного пользования вне неё нужно было реквизировать пять-шесть тысяч му. По темно-зеленой карте, полученной со спутника, проектная организация провела линии напролом, и железной дороге предстояло разделить на две части деревню. Нужно было снести много домов. Те Цзянь знал, что без обсуждения этого вопроса с руководством уезда, лишь опираясь на строительную организацию, ничего предпринять они не смогут.

Перед тем как уехать из управления участком, Те Цзянь перекинулся парой фраз с Цзинь Гоин и попросил, чтобы она звонила ему, если будут какие-то вопросы или дела. Цзинь Гоин в это время созвала в комнату для заседаний главных инженеров двух отделов и начальника инженерного отдела, чтобы они проверили чертежи и составили реалистичный план организации строительства. Чжу Хунцзюнь глядел в компьютер и курил так, что Цзинь Гоин, Ван Жоюнь и Ань Сюэжун приходилось зажимать носы. Сидящая по соседству с ним Ань Сюэжун безостановочно отмахивалась от дыма руками, а затем с презрением выхватила у него изо рта дымящий окурочок. Чжу Хунцзюнь ойкнул и начал упрекать Ань Сюэжун. Ван Жоюнь сказала, что Сюэжун о нем заботится, а он тут еще ойкает. Чжу Хунцзюнь бессильно смотрел, как Ань Сюэжун смеётся. Видя, как он раздражён, Ван Жоюнь стала подтрунивать над Ань Сюэжун:

– Если ты решишь выйти замуж за начальника Чжу, он, должно быть, окажется подкаблучником.

Ань Сюэжун тут же покраснела и, притворяясь недовольной, насупилась. Ван Жоюнь подумала, что сказала лишнего, извинилась и проговорила, что пошутила, увидев, как курит Чжу Хунцзюнь, попросила их не принимать её шутку всерьёз. Чжу Хунцзюнь расхохотался:

– Если бы я принял всерьёз, инженер Ань согласилась бы?

Делая вид, что злится, Ань Сюэжун сказала:

– Да ну тебя, – и вернула сигарету Чжу Хунцзюню. – На, обкурись.

Вань Хуншань, сидевший у компьютера, украдкой улыбался. Он сказал,

что у Ань Сюэжун уже есть молодой человек, говорят, это какой-то владелец бизнеса, фамилия у него Дэн, а имени Вань Хуншань не знает. Ань Сюэжун тут же напрямую назвала его имя: Дэн Лицян.

Цзинь Гоин прервала их разговор, сказав, чтобы все внимательнее изучали чертежи и посмотрели, нельзя ли что ещё оптимизировать и изменить, а если можно, то записали бы это, чтобы сообщить заказчику и проектному институту.

– Постарайтесь сделать это немедленно, – сказала Цзинь Гоин. – Мы не можем отстать от других бюро. Затем Цзинь Гоин спросила, нет ли каких упущений у первого отдела. Ван Жоюнь, просматривая чертежи, сказала, что на связках мостов и тоннелей первого отдела, в особенности же в тоннелей, недостаточно площадок для складирования отвального шлака. Нужно увеличить их число. Также в тоннеле Цзиньян есть отрезок с боковой породой шестого разряда, который относится к участкам повышенной опасности. В плане организации строительства из документов об условиях конкурса написано, что на этом участке будет применяться механизированное строительство с бурением скалы машинами, но, возможно, стоит изменить этот способ на ручную расчистку. Цзинь Гоин попросила Ван Жоюнь записать, что для начала будет использоваться способ механизированной расчистки, как указано в документах об условиях конкурса, а количество площадок для складирования отвального шлака необходимо увеличить и разместить их на достаточном расстоянии от участка строительства.

Чжу Хунцзюнь добавил, что характер грунта в тоннелях вовсе не так плох, однако данные исследования свидетельствуют, что там имеются карстовые пещеры. При перетаскивании нескольких крупных подвесных резервуаров и стальных решетчатых балок, если соорудить подвесные резервуары в единую конструкцию с решетчатыми балочными мостами, то это не повлияет на строительные работы на железнодорожных путях всей линии, поскольку тоннель Янхэ находится на верхнем конце подведомственного строительному бюро участка. Выслушав это, Цзинь Гоин больше не выдвигала никаких требований. Не дожидаясь вопроса Цзинь Гоин,

Ань Сюэжун по собственной инициативе развернула чертёж и объяснила, что самое важное на площадке для изготовления и монтажа строительных конструкций – её масштаб, для производственной зоны, где изготавливаются и хранятся конструкции, зоны передвижения конструкций, зоны арматурных связок и жилой зоны потребуется реквизи́ровать землю площадью двести двадцать му. На одном смесительном узле будет располагаться 120 бетономешалок, дождевой навес будет сооружён путем промывки песка, склады сырья будут полностью загерметизированы. Коробчатые балки весом 900 тонн в количестве 800 штук требуют строительства 8 тумб для изготовления балок и 72 тумб для хранения балок. Если срок завершения строительства не перенесется на более раннюю дату, проблем тут быть не должно. Цзинь Гоин немного поразмыслила и сказала, что можно выбрать место расположения площадки рядом с линией железной дороги, но не стоит планировать четырехлетний срок строительства, нужно запланировать двухлетний, в случае, если наверху перенесут окончание строительства на более раннюю дату, придётся аннулировать план организации строительства и заново составлять его. Также нужно увеличить количество тумб для производства и хранения балок. Они должны покрывать нужды производства в 1000 балок. Цзинь Гоин попросила Вань Хуншаня привести все намеченное в порядок и подробно доложить об этом Те Цзяню, чтобы поскорее отправить затем на рассмотрение и утверждение заказчику.

Цзинь Гоин не знала, что в тот момент в дверях кабинета Лань Хуадо, с кипой материалов в руках, стоит Сяо Иху. Он вошёл в кабинет и тут же протянул Лань Хуадо стопку квитанций, говоря, что это командировочные расходы с момента его приезда на стройплощадку, и он требует возместить ему эти расходы. Лань Хуадо взяла квитанции, бегло их просмотрела и снова сунула в руки Сяо Иху, вежливо называя его заместителем Сяо и говоря, что без подписи Те Цзяня ничего возместить не получится.

– Прошу вас это понять, не утруждайте себя пока.

Сяо Иху рассердился, схватил квитанции и швырнул их на стол, говоря, что он, как-никак, заместитель начальника управления участком, с чего это ему не могут ничего возместить без подписи Те Цзяня! Лань Хуадо сказала:

– Где же руководитель сам себе подписывает возмещение, так, наверняка, не положено.

Хмыкнув, Сяо Иху вытащил телефон и позвонил Те Цзяню, спросил его, правда ли, что теперь члены проектной группы и заместитель начальника управления участком не считаются руководителями. Этот вопрос озадачил Те Цзяня. Выслушав более подробные объяснения, он наконец понял, оказывается, Сяо Иху недоволен тем, что у него нет права подписать и утвердить самому себе возмещение командировочных, да еще и обвиняет Те Цзяня в деспотизме.

Сяо Иху громко кричал, ссорясь с Те Цзянем по телефону, и его голос в переговорной напугал Цзинь Гоин и Дан Хунци. С другого конца коридора подошли они к двери Лань Хуадо и увидели, как Сяо Иху, держа в левой руке телефон, а в правой гневно сжимая квитанции, ругается:

– Хорошо, Лао Те, раз ты так категоричен, не буду я ничего возмещать. Но, раз сам не уступаешь, не вини в неуступчивости старого боевого товарища! – с этими словами он повесил трубку.

Дан Хунци, стоявший в дверях, открыл было рот, но его остановила Цзинь Гоин. Она сказала Сяо Иху:

– По правилу возмещение должен подписывать начальник участка, а если вы сами себе что-то подписываете и собираетесь получить возмещение, то это уже какое-то злоупотребление полномочиями.

Сяо Иху был как раз в пылу гнева. Обернувшись, он спросил Цзинь Гоин, какая ей разница, злоупотребление это или нет. Пусть она поменьше лезет не в свое дело. Цзинь Гоин презрительно усмехнулась:

– Ещё какая разница! Если вы позволяете себе нарушить правила, то и я могу сама себе подписать возмещение. У меня есть ответственность контролировать такие дела.

У Сяо Иху тоже вырвался презрительный смешок. Он сказал:

– Да вы даже собственные дела контролировать не можете, куда вам других контролировать? Если такая способная, идите и поконтролируйте своего бывшего мужа Го Фухая.

Сяо Иху, можно считать, высыпал соль на рану Цзинь Гоин. Она аж задохнулась от возмущения и, широко раскрыв глаза, ещё долго не находилась, что сказать. Дан Хунци и Лань Хуадо и подумать не могли, что Сяо Иху скажет такие обидные слова, и тоже оцепенели. Дан Хунци оттащил Цзинь Гоин назад и сказал Сяо Иху, что выписывать самому себе возмещение командировочных – неверный поступок, но ещё более неверный поступок – заговорить о личных делах Цзинь Гоин. Сяо Иху с презрительной холодной улыбкой сказал, что знает: Те Цзянь, Цзинь Гоин и Дан Хунци спелись друг с другом, объединились, чтобы его, Сяо Иху, притеснять. Хотя Дан Хунци очень разозлился, но всё так же терпеливо продолжил объяснять:

– Мы, играя тут не первые роли, должны действовать соответственно положению, но никак не переступать границы. Это элементарный принцип и лучшее отношение друг к другу.

Пользуясь своим старшинством и превосходством, Сяо Иху сурово, на повышенных тонах, одёрнул Дан Хунци и сказал:

– Когда я на передовой был, вас что-то видно не было, где вы шатались? Сейчас один стал секретарем, вторая – главным инженером, и оба меня учат, а себя такими правильными выставляют. Просто нассали – и на отражения в собственной моче любуетесь. Лучше не надо передо мной выставлять себя авторитетами, и к чертям принципы и отношения.

Договорив, он махнул рукой и вышел из кабинета Лань Хуадо.

Цзинь Гоин так расстроилась, что лицо ее приняло болезненный вид. Она не вернулась в переговорную, а пришла в кабинет, уселась там на стул, пережаривая обиду. Ван Жоюнь вышла из переговорной и направилась к Цзинь Гоин, ругая Сяо Иху за бестактность. Она решила

вместе с Цзинь Гоин найти его и спросить, с чего это он заговорил о Го Фухае. Друг за другом прошли они по коридору к кабинету Сяо Иху. Он сидел там за столом и, склонив голову, что-то писал. Цзинь Гоин пинком распахнула дверь и вошла, а Ван Жоюнь последовала за ней. Сяо Иху не обратил никакого внимания на приход Цзинь Гоин и Ван Жоюнь, лишь вскинул один раз на них глаза и продолжил писать. Гнев Цзинь Гоин никуда не улетучился. Она вырвала из-под носа Сяо Иху исписанную иероглифами бумагу и вынудила его объяснить, почему он заговорил о Го Фухае.

Сяо Иху отбросил ручку, откинулся на спинку стула и сказал:

– Я не могу сказать, что Го Фухай – ваш бывший муж?

Ван Жоюнь в поддержку Цзинь Гоин сказала, что обе они разведены, разошлись с бывшими мужьями по разным дорогам. Она совершенно не хотела бы говорить о прошлом. Сяо Иху не следовало так обижать Цзинь Гоин. Сяо Иху поднялся, подошёл к окну, вытащил сигарету и закурил.

– Начальник Го связывался со мной через заказчика. Он неплохой человек. Я к слову его упомянул, неужели это ошибкой считается?

Цзинь Гоин сурово сказала:

– То, что он вас искал, – не мое дело. У меня только одна просьба. Не пускайте его на проектный конкурс на оборудование.

Взглянув на Цзинь Гоин, Сяо Иху спросил, приказ это или просьба, потребовал, чтобы она выяснила, кто отвечает за конкурс. Цзинь Гоин сказала:

– Кто бы ни отвечал, он туда попасть не должен. Считайте, что я вас умоляю, идёт?

Сяо Иху почувствовал тут радость, как от победы, и сказал:

– А если предложение цены у него подходящее или если руководитель его рекомендовал, тогда тоже не пускать?

– Кто его рекомендовал?

– Этого я вам сказать не имею права.

Цзинь Гоин не стала выпытывать у него что-либо ещё, лишь напрямую спросила, почему он упомянул Го Фухая. Сяо Иху посмеялся над Цзинь Гоин и сказал:

– Я надеюсь, что вы повторно вступите в брак.

Он намеренно скрыл истинное положение дел и сказал, что у Го Фухая огромный опыт работы, что он отличный агент по оборудованию, что, когда он с ней развёлся, он гораздо больше потерял, чем приобрёл. Сяо Иху так разозлил Цзинь Гоин, что она уже и говорить не могла.

Ван Жоюнь уже была не в состоянии это слушать. Ругая про себя Сяо Иху, она взяла Цзинь Гоин за руку, чтобы ее утешить, и сказала:

– У вас полная семья, почему вы насмехаетесь над нами, что мы развелись или должны вступить в повторный брак?

Сяо Иху без всякого доброго умысла описал два круга вокруг Ван Жоюнь и Цзинь Гоин, с головы до ног окидывая их взглядом, а сам говорил при этом, что у каждого свои недостатки. Если осознаёшь свои недостатки – это уже хорошо, ни в коем случае не надо заниматься самолюбованием. Ван Жоюнь не хотела более слушать насмешки и унижительные речи Сяо Иху. Она помнила, что он не знает английского, на английском принялась ругать его, мол, у него с головой нехорошо и напоминает он тупую свинью. Пусть Цзинь Гоин на такого даже внимания не обращает. Цзинь Гоин тоже стала ругаться на английском, что Сяо Иху ещё тупее, чем тупая свинья, что ему осел мозги из башки вышиб. Столкнувшись с двумя умеющими говорить по-английски женщинами, Сяо Иху догадался, что они, конечно, ругаются, но, что именно говорится, понять он уже не мог, и пришлось ему, застыв на месте, безропотно их слушать.

Обо всем, что происходило в здании управления, Те Цзянь, бывший в то время с проверкой на стройке, и знать не знал. Он совершенно не придал значения звонку Сяо Иху, во время

которого тот требовал права выписать себе возмещение, и уж тем более не мог представить, что между Сяо Иху и Цзинь Гоин возникнет перебранка и случится конфликт. Он стоял посреди бескрайнего снежного простора, глаза его от мороза даже открывались с трудом, а руки окоченели. Он смотрел на схему-чертёж площадки для изготовления и монтажа конструкций моста, которую развернули перед ним Кун Цинжун и Юань Тинфэн, и в голове у него складывалась её картина. Под место расположения отдела нужно реквизировать двести двадцать му земли, вот только по вопросу о реквизиции земли они еще не похлопотали. А смогут ли они к концу году построить площадку? Это больше всего заботило Те Цзяня. Юань Тинфэн разглядела его беспокойство и сказала, что железнодорожный отдел уездного правительства и председатель поселкового комитета У дали свое согласие, работа в деревне тоже уже проделана, осталось лишь определить размер компенсации за каждый му. Те Цзянь, повернувшись, направился к внедорожнику, стоявшему посреди снега. Он потребовал, чтобы Кун Цинжун, даже если делается ещё холоднее, все равно завершил строительство смесительных узлов, склада, сооружения для обработки арматуры и балок, чтобы он все равно боролся за первый успех.

Не один Те Цзянь горевал посреди снежного поля. Те Цзянь как раз собирался садиться в машину, когда ему позвонил начальник управления соседнего участка Те Гун. В трубке звучали его жалобы на жизнь. Те Гун сказал, что ему на соседнем участке так сложно, что положение чуть не безвыходное, что после их приезда на площадку они ещё не решили вопрос с реквизицией земли. У них на участке, если не деревня или какой заповедный район, так сразу шахта. Голова прямо раскалывается от их обилия! Те Цзянь громко рассмеялся и пошутил, что Те Гун может полюбоваться пейзажами. Те Гун сказал, что они не одолеют природоохрану заповедных мест и ничего у них не получится. Те Цзянь, придерживая дверцу внедорожника, одной ногой уже был в машине, а второй стоял на земле. Он сказал, что у него на участке не только шахты, но ещё и ферма по разведению лис и ферма по разведению соболей, не у тоннеля, так у моста, и эти вопросы тоже непросто решить. Те Гун сказал, что до Нового года не будет ни денег за реквизицию земли, ни начала работ, ни экспертизы, ни оценки стоимости не получится, и неизвестно, что там после Нового года выйдет. Те Цзянь напомнил, что, кто хочет, тот добьётся, что в мире нет непреодолимых препятствий – можно одолеть и заповедные места, и шахты, и лисиц с соболями. А если не переселить жильцов и не снести дома, как строить железную дорогу? Надо быть уверенным в том, что выход найдётся.

Ободрения ободрениями, а в глубине души Те Цзянь всё же испытывал радость. Он повесил трубку и забрался в машину, опустил оконное стекло и сказал Кун Цинжуну и Юань Тинфэн:

– Мой брат сейчас печалится, так нам нужно этим воспользоваться и увеличить скорость работы.

Едва его внедорожник тронулся и продвинулся вперед, как снова раздался звонок мобильного телефона. На экране высветилось имя Ши Цзинтяня. Ши Цзинтянь сказал, что обсуждает с председателем сельского комитета пешеходную дорогу у входа в тоннель и реквизицию земли. Председатель согласился с тем, чтобы начинались работы по строительству тоннеля Цзиньян, а компенсацию они позже обсудят. Когда Те Цзянь это услышал, он необыкновенно воодушевился и даже ударил кулаком по подлокотнику. Он хотел именно такого результата. Тут он услышал, как Ши Цзинтяня, который, конечно, выпил с председателем сельского комитета, рвёт. Заплетающимся, закосневшим языком он предложил Те Цзяню выплатить премию за то, что первым начнёт прокладывать тоннель. Те Цзянь сказал, что первый отдел должен выстрелить первым по всем фронтам – и тогда, конечно, будет много премий.

Ши Цзинтянь днем, обсуждая реквизицию земли, выпил и утратил боевую способность. Вечером, чтобы поскорее решить вопрос с землей, Те Цзяню пришлось взять с собой Чжу Цзылая из первого отдела и Кун Цинжуна и Юань Тинфэн с площадки для изготовления и монтажа конструкций моста на ужин с главой уезда Ваном и директором Чжао. Когда Те Цзянь

прибыл в отдельную комнату в ресторане, где им предстояло встретиться, глава уезда Ван и директор Чжао, а также молодой председатель поселкового комитета У уже давно сидели там и пили чай. Разнообразные блюда в огромном количестве тоже уже красовались на столе.

Чжу Цзылай, неся в руках ящик водки, вошёл в комнату и опустил его на скамейку для спиртного. Увидев этот ящик, глава уезда Ван аж вытаращил глаза и, указывая на водку, спросил:

– Мы все это выпьем?

Те Цзянь расхохотался и сказал, что, если не выпьем, пусть оно тут стоит, в следующий раз допьём.

Глава уезда Ван знал, что Те Цзянь пригласил его с директором Чжао на ужин, чтобы обсудить вопрос реквизиции земель, а потому напрямую перешёл к делу:

– Если только местное правительство решить вопрос сумеет, то мы вам обязательно поможем; поддержать строительство железной дороги – поддержать собственное развитие.

Те Цзянь похвалил главу уезда за прекрасную позицию и подчеркнул, что сегодня он пришёл нанести визит нескольким руководителям с представителями обоих отделов, в основном, что хочет побыстрее разобраться с реквизицией земли. Лучше для него сначала занять землю, а затем уже обсудить компенсацию или же проводить оба этих процесса одновременно. Так не будет задерживаться строительство и замедляться темп работ. Глава уезда Ван колебался, он перевёл взгляд на директора Чжао. Директор Чжао сказал, что наверху есть политические нормы, но вот народ ни на что не согласится без денег. Кун Цинжун без околичностей сказал:

– Счёт за реквизицию земли в пределах минимальной границы выставляет местное правительство. Никуда он не убежит. Мы сперва начнём работу, пользуясь уездными стандартами временного землепользования, и сами придумаем, как это все возместить.

Чжу Цзылай завопил:

– Все уже на месте: люди, машины, материалы! День простоя – это огромный ущерб, не один-два юаня. То, что нужно потратить, мы потратим, важно лишь то, что время не ждёт.

Директор Чжао заявил, что для железнодорожного отдела все это не проблема, нужно лишь, чтобы согласились в уезде, и он тут же приступит к делу. Глава уезда Ван, держа в руках стакан, сказал Те Цзяню, что в уезде уже выпустили оповещение, в ближайшие два дня будет созвано собрание по реквизиции земли и сносу построек в деревнях, примыкающих к железнодорожной линии, чтобы поскорее прояснить и продвинуть вперед решение этих вопросов. Обернувшись, он спросил у председателя поселкового комитета У, нет ли у него каких возражений против сноса зданий и переселения жителей.

Перед лицом главы уезда председатель поселкового комитета У, конечно, был преисполнен доверия, поэтому и ответил, что возражений у него нет. Тон у него был очень решительный, но он намеренно упомянул ферму по разведению лисиц у входа в тоннель и ферму по разведению соболей у моста, которым, вероятно, придётся выплатить компенсацию за все затруднения. Не уверенный в своей позиции на этот счет, глава уезда Ван спросил:

– Это так трудно сделать?

Юань Тинфэн сказала:

– Мы сталкивались с таким на других линиях, если у каких-то лисиц и соболей не рождается детёнышей, какая-то курица яйца не несёт, какая-то женщина не беременеет, обвиняют в этом сразу нас. Банды стариков и старух целыми днями шатаются без дела, работе мешают, днем и ночью строить не дают, говорят, без денег ничего нам не позволяют.

Глава уезда Ван сказал директору Чжао и председателю поселкового комитета У:

– Если такое произойдёт, первыми отвечать будете вы.

Юань Тинфэн была очень взволнована его словами. Она доложила главе уезда Вану, что сроки строительства площадки для изготовления и монтажа строительных конструкций очень сжаты, план по землепользованию она уже представила железнодорожному отделу уездного

правительства. Теперь нужно посмотреть, смогут ли они сначала занять землю и начать строительство на правах временного пользования, поскольку требование заказчика таково: площадь должна быть достроена до Нового года.

Услышав ее речь, Те Цзянь был даже тронут. Он немедленно поднял стакан и в одиночку выпил за главу уезда Вана, директора Чжао и председателя посёлка У. После этого атмосфера начала оживляться. Кун Цинжун и Юань Тинфэн наполнили свои рюмки и поднялись, говоря:

– Почтим тремя залпами трёх руководителей, – и с этими словами полностью осушили рюмки. Глава уезда Ван расхохотался, поднял вверх большой палец:

– У хорошего генерала нет плохих солдат, вот девушка выпила – не восемь лянов¹⁷, так целый цзинь¹⁸! Теперь и я выпью!

Юань Тинфэн вновь подняла наполненную рюмку и подошла к директору Чжао, прося и его выпить. Она и эту рюмку выпила залпом, словно в ней была вода. Директор Чжао, глядя на наполненный водкой стакан, немного струсил и сказал, что столько не выпьет. Юань Тинфэн подняла стакан над шеей директора Чжао и сказала, что, он не выпьет, она сейчас всю водку выльет ему за шиворот. Все за столом расхохотались. Ничего не оставалось директору Чжао, как поднять стакан:

– Как напьюсь, придётся вам меня поддержать.

– Да я вас не то что поддержать, – сказала Юань Тинфэн, – я вас на спине куда угодно донести могу.

Директор Чжао поднял стакан, поглядел на него. Хотел выпить залпом, но, допив, все выплюнул. Чжу Цзылай тогда поднял наполненный до краев графин и сказал, что ничего больше пить не будет. Каждый, принимая у другого графин, произносил тост и выпивал по очереди, и после этого ничего не осталось от ящика водки – лишь раскиданные по земле бутылки.

На самом деле и Те Цзянь был пьян, и Чжу Цзылай, Кун Цинжун, Юань Тинфэн еле стояли на ногах, они только из последних сил строили из себя заправских умельцев пить перед местными руководителями. Они знали, что, если во время застолья не изливать чувства и доверие в тостах, не пить так, чтобы местный руководитель и сам доверился и поднял большой палец вверх, то очень сложно будет занять нужный земельный участок и начать на нем работу. Когда они покинули ресторан, сели в машину и поехали на стройку, всем им уже было нестерпимо плохо. Три внедорожника, мигая аварийкой, остановились у обочины. Те Цзянь, Чжу Цзылай, Кун Цинжун и Юань Тинфэн сидели на корточках на снегу, и их сильно рвало, свежий ночной воздух смешивался с душным запахом перегара. Шофёру пришлось достать из машины бутылку минеральной воды и подать Те Цзяню, чтобы он прополоскал рот. Когда у Те Цзяня прекратилась рвота, он схватил бутылку воды, яростно глотнул, а потом, задрав голову, несколько раз прополоскал рот, с силой выплюнул воду на снег, обернулся кругом и крикнул:

– Охо-хо, братцы... всё выbleвал!

Юань Тинфэн раскачивалась из стороны в сторону, язык её не слушался.

– На, начальник, я первый раз столько выпила. Хочу кого-нибудь ударить.

Пьяный Чжу Цзылай присел к ней поближе и сказал:

– Ты би, бить хочешь. а я обнять. хочю тебя обнять.

– Отвали, отвали! – завопила Юань Тинфэн и оттолкнула его. Чжу Цзылай тоже толкнул Юань Тинфэн и крикнул, чтобы она отвернулась, ему помочиться нужно. Те Цзянь глубоко вдохнул холодный воздух и заорал:

– Как же прекрасно мы выпили. рекой текло. теперь можем не беспокоиться о выполнении задач к Новому году.

¹⁷ Мера веса в Китае, равна примерно 50 граммов. (прим.перевод.)

¹⁸ Цзинь – мера веса в 500 граммов. (прим.перевод.)

Он велел Чжу Цзылаю назавтра неотступно наблюдать за обмером земли.

Те Цзянь вернулся в управление участком. Шофёр поддерживал его, когда он выходил из машины. Пошатываясь, Те Цзянь поднялся наверх. Лань Хуадо, слышав шум, выбежала в коридор, поспешно открыла дверь и ввела Те Цзяня в кабинет. Она бросилась хлопотать, заваривать ему чай и наливать воду. Те Цзянь, щуря глаза, полулежал, откинувшись на спинку дивана. Правый ботинок неизвестно когда свалился с его ноги, которая теперь свешивалась с дивана. Он попросил Лань Хуадо позвать Дан Хунци, Сяо Иху и Цзинь Гоин. Лань Хуадо поставила воду на чайный столик и торопливо выбежала из кабинета.

Первой пришла Цзинь Гоин. Увидев, в каком состоянии Те Цзянь, она с любопытством спросила, чего это он так напился. Те Цзянь уселся, поглядел на неё и с глупым видом захихикал, потом потер рот и спросил, где Наньнань. Цзинь Гоин сказала, что Наньнань давно спит и Те Цзяню, если он столько выпил, тоже стоит поскорее пойти спать. Те Цзянь, дыхнув на неё перегаром, помахал рукой. Когда, набросив на плечи ватные куртки, пришли Дан Хунци и Сяо Иху, он со смехом сказал:

– Не зря мы так напились. Выпили эффективно, с пользой, выпили – и землю получили, выпили – и темпы у нас есть. За окном бело, в комнате тепло, как я рад!

Дан Хунци тоже напился до тошноты. Он сказал, что скоро он с водкой кровь выкашливать будет. Те Цзянь сказал, что при строительстве высокоскоростных железных дорог без харканья кровью, без потери нескольких килограммов плоти не получится сделать первых шагов. Он спросил, как у Дан Хунци дела с землей, и Дан Хунци заплетающимся языком сказал, что земля есть! Скоро можно будет въезжать на стройку под подъездную зону тоннеля и площадку для складирования отвального шлака. Работы сейчас выполняются на соседней ферме по разведению лис. По взрывчатым веществам надо ещё договориться с управлением общественной безопасности. Те Цзянь, обеими руками опиравшийся о чайный столик, низко опустив голову, выглядел так, что было понятно, как ему плохо. Он сказал, что завтра могут занимать и землю под площадку второго отдела, и попросил проследить за этим Сяо Иху. Если удастся въехать на стройку зимой, развернуть работу во всех точках, проложить подъездные дороги, начать бурить сам тоннель, подготовить площадку для изготовления и монтажа конструкций моста, подготовиться к сооружению моста, то можно считать, что победа одержана, можно напрямую сказать нижестоящим товарищам, что они постарались. Сяо Иху охватила зависть, когда он услышал это. Склонив голову, он спросил:

– Нижестоящие товарищи стараются, а мы не стараемся?

Те Цзянь повернулся и поглядел на Сяо Иху:

– Стараетесь.

Те Цзянь вспомнил, как в самом начале председатель Ся направил его работать с ними вместе, а он ещё хотел отказаться. Дан Хунци упрекнул Те Цзяня, спросив, по-настоящему ли он столько выпил или просто прикидывается. Те Цзянь поднял голову.

– Выпил много! Но голова ясная.

Те Цзянь сказал Сяо Иху, что он чересчур любит покрасоваться своим возрастом и опытом, похлопотать о своей выгоде, побороться за свои полномочия. Сяо Иху его слова не понравились.

– Я красуюсь своим возрастом, хлопочу о выгоде и борюсь за полномочия? – спросил он.

– Разве нет? Если бы ты к полномочиям и выгоде не стремился, с чего бы тебе было нужно звонить мне, с чего бы ты хотел сам себе подписать возмещение командировочных?

Сяо Иху негодуя ответил:

– Я всё-таки заместитель начальника участка, а не имею права даже сам себе возмещение выписать. Все полномочия сосредоточены в твоих руках. Здесь ещё есть демократия?

Цзинь Гоин покосилась на Сяо Иху и сказала, что ей полномочия не нужны, ей важно лишь хорошо делать свою работу. Те Цзянь обеими ладонями ударил о подлокотники дивана и сказал Сяо Иху:

– Моими полномочиями меня компания наделила. Ты тоже работал над проектами и руководителем бывал, нечего тут такие наивные вопросы задавать. Я знаю, что ты не миришься с моим назначением, но почему бы тебе не поучиться у Лао Дана и Гоин? Мы должны совместными усилиями построить прекрасную железнодорожную линию.

Сяо Иху больше об этом не заговаривал. Он бросил на чайный столик материалы, которые держал в руках, сказав, что это план конкурсов на подбор бригад двух отделений на завтра и список рабочих бригад. Бригады, не входящие в квалификационный список, должны быть распределены. Сяо Иху всех об этом оповещает и, можно считать, предоставляет на коллективное рассмотрение. Дан Хунци спросил:

– Бригады, не входящие в квалификационный список? Кто их рекомендовал?

– Заказчик.

Цзинь Гоин спросила, кто конкретно этот заказчик. Сяо Иху сказал, что это две бригады по строительству тоннелей, рекомендованные Ван Чжунли, и распределит их первый отдел.

Те Цзянь взял материалы, несколько раз просмотрел их, схватил ручку и вычеркнул две бригады, сказав, что Чжан Фучэнь ни о чем его не предупредил, а рекомендации других лиц он рассматривать не будет, будь это хоть руководители компании. Бригадой, за которую заступается руководитель, подчиненный не осмелится управлять, а если ей не управлять, то не обойдется без провалов на проекте.

– Я думаю, – с подозрением сказал Те Цзянь, глядя на Сяо Иху, – не мог ли директор Ван попросить тебя распределить эти бригады на нашем участке?

Сяо Иху тут же в лице переменялся и сказал Те Цзяню:

– По твоим словам похоже, будто бригады я должен распределить частным образом, не веришь – так позвони директору Вану.

Те Цзянь отмахнулся и сказал, если это рекомендация Ван Чжунли, то нужно ему ответить отказом и попросить его это понять. Сяо Иху удивился, растерялся и сказал, что Ван Чжунли отвечает за оценку техники, модификаций и репутации, если не распределить его бригады, это может его оскорбить. Те Цзянь сказал «Оскорбить так оскорбить». Он не верит, что Ван Чжунли окажется таким неразумным и решит, прикрываясь своим служебным положением, отомстить им за обиду. Цзинь Гоин добавила:

– Заместитель Сяо, я вам уже говорила, что одного агента нельзя пускать на конкурс на оборудование. Надеюсь, вы не создадите мне проблем.

Кун Цинжун и Юань Тинфэн вернулись на крестьянский двор, где они временно расположились. Ань Сюэжун и Цзы Ци выбежали из дома, поддержали Юань Тинфэн, которая, пошатываясь, прошла внутрь. Она легла на кровать и заявила, что выпила не так уж много и принялась наставлять Цзы Ци и Ань Сюэжун, в особенности же выразила отвращение к партнёру Ань Сюэжун Дэн Лицяну, который требует от неё покинуть «Китайские железные дороги». Юань Тинфэн сказала, что её муж Цзян Цзаймин, работающий в городе, тоже хочет, чтобы она покинула компанию, потому что надеется избежать таких долгих расставаний. Но она никуда не пойдет, будет работать на стройке. Хотя секретарь стройплощадки – не такая уж и высокая должность, хотя она всего лишь работник отделенческого уровня, но строительство высокоскоростных железных дорог непременно войдёт в историю, это дело славное, она им гордится. Ань Сюэжун поплотнее ее укутала, чтобы она не сбрасывала одеяло, и сказала:

– Дэн Лицян именно хочет, чтобы я ушла.

Юань Тинфэн тут же загорелась гневом и заявила, чтобы Ань Сюэжун его не слушала.

– Я не согласна, чтобы ты уходила. Если у него такие мысли, так лучше пораньше его послать подальше, ничего хорошего у вашей пары не получится. Не веришь – сама потом увидишь.

Цзы Ци налила Юань Тинфэн воды и сказала:

– Сестрица Юань, в прошлом пословица была такая: лучше разрушить десять храмов, чем один брак. Зачем вы побуждаете Сюэжун бросить Дэн Лицяна?

Юань Тинфэн на это возразила, что, если Сюэжун говорит правду, то такой брак должно и нужно разрушить. Ань Сюэжун откровенно рассказала, что Дэн Лицян боится, что после свадьбы они будут жить порознь, он такой жизни не перенесёт.

Юань Тинфэн откинула одеяло, вытянула вперед свою красивую белую руку и сказала:

– Не перенесёт, так пусть другую ищет, не иди за него замуж. Посмотри на моего мужа, целыми днями сидит в офисе, в месяц получает три – пять тысяч, за год ни разу никуда не выедет, понять не в состоянии трудностей нашей с вами дикой жизни на стройке. Я уже столько лет по стройкам езжу и привыкла к этому, если меня заставить на одном месте сидеть без движения, мне аж тесно станет. Если мы с ним вдвоём долгое время дома сидим, за три дня непременно разок немножко поругаемся, а за пять дней – один раз сильно поссоримся, и я так разозлюсь, что просто захочу тут же убраться от него подальше на стройку.

Цзы Ци помогла ей подхватить одеяло и сказала:

– А кто не хочет спокойной жизни, много ли таких, как мы?

Юань Тинфэн вздохнула, и Цзы Ци почувяла душливый запах спирта. Юань Тинфэн сказала:

– В «Китайских железных дорогах» почти миллион официальных работников, и женщин, должно быть, несколько сотен тысяч, и сезонных работников из строительных бригад, должно быть, сотня миллионов. И кто из них на нас не похож? Наше строительство железных дорог – это что, не жизнь? Вот уж странную вещь сказала.

Юань Тинфэн сказала, если Цзы Ци и Ань Сюэжун хотят выйти замуж, то пусть выходят за работника «Китайских железных дорог», а выходить за человека из общества ненадежно, это после свадьбы понятно станет. Ань Сюэжун и Цзы Ци не стали спорить с Юань Тинфэн, находящейся во власти водки, лишь выключили свет и отправились отдыхать.

В ту ночь никто из тех, кто выпил с уездным руководством из-за вопросов реквизиции и сноса, не смог нормально выспаться.

Все они хотели как можно скорее реквизировать землю и развернуть строительство. Ночь уже близилась к рассвету, а Ши Цзинтянь, Чжу Цзылай и Чжао Хуалян из первого отдела все ещё сидели в переговорной и беспрерывно судачили то о том, то об этом, обсуждая работу. Ши Цзинтянь хотел, чтобы в строительстве тоннеля Цзинъян они стали первыми на всей линии. Он распорядился, чтобы Чжао Хуалян позвал Бао Те, командира бригады по сооружению остова тоннеля. Чжао Хуалян вышел из здания на дорогу и принялся кричать: «Бао Те, Бао Те!» Вскоре прибежал Бао Те, набросивший на плечи куртку. Ши Цзинтянь, полулежа на стуле, объяснил ему, что завтра начинается въезд на стройку тоннеля, пусть Бао Те с бригадой отправятся туда и за всем проследят, а также помогут рабочей бригаде въехать на стройку и начать работы. Ещё он намеренно подчеркнул, что цементирование подъездной дороги, порталы тоннеля и анкерные крепления стен должны быть наивысшего качества и выглядеть красиво. Бао Те сказал, что завтра он пораньше туда поедет. Рабочая бригада Ли Вэйминя уже на месте. Впоследствии ещё будут проводиться конкурсы на оборудование, оборудование уже стянуто к стройплощадке и сложено на окраине деревни.

На другой день Цзинь Гоин на машине подъехала к зданию первого отдела. Она как раз стояла внизу и разговаривала с Ван Жоюнь о работе, когда из здания вышел Ши Цзинтянь и остолбенел, увидев Цзинь Гоин. В ту минуту то ли деловитость и красота Цзинь Гоин затронули его сердце, то ли он с некоторым пренебрежением принял тот факт, что женщина тридцати с

чем-то лет стала главным инженером всего участка. В то время как Ши Цзинтянь оглядывал Цзинь Гоин, она тоже незаметно бросила на него взгляд. Её охватило необъяснимое чувство при виде этого темнолицего, казавшегося немного неотесанным молодца, но она немедленно отвела взгляд.

Ши Цзинтянь спросил, не к нему ли она пришла. Цзинь Гоин ответила, что к нему. Далее Ши Цзинтянь уже не стал спрашивать. Ван Жоюнь, стоявшая рядом, сказала:

– Не получилось войти на территорию шахты и провести там измерительные работы, и это повлияло на повторный замер по всей линии, вот главный инженер Цзинь и волнуется.

– Вопрос с измерительными работами в шахте нельзя решить? – спросила Цзинь Гоин.

Ши Цзинтянь не осмелился глядеть на неё, отвёл глаза и сказал, что Цзинь Гоин – главный инженер участка, и можно ли провести повторное измерение, она должна сама себя спрашивать. Лицо Цзинь Гоин тут же вытянулось, и она сказала, что реквизиция земли входила в обязанности первого отдела. Ши Цзинтянь язвительным тоном заметил:

– Вы. Женщины, такие все способные, мы под вашим началом работаем.

Ван Жоюнь сначала поглядела на Цзинь Гоин, потом – на Ши Цзинтяня. Она поняла, что положение сложилось неловкое, и немедленно решила найти компромисс.

– Управляющий, – сказала она, – шахта в нашем районе, мы ведь не можем допустить, чтобы за реквизицию этой земли отвечала главный инженер Цзинь?

Ши Цзинтянь почесал голову и с долей презрения презрением сказал:

– Главный инженер Цзинь, вы из управления участком, вы работник департаментского уровня, а я – уровня заместителя департаментского работника. Вы такая сильная, не поможете ли нам... Ведь присутствие женщины позволяет легко уладить дело.

Цзинь Гоин, ужасно разозлившись, сказала:

– Повторное измерение задержалось из-за вас, если у вас нет способностей выполнять обязанности руководителя проекта, я могу попросить начальника Те, чтобы он позвонил председателю У из вашей компании и нашёл вам замену.

С этими словами Цзинь Гоин повернулась и направилась к своему внедорожнику. Ван Жоюнь, ойкая, устремилась за ней, надеясь уговорить её остаться, но её машина уже с шумом отъехала прочь. Ши Цзинтянь закурил, поглядел на удаляющийся внедорожник и сказал, что ей не понравилось, как другой человек призвал ее к ответу.

Цзинь Гоин вернулась в управление участком и доложила Те Цзяню об измерительных работах первого отделения в шахте и встрече с Ши Цзинтянем, конечно, всё ещё гневаясь. Те Цзянь с каменным лицом швырнул на стол ручку.

– Этот Ши Цзинтянь осмелился так разговаривать?

Цзинь Гоин хмыкнула: управляющий отделом – и такой высокомерный, раньше она таких и не видывала. Те Цзянь принялся её утешать и сказал, чтобы она не злилась.

– Занимайтесь техникой. Его можно наказать многими способами, чтобы он сбавил спесь, – сказал Те Цзянь. – Некоторые мужчины неисправимы: не верят, что женщины тоже могут быть сильными и умными.

В это время Ши Цзинтянь с секретарем Чжу Цзылаем шёл по заснеженной дороге, а за ними медленно ехал внедорожник. Ши Цзинтянь, держа сигарету в руке, затянулся, и дым, который он выпустил изо рта, немедленно растворился в промерзшем свежем воздухе. Зазвонил телефон. Оказалось, Ши Цзинтяню звонил Те Цзянь. Чжу Цзылай, видя, что лицо Ши Цзинтяня по ходу разговора становится всё более и более серьёзным, спросил, что происходит. Ши Цзинтянь отключился, остановился и сказал, что Те Цзянь ему смертный приговор подписал, требуя, чтобы измерительные работы в шахте были завершены в течение двух дней. После того, как Те Цзянь остановил вырубку деревьев и расчистку грунта, которыми занимался Цяо Сань, возможно, что тот решил задержать продвижение строительных работ за счёт шахты. Чжу Цзылай сказал:

– Что же, Цяо Сань воспользуется этой возможностью, чтобы получить с нас выгоду и даже шантажировать.

Ши Цзинтянь сказал, что на самом деле нет никакого способа завершить измерительные работы в районе шахт, остаётся только умолять Цяо Саня о помощи. Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай предположили, что Цяо Сань определенно выдвинет им условия, на которых допустит их в шахту, и почти наверняка это будет требование допустить его к работам.

Тогда Ши Цзинтянь велел Чжу Цзылаю возвращаться пока в проектный отдел, а сам отправился напрямик в уезд к директору Чжао из железнодорожного отдела уездного правительства. Слева от двери его кабинета висела табличка с иероглифами «Железнодорожный отдел». В кабинете были потрёпанный диван, чайный столик с отслаивающейся поверхностью, у окна располагался малюсенький письменный стол, а к стене прижимался железный шкаф. Узнав, что к нему пришёл Ши Цзинтянь, чтобы урегулировать вопрос об измерительных работах в шахте, директор Чжао немедленно позвонил Цяо Саню, уведомил его об этом и попросил прийти.

Когда Ши Цзинтянь вошёл, Цяо Сань уже сидел на продавленном диване в кабинете директора Чжао. Закатив глаза, Цяо Сань покосился на Ши Цзинтяня, даже не приподняв с дивана задницы. Директор Чжао, видя, что пришёл Ши Цзинтянь, вышел из-за стола и перешёл к дивану.

– Директор Цяо, – любезно сказал он, – ваши подчинённые мешают измерительным работам первого отдела, а ещё отнимают у них приборы. Так всё-таки не годится. Мост в вашем месторождении непременно будет построен, что до компенсации за ваши шахты, вы сможете обсудить её впоследствии с компанией «Север—Юг». Если не будут произведены повторные измерения, по всей линии не получится начать работы, а куда это годится?

Цяо Сань, держа в зубах сигару, в руках теребил нефритовую рукоятку. С нескрываемым презрением поглядел он на директора Чжао, а потом на Ши Цзинтяня, покачал головой и ни слова не проронил. Ши Цзинтянь и директор Чжао переглянулись.

– Директор Цяо, – сказал Ши Цзинтянь, – мы работаем над государственным инженерным проектом, проведём здесь несколько лет, и впоследствии непременно случится так, что кто-то будет кого-то о чём-то просить. Я надеюсь, что вы сегодня проявите любезность и позволите нам провести измерительные работы в шахтах. А с нашей стороны, до того, как вы договоритесь о компенсации, мы не будем начинать работы по строительству моста. Идёт?

– Мне известно, что за проект вы выполняете, но без моего разрешения своевольно входить в мои шахты нельзя, – Цяо Сань, выпустив нефритовую рукоятку, поднялся. – Лао Чжао, смотрю, ты что-то за них заступаться стал, их интересы защищаешь.

– Ах, директор Цяо, – сказал директор Чжао, – я ведь защищаю именно что ваши интересы.

Цяо Сань повертел нефритовую рукоятку, взвесил ее в руке и сказал Ши Цзинтяню:

– Ну хорошо. Чтобы оказать честь Лао Чжао, я разрешу вам войти в шахты и все там измерить, но вы должны поразмыслить, как бы мне что поделать в этом проекте, ведь моим парням тоже надо что-то кушать. Читайте, мы тут сделку заключаем: мне деньги – вам товар. Вы мне даёте работу, тогда обо всем и договариваемся. Как вам это?

Директор Чжао удивился и спросил:

– Я ведь рекомендовал вас заместителю Сяо, разве вы уже не начали работы по вырубке деревьев и расчистке грунта?

– Так они сказали мне остановить работы.

Директор Чжао выглядел совершенно пораженным.

– Остановить работы? – спросил он Ши Цзинтяня.

Ши Цзинтянь долго раздумывал и наконец объяснил директору Чжао:

– Мы побоялись, что без официального оформления будут проблемы с земельными органами, поэтому на время приостановили работы. Позже мы примем решение в зависимости от обстоятельств, но пока нельзя задерживать измерительные работы.

Директор Чжао, выслушав его, учтивым тоном сказал Цяо Саню:

– Раз уж вы приступили к строительным работам, разрешите им поскорее закончить измерительные работы в шахтах.

Пока он говорил, у Ши Цзинтяня звякнул телефон и высветил уведомление. Ши Цзинтянь включил экран и увидел, что пишет ему директор Чжао. Очевидно, при Цяо Сяне он не мог сказать этого вслух и тайком написал Ши Цзинтяню сообщение, предупреждая, чтобы тот не соглашался на требования Цяо Саня, иначе его ждут огромные неприятности.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

На другой день после того, как Ши Цзинтянь встретился с директором Чжао, Цяо Сань и в самом деле позволил работникам первого отдела войти в месторождение и произвести измерительные работы в шахтах. Он послал трёх своих парней наблюдать за ходом работ первого отдела. Держа приборы, ступая по снегу, работники искали на промерзшей земле центральную линию. Производили повторный замер на всем месторождении они в течение целого утра. После этого Ши Цзинтянь устремился в главное управление и доложил обо всем Те Цзяню. Очень кстати в это время в его кабинет с отчетом пришла Цзинь Гоин. Ши Цзинтянь и Цзинь Гоин бегло бросили на друг на друга взгляды, но никто ничего не сказал. На самом деле оба они понимали: каждый из них терзается тем, что они не поладили в прошлый раз. Ши Цзинтянь, естественно, не мог заговорить о том, что в первую же встречу вызвал неприязнь у Цзинь Гоин, поэтому сказал, что Цяо Сань с ним торговался и захотел заключить сделку, чтобы ему дали работу на проекте.

– Этот человек ужасно надоедлив, если к нему приклеишься, не отлипнешь потом, – большим и указательным пальцами правой руки Те Цзянь изобразил, будто пытается что-то от себя отлепить. – Вы сумели попасть в шахты и провести там измерительные работы, но это только первый шаг в великом походе¹⁹ вашего первого отделения.

Те Цзянь сказал Ши Цзинтяню, что, раз для строительства их моста нужно засыпать такую сложную шахту, придётся Ши Цзинтяню готовиться к длительной войне. Затем Те Цзянь похвалил Ши Цзинтяня за то, что тот лично поехал уладить дела с Цяо Санем. Ши Цзинтянь бросил взгляд на Цзинь Гоин, сияя от удовольствия. Он никак не ожидал, что Те Цзянь вдруг переменит тему и спросит:

– Слышал я, когда Гоин к тебе приходила, ты был очень уж высокомерным.

Ши Цзинтянь остоленел и ничего не мог сказать.

Цзинь Гоин, сидевшая на диване с каменным лицом, перехватила инициативу беседы:

– Куда уж там. Вы, мужчины, такие непревзойденные.

Ши Цзинтянь, уставившись на неё, сказал:

– Не надо надо мной издеваться, ладно?

– Цзинтянь, вы с главным инженером Цзинь оба закончили университет путей сообщения, только вот Гоин выше тебя по рангу, так что она более выдающийся работник, чем ты.

Те Цзянь, понимая, что Ши Цзинтянь потерял лицо, рассмеялся и сказал:

– Гоин – известный специалист во всем бюро по части техники, работница-передовик «8 марта»²⁰ всего Китая. Чуть кто выиграет конкурс на проект, как сразу пытаются её с руками оторвать, чтобы была она у них главным инженером. А ты площадкой хоть и хорошо управляешь, но ведёшь себя, как богатый землевладелец какой. Неужели ты думаешь, что можешь поучать главного инженера Цзинь как своего подчиненного?

Ши Цзинтянь долго пытался что-то промямлить, но слов для оправдания так и не нашёл. Видя, как он сконфужен, Цзинь Гоин и посмеяться хотела, но и зло её брало, потому она холодно сказала:

– Как на тебя такого посмотришь, так сразу подумаешь о начальниках уезда в старом Китае.

¹⁹ Великий поход – здесь отсылка к Великому походу Красной армии (1934-1936), героической странице в истории китайских коммунистов, когда Красная армия преодолела горные хребты и обосновалась в Яньани, чтобы набрать сил после борьбы с Гоминьданом и подготовиться к новой войне. (прим.ред.)

²⁰ Почётное звание женщин, которые успешно проявили себя в работе или обществе. (прим. переводчика)

Ши Цзинтянь больше слушать этого не желал. Он поднялся и направился к двери, но потом обернулся и, сверля Цзинь Гоин взглядом, сказал:

– Правда же, где есть женщина, там не будет спокойной жизни.

Цзинь Гоин аж завопила в гнев:

– Ши Цзинтянь, а ну стой!

Но Ши Цзинтянь в это время уже одной ногой был за порогом. Он намеренно повернулся к ней, состроил рожу и ушёл.

Когда резкий солнечный свет вновь залил горные хребты и землю, прекратился и свистящий северный ветер, и особенно красивой стала смотреться безбрежная белоснежная даль. Промеж белого снега и желтоватых деревень вдали виднелись буровые установки, экскаваторы и прочие строительные машины, сгрудившиеся у околиц деревень. На бесконечно тянущейся, покрытой снегом дороге через каждые сто метров были установлены красные флажки, маркирующие центральную линию железнодорожного полотна.

Наконец Ши Цзинтянь, Чжу Цзылай, а также директор Чжао и председатель поселкового комитета У в сопровождении нескольких других людей ступили на снег, принялись обмерять землю и приступили к её регистрации. Следом крупногабаритный бульдозер срезал грунт, и посреди снега проявлялась граница железнодорожного полотна шириной шестьдесят метров. Внедорожник Те Цзянь следовал вдоль вставленных в снег флажков. Видя работу по обмеру земли, Те Цзянь пришёл в восторг. Занять землю – дело первостепенной важности для каждой строительной организации в начальный период строительства. Если не произвести реквизицию земли, даже самый способный руководитель не сможет вести дальнейший бой. Расположившись на переднем сидении машины, Те Цзянь в волнении ударил себя ладонью по бедру, и морщины, которые оставило на его лице время, полностью разгладились.

Внедорожник остановился на дорожке неподалёку от Ши Цзинтяня и директора Чжао. Те Цзянь выпрыгнул из машины, обменялся приветствиями с собравшимися, пожал руки директору Чжао и поселковому председателю У. Его взволнованная и приветливая речь звучала почти любезно. Директор Чжао был одет в теплое ватное пальто, на голове у него была шапка, ноги утопали в грязи и снегу. Из-за сильного холода он выглядел каким-то несчастным, губы его не слушались. Он сказал Те Цзяню, что вопрос с землепользованием в районе большого моста разрешён, больше строительные работы ничто не задерживает. Конечно, Те Цзянь был очень доволен. Обернувшись, он отдал распоряжение Ши Цзинтяню и Чжу Цзылаю: после передачи земли в их пользование нужно немедленно взяться за бурение, нельзя медлить ни дня. Нужно задействовать лучшие мостостроительные бригады всего бюро, нужно, чтобы технический персонал как следует занялся разметкой, перевез на площадку буровые установки и приступил к бурению для строительства большого моста. Затем Те Цзянь поговорил с директором Чжао о том, как в тот вечер они пили водку, сказал, что у Юань Тинфэн завидное умение пить и, кстати, на площадке второго отдела также ждут проведения обмера земли. К ним подобрался председатель поселкового комитета У, стащил со своей головы ватную шапку и сказал, что уже известил председателя сельского комитета

Цзяня о начале работ. Те Цзянь победоносно нанёс противникам ещё один удар, выставив директору Чжао и председателю У более высокие требования. Он сказал, что зимой этого года вся земля в пределах минимальной границы должна быть передана в их пользование, все прилегающие постройки должны быть расчищены. Если протянуть до весны, в деревне начнут высаживать саженцы, а когда посевы взойдут, можно столкнуться с большими проблемами. В тот момент было видно, что директору Чжао непросто, но он не стал далее излагать свою позицию, лишь пообещал, что будет стремиться к выполнению требований, а в конце вздохнул и сказал, что работа крестьян очень сложна.

Те Цзянь понял, что директор Чжао имеет в виду, ударил себя по голове и сказал:

– Эх, как же я забыл! В такой холодный день вам всем нелегко, беру на себя выплаты за сверхурочную работу по обмеру земли!

Эти слова чудесным образом подействовали на работников, производящих обмер, все они засияли от счастья.

Председатель посёлка У сказал:

– Через два дня можно приступить к работе в тоннеле Цзинъян.

Те Цзянь пожал протянутую председателем руку:

– Братец, пусть так и будет, договорились.

В целом наметилось решение проблемы с землей в первом отделе, и Те Цзянь, усевшись во внедорожник, поспешил по снежной дали на площадку второго отдела. Он стоял посреди снежной степи и глядел по сторонам, голова у него кружилась и пухла, а перед глазами была пустота – ни единого признака проведения обмера земли. Те Цзянь невольно нахмурил брови: а где работники?

Председатель поселкового комитета У и правда уведомил деревню, что скоро будет производиться обмер земли, но проблемы обнаружились с председателем сельского комитета деревни Янхэцунь по фамилии Цянь. Из-за этого Кун Цинжун и Юань Тинфэн места себе не находили. Оба они, в плотных ватных куртках, хмурясь, с кислыми лицами, в подавленном настроении отправились в деревню на поиски председателя Цяня. Но этот Цянь куда-то скрылся и не явился к ним на встречу. Юань Тинфэн так разозлилась, что даже стала ругаться:

– Я тогда напилась понапрасну, что ли?

– Он с нами хитрит, – сказал Кун Цинжун. – Некоторые деревенские чиновники ещё более скользкие, чем угорь!

Кун Цинжун по дороге ответил на звонок Те Цяня, который звонил с площадки. Несомненно, он спрашивал, почему не производится обмер.

В это время председатель Цянь прятался в чайной компании Цяо Саня, пил чай и играл в мацзян с Лао Сы и собственным племянником. Рядом с каждым из игроков лежала пачка денег, не утихал шорох костей. Цяо Сань держал в зубах сигару, щурясь, перебирал в пальцах кости мацзяна и говорил председателю Цяню:

– Строительство высокоскоростной железной дороги – возможность, выпадающая раз в тысячу лет, это редкий случай, когда можно разбогатеть, нам непременно нужно за эту возможность ухватиться, больше такой не представится.

Племянник председателя Цяня сидел рядом и подглядывал в кости. Назвав Цяо Саня братом, он сказал:

– Мой дядя уже несколько сроков пробыл председателем, где же можно позволить такой возможности ускользнуть? Тут и я хочу разбогатеть.

– Потом такого шанса и не будет, коль сейчас упустим, – сказал Лао Сы. – Заработаем вместе немного.

Председатель Цянь закатил глаза:

– Это я понимаю.

Когда он выложил на стол кость, Цяо Сань с шумом вывалил вниз свои кости и разом выиграл игру.

– Лао Цянь, площадка строительного бюро «Китайских железных дорог» занимает вашу землю, не торопись так вперед, – сказал Цяо Сань, – подумай, как бы обогатить немножко своих крестьян.

Председатель Цянь сказал:

– Со мной хотят встретиться управляющий по фамилии Кун и секретарь по фамилии Юань, я от них спрятался.

Цяо Сань поднял большой палец:

– Это ты верно сделал. Эх, Лао Цянь, договоримся сначала, ты можешь поработать на их площадке, но не отнимай у меня строительный гравий, это за мной.

– На строительстве площадки работа вся маленькая, – сказал племянник председателя Цяня дяде. – Ты и меня поддержи, как я могу немножко заработать?

Те Цзянь, Кун Цинжун и Юань Тинфэн никак не могли знать, что вечером того дня на заснеженной земле, которую нужно было реквизи́ровать под площадку, остановилось множество тракторов и запряженных волами телег, откуда выскочила целая толпа людей. Кто-то из них раскидывал ветки, кто-то вставлял буровые штанги, кто-то водружал сучья. Выглядели все они очень занятыми. После завтрака Кун Цинжун, Юань Тинфэн, Гао Юнхэн, Ань Сюэжун и Цзы Ци приехали на площадку и увидели, что на снегу остались глубокие следы от колес, что за ночь всю площадку заполнили сухие сучья, некоторые из них стояли воткнутыми в снег стройными рядами, а некоторые уже покосились. Глядя на эту картину, Кун Цинжун и Юань Тинфэн так разозлились, что разразились бранью. Сначала они сняли все на телефон, чтобы у них остался видеоматериал, а затем ступили на снег, нагнулись и принялись собирать сухие ветки.

– Разбойники, проныры! – вопил Кун Цинжун, – Берёмся за дело, все это нужно убрать!

Целое утро они, ругаясь, вытаскивали из снега, одну за другой, сухие ветки и сваливали их в кучу.

Кун Цинжун и Юань Тинфэн поспешили с докладом в управление участком. Там они включили телефоны и показали Те Цзяню и Дан Хунци записанные на площадке видео. Досмотрев, Те Цзянь уселся на диван, сказал, чтобы видео они сохранили и при необходимости дали посмотреть уездным и поселковым руководителям. Кун Цинжун сказал:

– Они навставляли это за ночь, мы все расчистили.

Юань Тинфэн, с трудом переводя дыхание, заметила, что жителей деревни непременно поддерживали сельские кадровые работники, иначе смелости бы им на такую дерзость не хватило. Дан Хунци хотел лично пойти к председателю Цяню вместе с Кун Цинжуном. Ему не только не терпелось обсудить эти ветки и сучья, но и хотелось поторопить председателя с обменом земли. Те Цзянь раздумывал, пытался проанализировать, что за мотив двигал крестьянами. Он велел Кун Цинжуну и Юань Тинфэн снова отправиться на поиски председателя Цяня, а когда они выяснят, что произошло, он и Дан Хунци возьмутся за дело. Ещё Те Цзянь дал Кун Цинжуну указание: если крестьяне что-то станут требовать, лучше внимательно изучить эти требования. Кун Цинжун был в затруднительном положении. Он попробовал задать вопрос:

– Если они будут требовать слишком многого, соглашаться нам или нет?

Те Цзянь, естественно, ответил, что действовать нужно по обстоятельствам. Кун Цинжун и Юань Тинфэн, услышав это, поняли замысел руководителя. Вдвоём они снова направились в деревню к председателю Цяню. Придя в дом председателя Цяня, они обнаружили, что это совершенно новая постройка, стоящая посреди обширного двора, обставленная приличной мебелью. Председатель Цянь курил, сидя на почетном месте в главном здании, рядом с ним на стуле сидел его племянник. Кун Цинжун и Юань Тинфэн, войдя в дом, уселись на непочетные места по правую руку от него.

Председатель Цянь, притворяясь, что пребывает в неведении, сказал:

– Ох уж эти крестьяне, как они могли так поступить?

Он сказал, чтобы Кун Цинжун и Юань Тинфэн не беспокоились: он непременно устроит строгое разбирательство по этому вопросу. Юань Тинфэн поняла, что он лукавит.

– Председатель, – сказала она, – до Нового года мы не только должны построить площадку, нам нужно изготовить и первые балки. Несколько дней назад глава уезда Ван, и директор Чжао, и поселковый председатель У за ужином обещали нам лично, что земля будет нашей, к тому же они распорядились, чтобы председатель У обо всем оповестил деревню. Не знаю, получили ли вы оповещение.

Председатель Цянь притворился, что испытывает затруднение и спросил:

– А как в результате будет определяться цена? Цена не установлена – крестьяне не уступят.

– Давайте сделаем, как договаривались изначально, – сказал Кун Цинжун. – Председатель поселкового комитета У ответил, что пока нужно договориться о двадцати восьми тысячах юаней за му.

Сидя на стуле, председатель Цянь поднял чашку, глотнул чая и неторопливо сказал:

– Наша деревня не очень богата. У бедняков помыслы далеко не идут. В бедной деревне и чиновники устают. Не переживайте о земле: я все сделаю по указаниям уездного и поселкового председателей, придумаю, как побыстрее это все осуществить. Однако у нас деревня испытывает некоторую нужду, не могли бы вы нам с этим помочь?

Кун Цинжун и Юань Тинфэн давно уже догадались, к чему он клонит и с каким препятствием им бороться. Препятствие это было не перешагнуть. Тогда они сказали, что, если только не придётся нарушать политику и принципы, они всеми силами постараются решить этот вопрос. Племянник председателя Цянь, сидевший рядом, вставил:

– Какую тут политику и принципы мы нарушаем, у дяди трудности, а вы отказываетесь помочь, тогда и с землей вам никто не поможет.

Председатель Цянь с серьёзным видом поднялся, пристально взглянул на племянника:

– Э, что ты несёшь такое? А ну рот закрой!

Кун Цинжун и Юань Тинфэн, выйдя из дома председателя Цянь, бок о бок двинулись по сельской улице. Лица у обоих были недовольными, они даже не знали, следует ли им докладывать о разговоре Те Цзяню. Юань Тинфэн гневно бранилась:

– Ублюдок, такое условие поставил, вот ведь чиновник мелкий, а какой корыстный, муха²¹ какая-то. Как же мы о нем не доложим?

Об условиях, выдвинутых Цянем, Те Цзянь узнал по дороге на стройку. Кун Цинжун по телефону доложил, что у Цянь два условия, первое – купить машину, как он сказал, для сельского комитета.

– Какую машину? – спросил Те Цзянь.

– Не сказал.

– А второе?

– Минимум половину работы на площадке передать его племяннику, – сказал Кун Цинжун. – Я обсудил это с секретарем Юань, эти два условия мы выполнить не можем.

Те Цзянь прижал телефон к уху. Лицо его побагровело, и он долго ничего не говорил. Только через некоторое время, сдержав свой гнев, он ответил:

– Выполнить не можем, но придётся, иначе не выйдет занять землю под площадку.

– Выполнить нужно оба условия?

– Выполним первое, про машину. Помните, ему нужно получить номерной знак частного лица. Работу на площадке мы им выделить не можем.

Повесив трубку, Те Цзянь в гневе ударил кулаком по подлокотнику и разразился бранью:

– Железная дорога – кормушка какая-то, всем кусочек урвать хочется. Вот уж верно говорят: жалуется царь, да не жалуется псарь!

Но, когда Те Цзянь и Дан Хунци вновь пришли на площадку второго отдела, они увидели, что повсюду навалены сучья и раскопаны ямы. Группа крестьян окружила Юань Тинфэн и Гао Юнхэна: громко галдя, они о чем-то спорили. На снегу не было никаких признаков проведения обмера земли, по-прежнему со всех сторон расстилалась белая даль.

Те Цзянь, издали глядя на крестьян и Юань Тинфэн, сказал:

²¹ Мухами в Китае называют мелких коррумпированных чиновников. (прим. перевод.)

– Видел, Лао Дан? Застряли мы в деревне. Сейчас, похоже, если не выполним условий этого Цяня, никакую землю не получим.

Дан Хунци ужасно разозлился и сказал, что поедет и сообщит о случившемся председателю посёлка У и директору Чжао. Те Цзянь преградил ему путь и сказал, сначала выполним условия Цяня, а потом посмотрим. Кун Цинжун уже поехал покупать машину. Если он и после покупки машины не организует обмера земли, придётся хорошенько с ним поговорить.

Кун Цинжун купил машину и отчитался об этом Те Цзяню. Когда он въехал в деревню, чтобы передать машину Цяню, Те Цзянь тоже подъехал на своём автомобиле к дому деревенского председателя. Новенькая легковая машина уже стояла у входа в переулок у ворот председателя Цяня. Ее вид привлек толпу крестьян, которые с любопытством ее обступили. Несколько мальчишек шагнуло вперёд. Они потрогали зеркала машины, принялись шумно играть вокруг неё. Племянник председателя Цяня прогнал крестьян и детей. Толпа быстро рассеялась. В это время со двора вышел председатель Цянь. Увидев машину, он тут же расплылся в довольной улыбке.

Кун Цинжун вытащил ключи от машины и передал председателю Цяню.

– Попробуете, как она?

Председатель Цянь взял ключи, открыл дверцу машины, забрался туда, все оглядел, затем завёл двигатель и с довольным видом несколько раз кивнул головой.

Внедорожник Те Цзяня остановился позади только что купленной машины. Его обступила орава детей. Те Цзянь вылез из машины, подошёл к Кун Цинжуну и спросил его о новом легковом автомобиле:

– Купил? А что старик Цянь?

Кун Цинжун указал внутрь машины:

– Он там сейчас все пробует.

Те Цзянь подошёл к машине, наклонился, заглянул внутрь. Председатель Цянь заглушил двигатель и поспешно отворил дверцу. Те Цзянь невозмутимо спросил:

– Председатель Цянь, как вам машина, ничего?

Председатель Цянь склонил голову и очень почтительно сказал:

– Годится для сельского комитета, годится. Идём в дом, чаю выпьем.

– Не стоит, – глядя на новенький двор, сказал Те Цзянь. – Лао Цянь, неплохой у вас тут дворик! Для этой деревни целый дворец, вы, наверное, потратили как минимум сто – двести тысяч юаней?

– Триста тысяч, – гордо ответил племянник председателя Цяня.

Те Цзянь рассмеялся:

– А всё-таки есть деньги у деревенских чиновников.

Председатель Цянь уловил намёк, прозвучавший в словах Те Цзяня, и поспешил сказать:

– О, начальник Те, завтра мы сделаем обмер, я сам его организую.

Те Цзянь, уставившись на него, сказал:

– Я раньше должен был вам визит нанести, а то с местными князьками шутки плохи.

Председатель Цянь тут и впрямь свое слово не нарушил. На следующий день он, одевшись в ватную куртку, распоряжался крестьянами, которые производили обмер посреди снежного поля. Юань Тинфэн, Гао Юнхэн и несколько крестьян с тетрадами в руках подсчитывали молодые деревца и прочие помехи, непрерывно делая записи в тетрадях. Новая машина тоже там стояла.

Племянник председателя Цяня подбежал к Юань Тинфэн и сказал:

– Секретарь Юань, мой дядя сам помогает вам организовать обмер земли, но в следующий раз передайте эту работу мне, у меня есть люди и оборудование.

Юань Тинфэн бросила на него взгляд и ничего не сказала. По этому взгляду племянник председателя Цяня понял, какое отвращение она к нему испытывает.

В тот день председатель Цянь в радостном настроении вёл новую машину по уездному городу: пересёк проспект, свернул и остановился у входа в ресторан. Цяо Сань вышел из ресторана и как раз столкнулся с председателем Цянем. Цяо Сань в недоумении спросил:

– Лао Цянь, слышал, ты уже провёл обмен земли на площадке второго отдела?

Председатель Цянь расхохотался и сказал, что ему несколько раз позвонил директор Чжао, мол, и так уже работы задержались на несколько дней, больше оттягивать нельзя, если не организует он работы, то уездный и поселковый председатель призовут его к ответственности.

Цяо Сань кружил вокруг нового автомобиля, взглядом, не сулившим ничего хорошего, сверлил председателя Цяня.

– Правда? – с сомнением спросил Цяо Сань. – Эту машину они тебе купили?

Председатель Цянь не смог увернуться от этого вопроса, пришлось ему сказать, что машину купили для сельского комитета. Цяо Сань сказал председателю Цяню:

– Запомни, в дальнейшем тебе надо все согласовывать со мной, – с этими словами он развернулся и ушёл.

Те Цзянь, решив вопрос с реквизицией земли, поспешил вместе с Сяо Иху и Вань Хуншанем на стройку тоннеля Цзинъян первого отдела, чтобы поучаствовать в церемонии начала строительства. Ниже входа в тоннель располагалась горная деревня. Поблизости от портала, в нижней части склона, были сооружены из съёмных щитов временные постройки для рабочих. Кругом вздымались волнообразно высокие горы, на которых ослепительно сиял снег. Чжао Хуалян стоял на склоне и призывал строителей для удобства работ поскорее соорудить подъездную временную дорогу.

В районе портала тоннеля гора уже была очищена от почвы и перекрывающей породы, рядом была вырыта ровная площадка, где разместилось несколько крупногабаритных машин и автомобилей. На столе были расставлены жареный цыплёнок, рыба, закуски, три бокала вина, перед столом на снегу лежал связанный баран. Горный склон покрывала длинная связка алых петард. Целая группа взрослых и детей собралась у склона, чтобы поглазеть на необычное зрелище.

Те Цзянь на внедорожнике проехал по сельской дороге в сторону деревни. Два бульдозера у обочины выравнивали площадку на плоском участке. Те Цзянь, сидя в машине, поворачивал голову то вправо, то влево и глядел на то, что творилось за окном. Сяо Иху сказал ему, что для строительства тоннеля Цзинъян и большого моста предназначен смесительный узел №1 объёмом 150 000 кубометров, который может быть достроен и введён в эксплуатацию до Нового года. Те Цзянь спросил, кто отвечает за этот смесительный узел. Начальник инженерного отдела Вань Хуншань, указывая за окно на фигуру женщины, одетой в ватное пальто, которая стояла на ветру и распоряжалась строителями, сказал, что зовут её Цуй Линхуа. Те Цзянь кивнул с улыбкой и сказал, что Цуй Линхуа похожа на начальника смесительного узла.

Те Цзянь не остановил машину возле смесительного узла №1, а распорядился остановиться у подъездной дороги. Те Цзянь, Сяо Иху и Вань Хуншань выбрались из машины, не подумали даже воспользоваться подъездной дорогой, а пешком прошли на место проведения церемонии. Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай немедленно к ним подбежали и доложили, что все готово к её началу. Рабочие и временные работники в касках уже стояли строем, Бао Те, командир бригады по строительству каркаса тоннеля, и Ли Вэймин, командир рабочей бригады, стояли перед двумя другими рядами. Те Цзянь поднял голову и поглядел на венчающую портал тоннеля высокую гору и пики вокруг неё, глубоко вздохнул. А затем они приблизились к столу, увидели щедрые дары крестьян, которые даже зарезали цыплёнка и привели барана. Те Цзянь подумал, что пропитание у рабочих точно есть.

Следом Те Цзянь отдал приказ, и стоявший поодаль Чжао Хуалян обернулся, махнул рукой в сторону горного склона и крикнул:

– Запустить петарды!... Зарезать барана!

В мгновение ока раздались оглушительные хлопки петард, над стройплощадкой разнёсся зелёный дым, люди радостно закричали и захлопали в ладоши. Один из работников вонзил длинный нож в шею барана, плеснула алая кровь. Дёрнувшись несколько раз в предсмертных судорогах, баран испустил дух. Ши Цзинтянь вылил на снег у портала тоннеля бутылку водки и три рюмки, стоявшие на столе, затем он повернулся лицом к порталу и крикнул:

– Начинаем работу!

Вдруг на склоне раздался грохот генератора. Несколько работников, вооружившись строительными фенами, упёрли их в плечи и с шумом стали загонять в гору бурильные штанги. Рабочие приступили к строительству временных жилищ, установке водопроводного оборудования, ветровых генераторов и бетоносмесительных устройств. На площадке закипела работа.

По окончании церемонии Ши Цзинтянь пригласил Те Цзяня и Сяо Иху в дежурную комнату стройплощадки отдохнуть. Из окна они могли наблюдать, как временные работники ведут строительные работы у подножия горы и на склоне. Подрядчик строительства этого тоннеля – превосходная рабочая бригада, высоко отмеченная всем строительным бюро, а командир этой бригады – Ли Вэйминь. На стройке уже собрались тридцать человек, а в конечном итоге здесь будет сто двадцать человек. Работники нанимаются из таких провинций, как Хунань, Хубэй, Чунцин, Шаньдун, Хэбэй. Если они не будут справляться с работой, их можно в любое время заменить. На Те Цзяня рабочая бригада произвела глубокое впечатление. Члены этой бригады уже долгое время работали с компаниями, ходили вместе во множество атак, никогда не создавали проблем, не боялись неудач, бросались вперед в решительный момент, могли вести ожесточенные битвы. Те Цзянь подумал, что такую бригаду потерять не может.

Ши Цзинтянь объяснил:

– Такие бригады уже объединили в единую строительную бригаду, которая будет строить внутренний каркас тоннеля. Девять работников высшего уровня в этой бригаде, такие как командир бригады, его заместитель, технический руководитель, специалист по безопасности, – внутренний персонал нашей компании. Эта рабочая бригада уже являет собой основную силу нашего железнодорожного строительства.

– Да, нам не обойтись без контроля. Контролировать их нужно строго, но обходиться с ними хорошо, – сказал Те Цзянь. – Пусть они почувствуют, что работать с нашим государственным предприятием безопаснее и выгоднее, чем с фирмой-подрядчиком. Несколько лет назад почему так много нанятых извне бригад создавало нам проблемы? Некоторые беспринципные подрядчики тратили деньги и искали связи, чтобы забрать проекты у государственных организаций, а потом многократно их перепродавать. Когда же дело по-настоящему доходило до рабочей бригады, проект стоимостью в сто юаней превращался в пятьдесят-шестьдесят юаней, а оставшуюся сумму присваивал себе подрядчик. Тогда и работники либо придумывали, как схалтурить на работе, либо, немного поработав, прекращали работу и устраивали беспорядки, требуя компенсацию за несправедливые цены, блокировали проектный отдел, осаждали правительство, устраивали митинги, злонамеренно всех шантажировали. Поэтому мы могли только составлять чёрные списки и накладывать запреты на работу таких бригад. Если бы мы так не поступали, у железнодорожного строительства не осталось бы надежды, а на высокоскоростных железных дорогах после запуска таились бы многочисленные опасности. Лучше извлечь уроки поздно, чем никогда.

Ши Цзинтянь сказал, что в бюро выпустили более шестидесяти положений об управлении бригадами. Не дожидаясь вопроса Те Цзяня, Ши Цзинтянь со знанием дела повторил «шесть запретов». Во-первых, запрещено распределять рабочие бригады в нарушение правил без проведения открытых конкурсов на подбор персонала, под различными предлогами уклоняясь от них и устраивая всевозможные махинации. Во-вторых, запрещено прибегать к помощи рабочих бригад, которые вышестоящее начальство и корпорация внесли в «чёрный список». В-третьих, рабочим бригадам запрещено приезжать на площадку, получать аван-

совый платёж, получать не оцененные платежи и превышающие определённые суммы средства без подписания контракта. В-четвёртых, запрещены субдоговора и субподряд. В-пятых, запрещается прямой перевод крупных сумм на личные счета рабочей бригады, открытые в иных провинциях, а также запрещается производить оплату за работу бригады крупными суммами наличных. В-шестых, запрещается передача смесительных узлов рабочим бригадам для покупки и управления.

– Хорошо, ты, управляющий этим проектом, достаточно компетентен, – с довольной улыбкой сказал Те Цзянь. Повернувшись к Сяо Иху, он спросил:

– Лао Сяо, слышал? Запрещено распределять рабочие бригады в нарушение правил без проведения открытых конкурсов на подбор персонала, под различными предложениями уклоняясь от них и устраивая всевозможные махинации. Именно поэтому я вычеркнул из списка те две бригады. Если мы не будем соблюдать правила, получится, что мы совершаем огромную ошибку, не сумев избежать махинаций.

У Сяо Иху вдруг позеленело лицо, и он принялся оправдываться, что всё будет сделано, как скажет Те Цзянь, а он сам никогда не нарушал правил.

– Ты отвечаешь за три конкурса, и соблюдение правил является предварительным условием, – сказал Те Цзянь. – Дела такие: мы сами инвестируем в оборудование для строительства тоннеля, бригады, с которыми сотрудничаем, берут подряд на одну производственную операцию, не разрешается строительство и обработка смесительных узлов нанятыми извне бригадами, большие партии материалов, помимо тех, что поставляются и контролируются заказчиком, централизованно закупаются управлением строительного бюро. Кроме того, при распределении проектных задач между отделами центр тяжести нашей работы переносится вниз, работа становится более детализированной, и никакие из этих деталей нельзя пускать на самотёк, контроль должен быть основательным, нужно напрямую контролировать выполнение каждой операции. При ежемесячной оценке стоимости не разрешается докладывать об этом от одного административного уровня к другому, лишь допускается, что управление строительного бюро будет напрямую направлять технический, инженерный персонал и работников, занимающихся планированием, для того, чтобы совместно с рабочими бригадами производить реальные подсчёты на месте, на месте же подписывать документы. И здесь никому нельзя жонглировать ложными данными!

Те Цзянь также предупредил Ши Цзинтяня, что необходимо жестоко подавлять «четыре вида беспорядков». Например, на площадке некоторые работники получили от временных рабочих сигареты, выпили вместе «пойло», сыграли на несколько сотен юаней, и контрактная бригада, взяв бланки, осмелилась беспорядочно выдавать расписки, беспорядочно подсчитывать стоимость, беспорядочно арендовать оборудование, беспорядочно выделять средства. Это абсолютно недопустимо. Некоторые бригады начинают при подписании этих расписок очень уважительно к вам обращаться. После подписания поначалу ничего не происходит, но по завершении работы, при расчёте, начинаются судебные тяжбы, приходится возмещать суммы, превышающие миллион юаней, даже несколько миллионов юаней. Это тяжёлые уроки.

В системе «Китайских железных дорог» в прошлом встречались некоторые бессовестные контрактные бригады, которые так поступали. Среди подчинённых тоже встречались сотрудники, любившие наживу, стремившиеся к мелкой выгоде. Они вовсе не задавались вопросом, почему контрактники зовут их вместе попеть песни, потанцевать, поужинать, почему дарят им сигареты, деньги. Эти контрактные ничего не делали бы, если бы не было повода поживиться. Если дарили несколько сотен юаней, то мечтали отобрать несколько десятков, сотен, даже миллионов! Это дошло до того, что без строгого контроля обойтись уже не получалось.

Ши Цзинтянь понимал, о чем предупреждает его Те Цзянь, и признавал, что некоторые подчинённые не знают о связи между прибылью и злоупотреблениями. Когда они только приехали на площадку, он дал каждому работнику урок честности и неподкупности, поставил

своеобразный «профилактический укол»: если кто-то нарушит правила, тот будет наказан. Те Цзянь сказал:

– Это верно, непременно нужно контролировать внутренний персонал. Если обнаружится проступок, нужно наказать того, кто его совершил, ни в коем случае нельзя быть мягким. Только так удастся управлять проектом, только так проект выйдет высокого, достойного качества, только так у нас будут превосходные кадры, только так мы сможем уберечь и каждого из наших работников.

Те Цзянь велел Чжу Цзылаю позвать Бао Те и Ли Вэйминя, которые на высоком склоне самолично орудовали строительными фенами. Бао Те и Ли Вэйминь передали строительные фены рабочим и сбежали со склона вниз. Перед Те Цзянем они казались очень скованными и сдержанными.

– Хм, вид у вас рабочий, – Те Цзянь окинул их взглядом с ног до головы и несколько раз кивнул. – Этот тоннель – важная точка, которой придают значение и наверху, и внизу, вы двое сумеете с ним справиться?

Не успели Бао Те и Ли Вэйминь ответить, как их прервали крики, доносившиеся из-за окна, с подъездной дороги в нижней части склона. Похоже, кто-то бранился. Сквозь прозрачное оконное стекло Те Цзянь увидел группу людей, обступивших бульдозер, Чжао Хуаляна и рабочих. Не иначе как кто-то решил воспрепятствовать работе. Те Цзянь распорядился, чтобы Ши Цзинтянь спустился туда и выяснил, в чем дело. Оказалось, какая-то крестьянка легла на подъездной дороге перед бульдозером и мешала теперь строительным работам. Ши Цзинтянь, Чжао Хуалян, Бао Те и Ли Вэйминь пытались теперь разобраться с этой женщиной.

Сяо Иху, сопровождая Те Цзяня, вышел из дежурной комнаты, и они подошли к склону.

– Что случилось? – спросил Те Цзянь. Ши Цзинтянь обернулся и сказал:

– Внизу на этой лисьей ферме сказали, что наши генераторы и фены шумят, и их лисы так испугались, что ничего не едят, не спят и не рожают детёнышей. В этом они нас обвиняют.

– Да это просто безобразие! И мы будем просто стоять в стороне и глазеть на это? – Те Цзянь, услышав, что произошло, разозлился, шагнул вперед, распахивая толпу, подошёл к той женщине.

– Эй, я вас спросить хочу, лисы испугались, но к нам не прибежали, так вы зачем прибежали работе мешать?

Крестьянка раскинула руки, намертво вцепилась в железный ковш погрузчика и спросила Те Цзяня, о чем он вообще говорит. Она сказала, что на ферме выращивают лис, чтобы выручать деньги с продажи детёнышей. Лисы – животные, поэтому остались в загонках. Те Цзянь с насмешкой сказал:

– Лисы – животные, а не люди, вот они сюда и не прибежали. А вы человек, вот и прибежали мешать работе. Наши строительные фены разрушили вашу лисью ферму?

Крестьянка заскандалила:

– Не разрушили, но уж очень грохочут, лисам страшно, многие умерли, вам придётся возместить убытки!

Те Цзянь, несколько десятков лет проработавший в железнодорожном строительстве, повидал столько подобных картин, что они уже стали для него привычным явлением. Поэтому он прежде всего попросил крестьянку слезть с погрузчика и позволить стройотрядам работать, а затем торжественно сообщил ей, что в случае чего можно пойти в посёлок и все обсудить с председателем. Но крестьянка и не думала отступать.

– Я в посёлок не пошла, а вот к вам решила пойти. Вы строите, а наши лисицы не плодятся. Вы нам убытки не возместите – так даже не думайте, что работать будете.

Поведение крестьянки разъярило Те Цзяня. Он с гневным укором обратился к ней:

– Сегодня началось строительство тоннеля, а вы сюда хулиганить пришли – вижу, вы даже с животными не сравнитесь. Чистой воды безрассудство! Кто-нибудь, оттащите её!

Уже давно пылающие гневом Чжао Хуалян, Бао Те, Ли Вэйминь и несколько рабочих бросились вперед, подхватили крестьянку и отнесли ее в сторону, за чем последовал громкий женский плач.

– Не обращаем на неё внимания, работаем! – уверенно и громко произнёс Те Цзянь. – Помните, если такие люди впредь вам встретятся, церемониться с ними ни в коем случае не надо!

Решив вопрос с крестьянкой, мешавшей строительству тоннеля Цзиньян, Сяо Иху и Те Цзянь вернулись в главное управление, где Сяо Иху ответил на звонок директора Чжао. Все-таки пусть Цяо Сань рубит деревья и срезает грунт. Какой-то руководитель связался с директором Чжао и попросил его передать Сяо Иху, чтобы Цяо Сань продолжал делать те земельные работы, которые он уже начал. Иначе Цяо Сань не оставит этого руководителя в покое. Сяо Иху без колебаний согласился на дальнейшее сотрудничество. Директор Чжао, сидевший у себя в кабинете, поднял чашку чая, отпил пару глотков и сказал:

– Я ведь тоже ничего поделывать не мог, только вам позвонить.

Наконец, директор Чжао попросил Сяо Иху еще раз встретиться с Цяо Санем.

Сяо Иху воспринял слова директора Чжао как «высочайшее повеление», и, ни о чем не предупредив Те Цзяня, договорился встретиться с Цяо Санем в чайной в посёлке. Сидя друг против друга, они пили чай. Цяо Сань, державший в руке бумажный пакет, опустил его у ног Сяо Иху. Сяо Иху по опыту определил, что лежит там не что иное, как пачка банкнот.

Цяо Сань, держа в руках чашку, сказал:

– Брат Сяо, я наполовину только дерево срубил, а меня остановить заставили, а потом еще и рассчитали на двести тысяч юаней. Мои братцы-подчинённые работать хотят, разве нужно мне так мало денег?

Сяо Иху, мысленно что-то подсчитывая, дружески назвал Цяо Саня братом и сказал: деньги, которые должны быть, будут, есть же подсчёт издержек. Цяо Сань все же полагал, что они вдвоём заранее договорились: деревья рубит он, работу выполняет он и ещё помогает оформить дополнительные документы, но, едва он приступил к выполнению задачи и сделал совсем немного, как ему велели остановиться, и он совершенно запутался.

– Если здесь я не выполняю земельные работы, то никто их не сможет выполнить. К тому же я заблаговременно заготовил сотни тысяч кубометров различного грунта. Кто ещё может это сделать? Только я, Цяо Сань, – чрезвычайно самоуверенно сказал Цяо Сань. – Немного обо мне позаботьтесь – и сами не окажетесь в убытке. Из-за большого моста придётся засыпать мои шахты, я ослаблю хватку – и вы очень быстро займёте землю, иначе...

Хотя Цяо Сань и не договорил, но Сяо Иху понял, что он имел в виду. Очевидно, если Цяо Сань не ослабит хватку, то нет никакой надежды занять землю в шахте и проводить там строительные работы. Сяо Иху поднёс чашку к губам, хлюпая, потянул из чашки чай и сказал:

– Хорошо, брат, считай, что я у тебя в долгу.

Сяо Иху пообещал Цяо Саню замолвить словечко за него перед Ши Цзинтянем и Чжу Цзылаем, которые в это время, топчя снег, внимательно следили за строительными работами на участке насыпи. Несколько бульдозеров перерыли снег так, что обнажилась желтая земля. Долго звонил телефон в кармане у Ши Цзинтяня, но нескоро он его вытащил и ответил на звонок. Сяо Иху сказал Ши Цзинтяню, что на его участке железнодорожного полотна Цяо Сань ещё не завершил вырубку деревьев, у него есть готовый грунт, поэтому не нужно допустить, чтобы грунт привёз кто-то другой, пусть эту работу всё же выполнит Цяо Сань. Ши Цзинтянь, держа в руках телефон, сначала ничего не сказал, а подумав, только смог упомянуть Те Цзяня, который был категорически против Цяо Саня, и спросил у Сяо Иху, что делать, если начальник главного управления не разрешает пользоваться услугами Цяо Саня. Сяо Иху, похоже, собирался твёрдо стоять на своём, он сказал, что выполняет обязанности заместителя начальника

главного управления. Те Цзянь всего лишь на словах выразил свое несогласие, но ради нужд строительства можно и позволить Цяо Саню выполнить работу.

– Со мной только что связался директор Чжао, нужно и ему оказать почтение, пусть этот участок доделает Цяо Сань, а о дальнейшей работе потом поговорим. Пока так поступим.

С этими словами Сяо Иху повесил трубку. Ши Цзинтянь, почувствовав, что возможности обсудить это дело исчерпаны, обернулся и спросил у Чжу Цзылая, что делать. Чжу Цзылай беспомощно опустил руки и лишь поглядел на Ши Цзинтяня, нахмутив брови.

– Я очень рад! – воскликнул Цяо Сань, весьма растроганный такими стараниями Сяо Иху. Он вытянул вверх большой палец, выражая восхищение. На сей раз оба они оказали друг другу достаточно почтения. Цяо Сань немедленно вытащил из-под столика тот бумажный пакет и поместил его на столик. Держась, словно благородный рыцарь, он сказал:

– Если признаёшь меня своим братом, то бери, я тебя братом признаю.

Сяо Иху поднял бумажный пакет, взвесил его в руке. Он проговорил извинения, но в его душе от радости уже давно распустились цветы. Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай не в состоянии были противостоять давлению, которое на них оказывалось. Трудно было им и доложить о сложившейся обстановке Те Цзяню. Они боялись, что между руководителями обострятся противоречия. Пришлось позволить Цяо Саню возобновить работу.

Чжу Хунцзюнь, будучи начальником инженерного отдела, стоял за чертой железнодорожного полотна, на покрытом снегом поле, и следил за работой, как распорядился Ши Цзинтянь. Он бесстрастно наблюдал, как впереди выполняет срезку растительного грунта бульдозер Цяо Саня, как за ним следует крупный экскаватор, который раскапывает грунт, как запускаются вращательные буровые установки.

О том, что на площадке произошли такие разительные перемены, Те Цзянь пока ничего не знал, а проведал об этом только утром следующего дня. Взяв с собой Вань Хуншаня, он отправился на инспекцию стройплощадки. Внедорожник ещё ехал по подъездной дороге, а Те Цзянь уже издалека заметил, что Ши Цзинтянь, Чжу Цзылай и Чжу Хунцзюнь безучастно стоят в сторонке, а неподалёку от них маячит силуэт Цяо Саня. Те Цзянь тут же осознал, что в первоначальной расстановке сил произошли изменения, и на душе у него мгновенно сделалось тяжело.

Машина неспешно остановилась у межи деревенского поля возле участка железнодорожного полотна. Те Цзянь и Вань Хуншань выбрались из машины, ступили на снег и пошли по направлению к площадке. Те Цзянь прекрасно знал, что строительные работы выполняет бригада Цяо Саня, но, увидев Ши Цзинтяня, Чжу Цзылая, Чжу Хунцзюня и Цяо Саня, первый вопрос задал, притворившись, что ничего не понял:

– Начали бурение? А какая бригада?

Ши Цзинтянь в личном его присутствии не мог не признать, что бурение начала бригада Цяо Саня. Цяо Сань немедленно выступил вперед и почтительно поприветствовал Те Цзяня, представившись и сказав, что это именно он вырубил деревья в пределах нижней границы железнодорожного полотна. Те Цзянь тогда впервые посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– Разве вас не попросили пока остановить работу? Почему вы опять пришли?

Цяо Сань замялся, и пришлось ему сказать, что его известил Ши Цзинтянь, вот он и приехал.

– Бригада без участия в конкурсе попала на стройку? Контракт подписали?

– Нет.

– Въехали на стройку без контракта? Как вы цену за строительную операцию определяете?

Ши Цзинтянь сказал:

– Пока рассчитываемся по ориентировочной цене.

– Пока останавливаем работы, когда бригада пройдет конкурс, тогда и поговорим, мы не можем преднамеренно нарушать правила.

Те Цзянь повернулся к Цяо Саню:

– Директор Цяо, прошу вас это понять.

Те Цзянь очевидно давал приказ. Цяо Сань, Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай чувствовали себя очень неловко. Чжу Хунцзюнь побежал по снегу на железнодорожное полотно и принялся махать рукой работникам Цяо Саня и кричать, чтобы они прекратили работу.

Те Цзянь подозвал Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая вернуться вместе с ним в управление, где он с силой швырнул строительную каску на стол в комнате для заседаний и велел, чтобы Лань Хуадо позвала Дан Хунци и Сяо Иху. Он спросил Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая, кто согласился снова позвать на площадку Цяо Саня, если всего несколько дней назад остановили его работу по вырубке деревьев. Без конкурса, без подписания контракта строительные работы на стройплощадке выполняют какие-то местные ребята. Похоже, у кого-то слишком много смелости. Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай переглянулись. Сяо Иху сверлил их взглядом, смертельно боясь, что они его выдадут. Он сидел на стуле за столом переговоров и выглядел перепуганным.

Дан Хунци спросил, рассчитались ли с Цяо Санем за вырубку деревьев. Ши Цзинтянь ответил, что нет. Сяо Иху, притворяясь, что абсолютно спокоен, немедленно перехватил разговор и сказал:

– Цяо Саню не нужны деньги, он просто хочет выполнить кое-какую работу, директор Чжао снова попросил его взять на себя земляные работы на этом участке.

Дан Хунци сказал:

– Директор Чжао особенно подчеркнул, что с Цяо Санем нужно быть осторожным, ты должен это понимать, Лао Сяо.

Те Цзянь с невозмутимым видом намеренно задал вопрос Дан Хунци:

– Это ты его позвал на сей раз?

Дан Хунци ответил, что не он. Тогда Те Цзянь принялся расспрашивать Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая, требуя, чтобы они выложили все начистоту. Ши Цзинтянь долго покашливал, но в конце концов пришлось ему рассказать, что Цяо Саня направил на стройку Сяо Иху. Сяо Иху посчитал, что его предали, и таким гневом воспылал к Ши Цзинтяню и Чжу Цзылаю, что едва не заскрежетал зубами, однако дать этому гневу волю он не осмелился.

– Я знал, что кто-то за моей спиной махинации устраивает, – Те Цзянь говорил теперь о Сяо Иху. – Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай в одиночку на это бы не решились.

Те Цзянь обернулся и спросил Сяо Иху, почему непременно нужно прибегать к помощи Цяо Саня. Сяо Иху в свое оправдание сказал, что таким образом они оказывают почтение директору Чжао, иначе впоследствии непросто будет добиться помощи от железнодорожного отдела. Те Цзянь хмыкнул и сказал, что ему не нужно решать никаких вопросов с железнодорожным отделом и такое назначение бригады никому не прибавляет чести. Те Цзянь спросил, не заключил ли Сяо Иху у него за спиной какой-нибудь сделки с Цяо Санем. Такие расспросы резанули слух Сяо Иху. Ему казалось, что в сердце ему кто-то воткнул нож. С трудом переводя дыхание, он встал и сказал Те Цзяню, что тому следует нести ответственность за свои слова, и задал встречный вопрос, нет ли у него самого какой сделки с Цяо Санем, ведь он управляет площадкой, чтобы налаживать отношения с местным руководством.

Те Цзянь пристально поглядел на Сяо Иху, махнул рукой и сказал:

– Не волнуйся! Сядь, сядь. Мы вместе служили, ты знаешь меня, а я еще лучше знаю тебя, многие вещи друг о друге мы в глубине души отлично понимаем. Раз уж у тебя нет с ним никакой сделки, пусть Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай в пределах их отдела пока освободят площадку от работников Цяо Саня. Если они могут выдвинуть условия работы во время конкурса, пусть снова приходят на площадку и выполняют работы.

Сяо Иху, склонив голову, поглядел на Те Цзяня:

– Почему во всем нужно быть настолько категоричным? Они ведь уже въехали на площадку и приступили к работе, почему от них нужно освобождаться? И как рассчитываться? Хочешь драки дожидаться, да?

Слова Сяо Иху рассердили Те Цзяня.

– Драки? – переспросил он. – Ты меня запугиваешь? Ты должен понимать, каков я, Те Цзянь, на фронте я смерти не боялся, буду бояться каких-то наемных проходимцев? Повторю тебе: успех или неудача зависят от бригад, от управления бригадами, от тех, которые правилам не соответствуют, стройку прошу очистить полностью.

В переговорной запахло порохом. Ши Цзинтянь поспешил взять слово и сказал, что немедленно организует конкурс и переговоры по подряду. Те Цзянь дал следующее распоряжение: конкурс провести можно, но те две бригады по строительству тоннеля, которые он вычеркнул в прошлый раз, никогда не работали в бюро, и к их помощи ни в коем случае не следует прибегать.

Те Цзянь стремился поскорее развернуть строительные работы, одновременно упорядочивая стройплощадку и побуждая главного инженера проекта Цзинь Гоин вместе с главным инженером первого отдела Ван Жоюнь и главным инженером стройплощадки второго отдела Ань Сюэжун провести переговоры с заказчиком – компанией «Север—Юг». Перед тем как Цзинь Гоин туда отправилась, произошло то, о чем даже Ань Сюэжун подумать не могла: её молодой человек Дэн Лицян заблаговременно приехал в компанию «Север—Юг», чтобы поучаствовать в конкурсе на снабжение проекта материалами. Дэн Лицян приехал туда в купе зелёного поезда старого образца, который уже давно вышел из моды и казался устаревшим по сравнению с высокоскоростными и моторвагонными поездами. Поезд мчался по гористой местности, за окном мелькали белоснежные горные пики. Дэн Лицян, конечно же, подумал о своей девушке Ань Сюэжун, поскольку она работала на стройке высокоскоростной железной дороги «Север—Юг». Он полулежал на нижней полке в купейном вагоне и от скуки играл в какую-то игру на телефоне. Закончив играть, он позвонил Ань Сюэжун, спросил, на стройке ли она.

Временные постройки на стройплощадке второго отдела ещё не были готовы, и Ань Сюэжун пока работала в одноэтажном крестьянском доме, арендованном у местного жителя. Ань Сюэжун взяла трубку и спросила, где сейчас Дэн Лицян. Он сказал, что в поезде, на стройке скоро будет проводится конкурс на поставку материалов. Отец Дэн Лицяна позвонил дяде Вану, и Дэн Лицян поехал с ним увидеться. Он хотел бы, чтобы и Ань Сюэжун подъехала в компанию «Север—Юг» и они бы там встретились, чтобы ему не пришлось ехать на стройку. Ань Сюэжун не дала ему однозначного ответа, сказав, что посмотрит, позволит ли ей работа отлучиться, а также спросила, сколько времени он проведёт в компании. Дэн Лицян ответил, что увидится с дядей Ваном, а также с руководителями различных управлений, отвечающих за конкурсы, и после этого вернётся домой.

Ван Чжунли знал, с какой целью приехал Дэн Лицян, и позвонил оповестить об этом Сяо Иху. Тогда Сяо Иху одновременно с тем, как Дэн Лицян направлялся в офис заказчика, тоже уселся в машину и поехал туда. Он полагал, что это хорошая возможность заключить тесные связи с заказчиком. Хотя он не договаривался с Дэн Лицяном о встрече, но они сошлись благодаря посредничеству Ван Чжунли.

Дэн Лицян сошёл с поезда на вокзале уездного города Цинъян, вызвал такси и поехал напрямик в компанию «Север—Юг». Держа в руках пакет, он вошёл в здание компании и, пройдя по коридору, наконец отыскал кабинет Ван Чжунли. Ван Чжунли, услышав стук в дверь, подошёл к ней и отворил её. Увидев, что пожаловал Дэн Лицян, он приветливо пригласил его войти, хлопнул его по плечу и спросил, с чем он приехал. Дэн Лицян, назвав Ван Чжунли дядей Ваном, сказал, что его попросил приехать сюда отец. И тут же он положил под

стол Ван Чжунли пакет, который держал в руках, и заявил, что это в знак признательности от его отца.

Когда Сяо Иху добрался до компании «Север—Юг», был уже полдень. Ван Чжунли и Дэн Лицян сидели в отдельной комнате в ресторане, уже заказав еду. После того как вошёл Сяо Иху и обменялся с присутствующими приветствиями, Ван Чжунли поднял стакан и сказал, что это директор Дэн из торговой компании «Цяншэн», которого он рекомендовал, и предложил Дэн Лицяну и Сяо Иху познакомиться. Дэн Лицяну Ван Чжунли сказал, что Сяо Иху – заместитель начальника участка из строительного бюро «Китайских железных дорог», отвечающий за конкурсы на поставку материалов и оборудования. Он сказал, чтобы Дэн Лицян впредь называл Сяо Иху дядей Сяо.

Дэн Лицян скромно кивнул Сяо Иху, поднял стакан, почтительно его приветствуя. Сяо Иху перед Ван Чжунли не мог не принять стакан с алкоголем, поднятый Дэн Лицяном в его честь. Пытаясь снискать расположение Ван Чжунли, Сяо Иху сказал, что Ван Чжунли рекомендовал ему Дэн Лицяна, и тот во время участия в конкурсе может непосредственно с ним связаться. Дэн Лицян сам взял на себя рассказ о деятельности компании «Цяншэн», сказав, что она также поставляет материалы некоторым подразделениями «Китайских железных дорог» на других линиях и попросив Сяо Иху оказать ему протекцию на этой линии.

– Все здесь свои, стесняться не нужно, – видя, что атмосфера уже стала достаточно дружелюбной, Ван Чжунли продолжил тему, опираясь на свое влияние. – Лицян молодой, надежды подаёт, компания у него большая, поддержим его немного, если потом будет какое дело, пусть его выполняет Лицян.

Сяо Иху, поняв, что имеет в виду Ван Чжунли, весело поднял стакан и чокнулся с Дэн Лицяном.

Дэн Лицян планировал после третьего стакана заговорить об Ань Сюэжун. Он сказал, что на проекте строительного бюро «Китайских железных дорог» работает его девушка. Сяо Иху, несколько сбитый с толку, спросил, кто же это. Ван Чжунли сказал:

– Это Ань Сюэжун, главный инженер на вашей мостостроительной площадке.

– Ага! – воскликнул Сяо Иху. – Оказывается, это Сяо Ань, идеально друг другу подходите!

Сяо Иху упрекнул Дэн Лицяна, что он раньше не сказал об этом, тогда бы он взял Ань Сюэжун с собой. Ван Чжунли похвалил Ань Сюэжун, что она такой молодой уже стала главным инженером, ведь это совсем не просто. Он попросил Сяо Иху по возвращении сказать Те Цзяню и Дан Хунци, чтобы они больше заботились о ней на стройке.

Ван Чжунли поднял стакан, залпом выпил и спросил у Сяо Иху, сложно ли выполнить то, о чем они говорили в прошлый раз. Сяо Иху притворился, что испытывает трудности, и сказал, что довольно сложно. С материалами и оборудованием, за которые он отвечает, проблем быть не должно, но те две бригады на строительство тоннеля он протолкнуть не может. Ван Чжунли, услышав это, показал, что недоволен, и спросил, кто против этих бригад. Сяо Иху сказал:

– А кто ещё может быть против? Решающее слово у нас имеет начальник участка, этот мой старый боевой товарищ, Те Цзянь. Он сказал, что директор Чжан его не предупредил, потому бригады, рекомендованные другими, распределять он не будет.

Сяо Иху полностью осознал, что он говорит. Хотя он был связан с Те Цзянем судьбой военного братства, но строгий контроль Те Цзяня на

проекте не очень ему нравился. Когда происходит конфликт интересов, какие бы прекрасные чувства ни были между двумя людьми, вся их яркость может померкнуть.

Ван Чжунли с вытянутым лицом сказал:

– Идёт, Те Цзянь не согласен – и ладно, незачем его просить. Считаю, я об этом деле и не говорил, я попрошу другое бюро его выполнить, но с конкурсом на материалы и оборудование ты мне должен помочь.

Сяо Иху бесконечно извинялся перед Ван Чжунли:

– Сам посуди, я лишь заместитель начальника участка, со мной не считаются, я не могу помочь тебе сделать это дельце, прошу прощения.

– Дело не твоё, – сказал Ван Чжунли, – Те Цзянь меня не уважил, и я вам тем же отвечу. Ничего страшного. Давай, лучше выпьем.

Сяо Иху нарочно вовлёл в конфликт Те Цзяня, одной фразой превратив его в противника Ван Чжунли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Цзинь Гоин оставила сына Наньнана с Лань Хуадо, а сама вместе с Ван Жоюнь, Чжу Хунцзюнем и Ань Сюэжун отправилась на внедорожнике в компанию «Север—Юг», чтобы обсудить с Ван Чжунли технические изменения в плане организации строительства. Цзинь Гоин сидела на переднем сидении, Ван Жоюнь – на заднем сидении слева, Чжу Хунцзюнь – в центре, а Ань Сюэжун – справа.

Чтобы доехать от стройки до компании «Север—Юг», требовалось два с лишним часа. Внедорожник ехал по трассе, которая длинной лентой убегала к далеким горам. По обеим сторонам дороги вздымались холмы, постепенно становившиеся выше. Они были покрыты плотным слоем снега. Машин по пути встречалось немного – чем дальше ехал их внедорожник, тем более одиноким казался посреди бескрайней снежной дали.

Задачей Цзинь Гоин было, во-первых, изложить заказчику план организации строительства, а во-вторых, сходить в проектный институт и встретиться с генеральным проектировщиком Лу. Ань Сюэжун первой начала вздыхать, что председатель Цянь, воспользовавшись своей властью, выпросил у них машину.

– Что ж он жадный такой, без покупки машины не разрешал нам землю под стройплощадку занимать. Так много денег на этого негодя потратили.

Чжу Хунцзюнь посмеялся над ней, сказав, что траты везде возникают, даже чтобы пару себе найти, потратиться надо. Ван Жоюнь пошутила над Чжу Хунцзюнем, мол, совсем тратиться не хочет, а жениться хочет. Потом торопиться придётся с такими темпами. Чжу Хунцзюнь расхохотался и заявил, что никуда не торопится, а девушки за ним в очередь выстраиваются, вот он одну из них и выберет.

Цзинь Гоин рассмеялась:

– Совсем обнаглел! Чжу Хунцзюнь, ты железнодорожник, какая местная девушка за тебя пойдет? Только те, кто в нашей профессии.

Чжу Хунцзюнь попросил Цзинь Гоин не говорить такого, а сам заявил, что не хочет жениться на девушке из «Китайских железных дорог». Оба они будут бегать по стройкам и не смогут в будущем позаботиться о семье. Ван Жоюнь бросила на него взгляд:

– А мы, железнодорожники, не можем семьей обзавестись? Хочешь найти – так никого не найдёшь.

Чжу Хунцзюнь продолжал шутить, говоря, что если он и будет искать, то такую, как Ань Сюэжун. Ань Сюэжун, услышав, что болтовня и до нее добралась, смущённо повернулась и заявила, что побьет его: ясно же, что он девушку не найдёт, а ещё бахвалиться смеет. Посрамленный, Чжу Хунцзюнь посерьезнел и сказал: «Хотите верьте, хотите – нет, а девушку я найду и вам покажу». Цзинь Гоин решила, что настал удобный момент закончить этот спор, и сказала:

– Идёт, до того, как мы достроим эту линию, ты найдёшь девушку и нас троих с ней познакомишь.

Чжу Хунцзюнь не осмелился упорствовать и сказал, что он беспокоится, ведь Ань Сюэжун может расстаться с тем парнем по фамилии Дэн. Ань Сюэжун надулась и со злости сказала, что, даже если и расстанется с Дэн Лицяном, с Чжу Хунцзюнем встречаться она бы не стала.

– Почему он меня бросит? Почему я должна с ним расставаться? – спрашивала Ань Сюэжун. – Хочешь готовенькое получить?

Ван Жоюнь и Цзинь Гоин – одна на заднем сидении, вторая на переднем – расхохотались. Чжу Хунцзюнь совсем сконфуженно сказал:

– Если вы и правда расстанетесь, приходи ко мне. Мы ведь оба в нужде.

Цзинь Гоин сказала:

– Чжу Хунцзюнь, ты в нужде, а Сюэжун не в нужде, так что лучше от этой идеи откажись.

Чжу Хунцзюнь рассмеялся и сказал, у него этой идеи и не было, но он похвалиться может, а Ань Сюэжун – нет. Он мужчина, чего ему бояться.

Всю дорогу три женщины и мужчина так забавлялись друг над другом. Когда они почти приехали в город, Цзинь Гоин напомнила им, что высокоскоростная железная дорога со скоростью 350 километров в час – это не шутки, техническая сторона дела не терпит пренебрежения, нельзя выполнять ее кое-как. За безопасность и технологии каждый руководитель несёт ответственность всю жизнь: у кого обнаружатся проблемы, тот и будет отвечать. Своя жизнь и судьба компании лежат на плечах каждого.

Когда они приехали в компанию «Север—Юг», в комнате для совещаний их уже ждали Ван Чжунли, генеральный проектировщик Лу из проектного института и несколько штатных сотрудников. Цзинь Гоин распорядилась, чтобы Чжу Хунцзюнь вручил Ван Чжунли и генеральному проектировщику Лу толстую кипу документов плана организации строительства. Ван Чжунли пролистал план и сказал, что уже в общих чертах ознакомился с электронной версией, которую они ему отправили, – составлен неплохо, только надо подкорректировать индивидуальные графики строительства на отдельных узлах. Цзинь Гоин сказала, что в целом некоторые площадки не соответствуют проектному плану, нужно заранее внести в него изменения, и тактично попросила Ван Чжунли и генерального проектировщика Лу этим озаботиться.

Ань Сюэжун и Чжу Хунцзюнь, сидя бок о бок, заявили, что для строительства площадки не хватает бюджета, предложенного на конкурсе, недостаёт примерно десяти с лишним миллионов юаней. Они попросили Ван Чжунли подумать, как решить эту проблему. Ван Чжунли поднял глаза и спросил Ань Сюэжун:

– Вы главный инженер стройплощадки второго отдела Ань Сюэжун?

Ань Сюэжун удивлённо поглядела на Ван Чжунли и сказала:

– Да, директор Ван, вы меня знаете?

Ван Чжунли загадочно улыбнулся:

– Знаю, знаю о ваших делах.

Но, когда она заговорила о недостаточных средствах на строительство площадки, он уклонился от темы и сказал, что нужно поглядеть, откуда выделяются деньги.

– Разве генеральный проектировщик Лу не может одним словом вопрос с площадкой решить? Мы монтируем конструкции моста и сами по себе на этом деньги не зарабатываем, убытки можем не потянуть, – Ань Сюэжун говорила несколько кокетливым тоном. – Я ведь к вам не каждый день прихожу за помощью.

Генеральному проектировщику Лу, тем не менее, пришёлся по душе характер Ань Сюэжун, он похвалил ее за силу и энергичность, которую у девушек редко встретишь.

– Изначально в приоритете был тоннель Цзинъян, сейчас ничего не изменилось, но, когда мы за дело возьмёмся, ещё изменится и сильно на строительство повлияет, – сказала Ван Жоюнь. – Площадка для складирования отвального шлака и категории вмещающих пород могут измениться, и в этом вам нужно пораньше нам оказать помощь, иначе кого винить за то, что мы с темпами не справляемся?

Ван Чжунли, скосив глаза, поглядел на Ван Жоюнь и прямо заявил, что она ещё одна настоящая женщина-полководец. Такие не сдаются, цели не достигнув, до конца надежды теряют. Цзинь Гоин спросила:

– А как иначе? Все мы под давлением, а я – под самым сильным. Я координатор в том, что касается техники и различных изменений. Если вы и генеральный проектировщик Лу не выполните вашу работу, наш начальник Те никого не пощадит – ни мужчину, ни женщину! Как же нам тогда быть, увольняться, что ли?

Чжу Хунцзюнь вставил свое слово:

– Поэтому все хотят становиться управляющими на проекте, но никак не главными инженерами. Вы нас не поддержите – так нашим инженерам ничего не останется, только оставлять работу, а их место всякий сможет занять.

Чжу Хунцзюнь изначально говорил эту фразу без всяких намерений, но Ван Чжунли она резанула слух. Он закрыл план организации строительства и уставился на Чжу Хунцзюня, затем с некоторым раздражением сказал:

– Э, не надо мне этого говорить, кто у вас там что делает – это ваша забота. У нас в компании вообще не смотрят, кто вы такие, только смотрят, как вы работаете. Не говорите, что, раз вы под изменение подладиться не можете и ваши инженеры работу бросают, вся ответственность на плечи проектной организации ложится.

Ван Чжунли одной фразой заставил Чжу Хунцзюня покраснеть до ушей, и тот бросился объяснять, что не это имел в виду. А Ван Чжунли задал встречный вопрос: что же Чжу Хунцзюнь имел в виду? Цзинь Гоин, видя, что происходит, поспешила разрядить обстановку и сказала:

– Директор Ван, не держите обиды, он говорить не умеет. Нам, главным инженерам, нужно опираться на вашу, заказчика и проектной организации, поддержку. Чем интенсивнее ваша поддержка, тем лучше мы работаем. А если поддержки с вашей стороны мало, то и работа требует от нас больших усилий.

Только после этого продолжил Ван Чжунли просматривать план организации строительства, сказав, что Цзинь Гоин права, поддержку им оказывать нужно – и всеми силами. Строительные работы, проектный институт и заказчик связаны одной верёвкой, никому не деться от наказания, если работа будет выполнена плохо, а первым порицание получит он, главный инженер. Генеральный проектировщик Лу снял очки, протер стёкла и с горечью сказал:

– Вы считаете, генеральным проектировщиком быть легко? На мне техническое проектирование всей линии – давление такое, что не разогнёшься!

В полдень Цзинь Гоин настояла на том, что приглашает всех пообедать. Так она хотела уважить Ван Чжунли и генерального проектировщика Лу. Ван Чжунли сказал, что и сам её уважит, не будет кушать с другими бюро, а вот со строительным бюро «Китайских железных дорог» непременно отобедает. Кто же им такими быть велел, женщинами-воинами? Ох, эти женщины, совершенно исключительные!

В ресторане гостиницы «Хаятт» Цзинь Гоин заказала отдельную комнату под номером 888. Когда закончилось заседание, перед тем, как выехать на обед, Ван Чжунли подозвал Цзинь Гоин. Вдвоём они прошли по коридору, и Ван Чжунли напрямую сказал, что кое о чём переживает. Цзинь Гоин не совсем поняла его и спросила, о чем же он волнуется. Ван Чжунли задал ей встречный вопрос: начальник участка Те правда ли суров, непреклонен до причудливости? Цзинь Гоин пришла в ещё большее недоумение.

– Лао Сяо мне доложил, что у него были две бригады, которые хотели на вашем тоннеле работать, так Те Цзянь их начисто вычеркнул из списка конкурсных бригад, – сказал Ван Чжунли. – А ещё он сказал, что распределить их сможет только в том случае, если его предупредит председатель Чжан, а о бригадах, которые другие руководители порекомендовали, и думать нечего.

Цзинь Гоин предупредила Ван Чжунли, что Сяо Иху слушать не надо, а затем выложила начистоту: Сяо Иху сказал, что те две бригады рекомендовал Ван Чжунли. Услышав это, Ван Чжунли остановился и раздражённо сказал, что Сяо Иху вздор городит.

– Посудите сами: я что, человек, который кого-то рекомендовать любит? Сейчас никаких подозрений не избежишь, они мне не родственники и не друзья – с чего мне эти неприятности искать? Но, с другой стороны, даже если бы это и были собственные бригады Лао Сяо, можно же их рассмотреть при равных условиях! Как можно никому уважения не оказывать?

Цзинь Гоин шла, погрузившись в раздумья. Она сказала, что передаст Те Цзяню слова Ван Чжунли. Ван Чжунли же отмахнулся и сказал:

– Ладно уж, не надо говорить о таком Лао Те. Э, главный инженер Цзинь, а ваш бывший муж – это же Го Фухай?

Цзинь Гоин разом остолбенела:

– Директор Ван, а вы почему тоже со мной о нем заговорили?

Ван Чжунли с легкой улыбкой сказал: ²²

– Директор Го – человек неплохой, он хочет поучаствовать в конкурсе на поставку оборудования на этой линии, ко мне приходил один руководитель, и я его ему порекомендовал. Этого мне от вас скрывать не нужно.

Цзинь Гоин твёрдо сказала:

– Мы давно развелись, он – это он, я – это я. Мне неинтересны его дела, слушать о них тем более не хочу. Впредь лучше со мной о нем не говорите.

Эти слова привели Ван Чжунли в замешательство, и он в недоумении, склонив голову, поглядел на Цзинь Гоин.

– Ваши с ним отношения в таком тупике? Только что я лишь потому перед всеми такое внимание уделил этой вашей Ань Сюэжун, что она будущая невестка моего старого товарища. Её жених тоже сейчас здесь, в полдень он ещё хотел с нами пообедать.

Цзинь Гоин, Ван Жоюнь, Чжу Хунцзюнь, Ань Сюэжун вышли из здания компании «Север—Юг» и отправились в ресторан. Ань Сюэжун подтолкнула Чжу Хунцзюня, недовольная тем, что он говорить не умеет. Если бы Цзинь Гоин не вызвалась потушить пламя, кто знает, чем бы все закончилось. Ван Жоюнь тоже пожаловалась, что Чжу Хунцзюнь только и понимает, что технику, ботаник какой-то. Чжу Хунцзюнь стал оправдываться: он только хотел уколоть Ван Чжунли.

– Ещё хотел его уколоть? Каких Ван Чжунли строительных организаций не встречал, с какими людьми не общался? – сказала Цзинь Гоин. – Вот только с тобой, умником! Лучше у Сюэжун и Жоюнь поучись.

Чжу Хунцзюнь надулся, но с Цзинь Гоин спорить не решился, лишь сказал, что Ван Чжунли – тот ещё кобель, раз согласился пойти с ними пообедать, увидев, что все тут – женщины. Ань Сюэжун потянула его на себя и спросила:

– Эй, что не так с женщинами? У нас перед вами, мужчинами, преимущество, разврат – его дело, а наше – наоборот, кто хочет нами попользоваться, пусть знает: не так-то это просто.

Ван Жоюнь, соглашаясь с ней, тоже стала ругать Чжу Хунцзюня: пусть он за словами следит. Предостерегающим тоном она сказала:

– Ван Чжунли с нами поестъ пойдет – так что, он уже развратник? Вот вздор говоришь, разве он нам не помочь хотел? Плохо о нем говоришь и о нас. Работа – это работа, где уж тут взяться разврату какому-то?

Цзинь Гоин и Ван Жоюнь вошли в отдельную комнату ресторана, заказали блюда. Рядом с ними Чжу Хунцзюнь разливал по чашкам воду. Ань Сюэжун же побежала в холл ожидать Дэн Лицяна. Очевидно, Ван Чжунли оповестил Дэн Лицяна, что обедать они будут вместе.

Дэн Лицян, увидев Ань Сюэжун, поспешил к ней, чтобы о ней позаботиться, сказал, что очень скучает, но увидеться с ней было так сложно, а еще спросил, как ей живётся на стройке. Ань Сюэжун, глядя на него, сказала, что на стройке очень хорошо, Цзинь Гоин, Ван Жоюнь и Цзы Ци – все женщины, работать с ними весело.

Дэн Лицян отпустил руки Ань Сюэжун и расстроено сказал:

– Эх, к такой жизни я не привык, если после нашей свадьбы мы так же будем жить порознь...

²² У китайцев восьмерка – счастливое число. (прим.перевод.)

Дэн Лицян не договорил, и Ань Сюэжун поняла, что ему на сердце что-то давит. Не успела она открыть рот, как Дэн Лицян и впрямь спросил, не может ли она покинуть «Китайские железные дороги».

– В университете я на этой специальности училась. Уйти могу, но идти куда? – она деликатно отклонила его требование. Дэн Лицян ничего на это не ответил, сказал ей, что вечером у него поезд и он надеется, что Ань Сюэжун до вечера с ним побудет. Ань Сюэжун сказала, что не может: они сейчас делают план организации строительства, после обеда ей нужно будет вернуться вместе с Цзинь Гоин на стройку.

Чжу Хунцзюнь вышел из комнаты, чтобы встретить Ван Чжунли и генерального проектировщика Лу, и заметил, как Ань Сюэжун разговаривает с Дэн Лицяном в холле. Он не знал, что этот белолицый красавчик – молодой человек Ань Сюэжун. Поэтому он окликнул Ань Сюэжун, при этом враждебно поглядывая на Дэн Лицяна. Ань Сюэжун обратила внимание на эту странную реакцию Чжу Хунцзюня и, взяв Дэн Лицяна за руку, представила их друг другу. Дэн Лицян тоже глядел на Чжу Хунцзюня с настороженностью, неохотно протянул руку Чжу Хунцзюню. Тому оставалось только неловко сказать, что ему нужно встретить Ван Чжунли, и с этими словами развернуться и уйти.

Ещё более неловкая ситуация произошла за столом. Ван Чжунли сидел в центре круглого стола, справа от него – генеральный проектировщик Лу, Ван Жоюнь, Чжу Хунцзюнь, а слева – Цзинь Гоин, Дэн Лицян и Ань Сюэжун. Как раз Ань Сюэжун оказалась между Дэн Лицяном и Чжу Хунцзюнем. Ван Чжунли сначала представил всем Дэн Лицяна, а потом попросил Ань Сюэжун представить Цзинь Гоин и прочих собравшихся за столом людей. После того как все поприветствовали Дэн Лицяна, Ван Жоюнь в шутку сказала, что Дэн Лицяну и Ань Сюэжун нужно побольше пить, а также первой подняла в их честь стакан.

– Хоть я вас и не переpleю, но хочу выпить первой, чтобы показать, какие у нас девушки замечательные, – сказала Ван Жоюнь. – Главный инженер Цзинь, выпьем до дна! – и с этими словами она залпом опустошила стакан. Видя, с каким неистовством она пьёт, генеральный проектировщик Лу аж вскрикнул несколько раз, сказав, что теперь ни за что не решится выпить.

Дэн Лицяну необъяснимым образом казалось, что что-то есть между Чжу Хунцзюнем и Ань Сюэжун, и на сердце у него было тяжело. Вот уже почти полтора часа они сидели за обеденным столом, а он больше часа размышлял о Чжу Хунцзюне. Когда обед близился к концу, Дэн Лицян вдруг поднял большой графин с водкой, повернулся в сторону Чжу Хунцзюня и предложил выпить его вдвоём. Чжу Хунцзюнь не отступился, поднял полный графин, пристально поглядел на Дэн Лицяна и сказал:

– Сюэжун, погляди, я выпью эту водку залпом! – и разом опустошил графин. После этого изо рта у него вылилась водка, он пошатнулся дважды и упал на стол.

Ван Жоюнь и Ань Сюэжун дотащили Чжу Хунцзюня до машины. Цзинь Гоин, выйдя из гостиницы, остановилась в дверях и простилась с Ван Чжунли, генеральным проектировщиком Лу и Дэн Лицяном. Дэн Лицян попросил Ань Сюэжун остаться, но Ань Сюэжун с укором ему сказала:

– Смотри, как ты его упоил, а если с ним что случится, как быть?

– Хе-хе, как ты за него переживаешь!

Ань Сюэжун, услышав его ревнивые речи, дальнейших объяснений давать не стала. Она решила, что Дэн Лицян устроил за столом соревнование с Чжу Хунцзюнем нарочно, чтобы ее смутить, вот только перед столькими руководителями она не осмелилась ничего ему советовать и сдержала свой гнев. Поэтому она лишь легонько пожала Дэн Лицяну руку и забралась в машину следом за Цзинь Гоин и Ван Жоюнь. Машина уехала. В ту минуту на сердце Дэн Лицяна, смотревшего вслед удалявшейся машины, легла невыносимая тоска. Вскоре после того, как внедорожник выехал из города, Чжу Хунцзюнь, зажатый на заднем сидении между

Ван Жоюнь и Ань Сюэжун, склонив голову, начал хрипеть. Вдруг все его тело сотряслось, он вытянул шею, и его вырвало. Ещё не переваренные алкоголь и еда выплеснулись из его желудка прямо на переднее сидение, где сидела Цзинь Гоин. Дурной запах перегара ударил в нос троим женщинам, и они в один голос завопили:

– Эй, Чжу Хунцзюнь, ты чего в машине блюешь-то?

Чжу Хунцзюнь совершенно не понимал, когда и куда его вырвало, сколько времени он пробыл без сознания. Хотя шофёр и остановил машину на полпути, чтобы очистить салон от рвоты, но запах никуда не делся, а Чжу Хунцзюнь немного пришёл в себя только тогда, когда они вернулись в проектный отдел.

Этот обед волнительным стал и для Лань Хуадо. Она, взяв с собой Наньнаня, отправилась обедать в столовую вместе с Те Цзянем, Дан Хунци и другими работниками управления участком. Не съев и половины обеда, Наньнань швырнул свою ложку в миску и принялся бесконечно спрашивать, почему мама до сих пор не вернулась. Как бы ни утешали его Те Цзянь и Дан Хунци, это не помогало. Лань Хуадо очень терпеливо принялась кормить Наньнаня, держа в одной руке миску, а в другой – ложку. «Мама поехала по делам», – сказала Лань Хуадо и попросила Наньнаня быть послушным мальчиком и покушать. Но Наньнань оттолкнул ложку, которую она держала в руке, и крикнул, что кушать он не хочет. Те Цзянь обнял Наньнаня и спросил, почему тот не хочет кушать. Мальчик ответил, что кушать будет, когда мама вернётся, а сам опустил голову и заплакал.

Наньнань поднялся со стула и выбежал из столовой во двор. Лань Хуадо оставалось только устремиться за ним, ворча, что, когда Цзинь Гоин куда-то уезжает, никому с Наньнанем не справиться, нужно найти ему детский сад, чтобы он туда ходил. Цзинь Гоин на полпути ответила на звонок Лань Хуадо, которая сказала, что Наньнань не хочет ни кушать, ни спать, и Цзинь Гоин вдруг засуетилась, попросила Лань Хуадо дать трубку Наньнаню. Наньнань взял трубку и, услышав голос Цзинь Гоин, тут же принялся всхлипывать, спрашивать, где она, когда вернётся. Цзинь Гоин настоятельно спросила, почему он не кушал в обед, почему не пошёл спать.

– Я по тебе скучаю, – просто ответил Наньнань.

Когда Цзинь Гоин услышала эти четыре слова, на ее глазах разом выступили слезы.

– Главный инженер Цзинь, Наньнань без вас не может, – сказала Ван Жоюнь.

Цзинь Гоин грустила, сидя на переднем сидении.

– Мой сын уже в годик катался со мной по горам, он даже в садик не ходил. Если в общем посмотреть, то он похож на ребёнка без матери и отца.

Эти её переживания, эту её беспомощность сложно ощутить другой женщине. Зимой темнеет рано, в пять с чем-то на западе уже не было видно даже тоненькой полоски света, лишь уличные фонари источали свет во мраке. На некоторых участках дороги растаявший днем снег снова замёрз, стал льдом, и шофёр не решался ехать слишком быстро. Цзинь Гоин, сидя на первом сидении, вдруг необъяснимым образом вспомнила одного человека.

Вечером дул ледяной ветер, вертел в воздухе снежинки. Ши Цзинтянь за рулем добрался до управления участком, чтобы представить Те Цзяню отчёт о работе. Когда он въехал во двор, он как раз встретил Лань Хуадо, лепившую вместе с Наньнанем снеговика возле клумбы. Ши Цзинтянь закрыл машину, прошёл по освещенному фонарями двору, спросил у Лань Хуадо, почему они в такой холод играют на улице. Лань Хуадо сказала, что Наньнань хочет дожидаться Цзинь Гоин. Ши Цзинтянь ничего не сказал, лишь присел на корточки и вылепил снеговика нос, рот, уши и глаза. Наньнань, сидя рядом с ним на корточках, в упор поглядел на него и вдруг со смехом указал на Ши Цзинтяня и сказал, что снеговик на него похож. Ши Цзинтянь расхохотался и сказал, что не такой уж он и уродливый. Лань Хуадо, подтрунивая над ним, сказала, и правда уродливый. Наньнань же, повернувшись, стал твердить, что не уродливый. Он был таким забавным, что Ши Цзинтяню стало весело.

Позади сверкнули фары, и Лань Хуадо поняла, что вернулась Цзинь Гоин. В свете фонаря Цзинь Гоин увидела из окна машины, что Ши Цзинтянь греет Наньнаню ручки. Она выпрыгнула из машины, подбежала к Наньнаню и крикнула:

– Сынок, мама вернулась! – а на Ши Цзинтяня вообще не обратила внимания.

Ши Цзинтянь понял, что Цзинь Гоин всё ещё на него сердится. Наньнань вытащил свои ручки из ладоней Ши Цзинтяня и обнял Цзинь Гоин.

– Скучал по маме? – спросила Цзинь Гоин.

– Скучал, – со слезами ответил Наньнань.

Цзинь Гоин с щемящим сердцем присела на корточки, крепко обнимая Наньнаня, и долго не размыкала объятий. Лань Хуадо и Ши Цзинтянь, замерев, не двигались с места и не знали, что же сказать. Наньнань рассказал Цзинь Гоин:

– Тетя Лань лепила со мной снеговика, дядя Ши сделал снеговика нос, глаза, рот и уши, а ещё руки мне грел!

Цзинь Гоин никакой благодарности за это Ши Цзинтяню не выразила. Крепко сжимая ручонки Наньнаня и глядя на Ши Цзинтяня, она спросила, зачем тот пришёл. В тот момент, когда Ши Цзинтянь в тусклом свете фонаря встретил взгляд Цзинь Гоин, ему стало несколько не по себе. Он лишь сказал, что пришёл с отчетом к Те Цзяню и немного поиграл с Наньнанем. Цзинь Гоин пристально на него взглянула, но ничего не сказала.

В конце концов Ши Цзинтянь впервые попал в кабинет Цзинь Гоин – его впервые позвал туда Наньнань. Сначала Цзинь Гоин хотела отвести Наньнаня наверх, но Наньнань ухватился за Ши Цзинтяня и не соглашался никуда идти без него. Цзинь Гоин не выстояла перед его напором, так и пришлось им с Ши Цзинтянем подняться наверх – сжимая в руке ручонку Наньнаня.

Ши Цзинтянь уселся на диван и тут же стал играть с Наньнанем, не решаясь заговорить с Цзинь Гоин. Цзинь Гоин села за компьютер и стала рассматривать чертежи, ни разу даже не поглядев на Ши Цзинтяня. Ши Цзинтянь отлично понимал, что она, наверняка, думает, как им выпутаться из затруднительного положения. Цзинь Гоин и впрямь притворилась, что не обращает внимания на Ши Цзинтяня, а сердце у нее неистово колотилось. Разве ты не презираешь главных инженеров – женщин? Ну посмотрим, как ты из кабинета выберешься. Ши Цзинтянь догадался, о чем ее мысли. Он поднял глаза, исподтишка поглядел на нее, а потом поднялся и сказал Наньнаню, что у него дела и надо идти, попросил его самому поиграть, но Наньнань снова крепко за него ухватился.

Видя, что сам Наньнань не даёт Ши Цзинтяню уйти, Цзинь Гоин поднялась из-за стола и подошла к дивану, пристально глядя на Ши Цзинтяня. Она саркастически сказала:

– Женщины с вами, мужчинами, не сравнятся, так что впредь поменьше ко мне заявляйся.

Ши Цзинтянь очень смутился и вдруг почувствовал, что виноват перед Цзинь Гоин, многократно перед ней извинился. Цзинь Гоин усмехнулась:

– Знаю, сегодня от кого-то так сложно добиться извинений!

Ши Цзинтянь немного расслабился и слезно попросил Цзинь Гоин больше над ним не насмехаться. Цзинь Гоин же серьезно сказала, что, если он и дальше будет презирать женщин, в её кабинет он может не приходить. Ши Цзинтянь её слова запомнил. Хотя ему женщина и преподала урок, но эта женщина производила на него глубокое впечатление, неумолимо притягивала его к себе.

Утром следующего дня Те Цзянь и Дан Хунци уселись во внедорожник и направились на стройплощадку для изготовления и монтажа конструкций моста. Они свернули с шоссе и въехали на дорогу, ведущую к площадке. Дорожное покрытие ещё не было готово, вся дорога желтела сырой землей, по ней лишь несколько раз прокатился, выравнивая ее, каток. По обеим сторонам дороги тянулись длинные тонкие нити, предвещающая, что скоро здесь зальют бетон.

Новый год был уже на носу, а строительный процесс на площадке оставлял желать лучшего, из-за чего Те Цзянь страшно волновался. Он знал, что занять землю под площадку оказалось так непросто, что Кун Цинжун и Юань Тинфэн языки стерли, пока председателя Цяня убеждали, в конце концов даже машину ему купили, а страдает от бедности при этом простой народ. Размышляя о причинах, почему земля под площадку перешла в их руки так поздно, Те Цзянь сделал вывод: потому что Дан Хунци заранее не нанёс визит этому председателю по фамилии Цянь.

Дан Хунци сказал, что он уже ходил к Цяню вместе с Кун Цинжуном и Юань Тинфэн, и тот на все согласился. Те Цзянь хмыкнул и сказал, что с глазу на глаз Цянь согласился, а за спиной принялся всякие препоны чинить. Есть в деревнях и хорошие мелкие чиновники, но немало таких негодяев, как этот Цянь. Им все равно, работаете вы над государственным или негосударственным проектом, им самим лишь бы пожить и кусок урвать. Дан Хунци вздохнул и сказал, что мух надо продолжать бить.

Те Цзянь и Дан Хунци остановили машину, вышли из неё и, подняв воротники, направились на стройплощадку. На снегу вовсю работали бульдозеры и экскаваторы. Кун Цинжун и Юань Тинфэн, в ватных куртках, стояли на холодном ветру и распоряжались работой машин. Племянник председателя Цяня стоял за спиной Кун Цинжуна и вопрошал: на площадке обещали его дяде, что работу будет выполнять он, почему же работают другие бригады? Кун Цинжун, обернувшись, поглядел на него, но на его слова внимания не обратил, лишь двинулся вперед. Племянник председателя Цяня повернул голову и устремился теперь за Юань Тинфэн.

Юань Тинфэн нетерпеливо вскинула руки и сказала:

– Уходи, уходи, эта работа тебе не подходит, возвращайся домой и жди, потом мы тебя оповестим, – от одной этой её фразы племянник Цяня аж запнулся и замолчал.

Те Цзянь и Дан Хунци подошли к ним и спросили, зачем пришёл племянник председателя Цяня. Этот мальчишка упорно твердил: договорились же, что работу на площадке делает он, почему же сейчас на попятную пошли? Те Цзянь ударил племянника Цяня по плечу и сказал:

– Молодой человек, с работой на площадке ты не справишься, возвращайся и скажи своему дяде, что я приглашаю его выпить, не надо тут болтаться больше.

На самом деле на площадке уже большей частью были завершены работы по срезке грунта, появился фундамент, который только-только начали раскапывать. Несколько бульдозеров с грохотом проехали мимо, проталкивая вперед снег и желтую почву, белый снег перед щитами бульдозеров исчезал под слоем желтой земли, который становился тем толще, чем дальше катились бульдозеры. Наконец получившуюся кучу забирали в железные ковши навалочные машины, вздымали в воздух и пересыпали в кузов самосвала. Те Цзянь, стоя на заснеженной земле, чувствовал радость, что зимой²³ им удалось начать строительство площадки. Это уже неплохо. Он сказал Кун Цинжуну и Юань Тинфэн, что деньги на машину для Цяня потрачены – а вот к работе его племянника допустить нельзя. Кун Цинжун тревожился, что, если не дать его племяннику немного работы, потом будут еще какие-нибудь проблемы.

– Чего ты боишься-то, выход всегда найдётся, – сказал Те Цзянь. – Цянь знает, откуда машина взялась, улика у нас в руках, не бойся, что он козни строить будет.

Те Цзянь мог управиться с работниками и бригадами на стройке, но вот за Сяо Иху уследить не мог. Те Цзянь весь день проездил по стройке, а вечером, еле волоча ноги от усталости, вернулся в столовую управления участком на ужин. В столовой людей было много, но Сяо Иху он не нашёл, хотел было позвонить ему, но отказался от этой мысли. На человека, который кичится своим возрастом и положением и считает себя всегда правым, никакие слова посторонних людей воздействовать не будут. Когда два старых товарища служили в армии, они не

²³ «Бить мух» – таким выражением в Китае называют борьбу с мелкими коррупционерами. (прим.перевод.)

видели меж друг другом различий и все делили между собой, потому полностью друг другу доверяли. Теперь в характере Сяо Иху произошли изменения, даже отрицательные перемены: он был расстроен, что у него нет контроля над этим проектом, нет права голоса. Те Цзянь подумал: «Хочет он покушать где-то в другом месте – пусть кушает. В конце концов, Сунь Укун²⁷ из ладоней Будды никуда не убежит».

Сяо Иху не поехал в другие отделы, а тайком пробрался в кабачок в посёлке, где беспутствовал теперь вместе с Цяо Санем. Цяо Сань нащупал его слабую сторону – любовь к спиртному, вот и приготовил две бутылки водки маотай. Стоило ему налить Сяо Иху, как тот поднял стакан и разом его опустошил.

Зачастую в таких обстоятельствах, когда два человека вместе пьют, есть у них определенное пересечение интересов: либо какая-то цель, либо они хотят воспользоваться друг другом. Цяо Сань, человек хитрый и жестокий, пригласил Сяо Иху выпить, естественно, не без причины. Называя Сяо Иху «братом Сяо», он размягчил Сяо Иху, и тому казалось, будто они уже выпили вместе клятвенное вино и побратались, поклялись жизнью быть братьями. После третьего стакана Цяо Сань сказал:

– Этот твой старый боевой товарищ не разрешает мне пока работать, могу попасть снова на площадку, если выиграю конкурс». Если я не выиграю²⁴ конкурс, так значит, я не смогу поработать на этом отрезке железнодорожного полотна?

Сяо Иху пообещал, что все сделает, чтобы Цяо Сань выиграл конкурс, но гарантировать это не осмелился. Цяо Сань, видя, что тот все понимает, сказал:

– Хорошо, брат Сяо, я понял, получится или нет – я все равно тебе благодарен.

Сяо Иху вскинул в воздух стакан с водкой и сказал, что это все его не волнует, важно то, что работы много. Даже если не получится с работой на железнодорожном полотне, страшного тут мало, потом можно найти другую возможность поработать!

Они пили почти до десяти часов, и только после этого Сяо Иху вернулся в управление участком. Долго забирался он на третий этаж. Поднимался на один этаж – и отдыхал. По всему зданию разносился запах перегара. Поднявшись наверх, он не пошёл сразу спать, а, пошатываясь, держась за стены, направился в кабинет Те Цзяня, с шумом распахнул дверь. Те Цзянь, взяв ручку, опираясь грудью на стол, изучал план организации строительства. Появление Сяо Иху напугало его. Сяо Иху вошёл в кабинет и плюхнулся на диван.

Те Цзянь, скосив взгляд, поглядел на него и спросил, где он пил, Сяо Иху, размахивая руками, ответил, что в небольшой лавчонке на улице, и ещё заявил, что выпил совсем немного. Те Цзянь раздраженно склонил голову и продолжил изучать план организации строительства, спросив, кто сегодня вечером переманил к себе и растревлял Сяо Иху. Тогда, прикрываясь директором Чжао, Сяо Иху напрямую заговорил о Цяо Сане и сказал, пусть Цяо Сань поработает немного, пусть он ещё и в конкурсе поучаствует, иначе не получится ничего объяснить директору Чжао. Те Цзянь, видя, что он оправдывает Цяо Саня, отбросил ручку, поднялся и заявил, что сразу догадался: этот Цяо Сань умаслил Сяо Иху, напоив его. Если это продолжится, возникнет большая опасность. Сяо Иху незачем что-то объяснять директору Чжао, через некоторое время Те Цзянь сам все тому объяснит. Сяо Иху тоже поднялся, но ноги его не держали, и он пошатывался. Он сказал, что бы там они ни решили, пусть избавят его, Сяо Иху, от затруднений. Те Цзянь с некоторым раздражением недоуменно сказал, что для решения этого вопроса есть он и Лао Дан, какие тут могут быть затруднения у Сяо Иху. Сяо Иху не выдержал и, не договорив, рыгнул, пошатываясь, вернулся в общежитие спать. Те Цзянь, глядя на его удаляющийся силуэт, беспрерывно качал головой.

²⁴ Герой китайского романа «Путешествие на Запад», царь обезьян, здесь обыгрывается один из сюжетов романа. (при-м.перевод.)

Той ночью беспокойно было и на площадке второго отдела. В небольшой котельной в углу главного дома крестьянского двора в печи лежало несколько угольных брикетов, полыхали алые языки пламени, что подавало по трубам в дом горячую воду, и в доме появлялось приятное чувство уюта. Цзы Ци и Юань Тинфэн, Ань Сюэжун разговаривали в парадной комнате, Кун Цинжун с тазиком, полным одежды, вышел из комнаты. Цзы Ци, увидев Кун Цинжуна, проворно шагнула вперед и забрала у него тазик, настаивая, что поможет ему постирать одежду. Кун Цинжун скромно отказался, но его беззаботно остановила Юань Тинфэн, сказав, что эту работу обычно выполняют женщины, так пусть Цзы Ци ему поможет. Кун Цинжун понимал: Те Цзянь – двоюродный дядя Цзы Ци, и он не хотел, чтобы Те Цзянь посчитал, будто Цзы Ци в отделе обижают.

Цзы Ци, с тазиком в руках, в свете фонаря, освещающего дверной косяк, открыла кран, и оттуда потекла горячая вода, от тазаика тут же пошёл пар. Будучи заведующей центральной лаборатории стройплощадки своего отдела, она испытывала особые чувства к Кун Цинжуну, считая его способным строителем высокоскоростных железных дорог, настоящим мужчиной, с мужской необузданностью и манерой держаться, но сказать об этом ей было неловко, потому она могла лишь демонстрировать ему женскую внимательность и заботу. В глубине души, зная, что Кун Цинжун – главный руководитель площадки, Цзы Ци хотела привлечь его внимание, надеясь, что к нему будет приближаться меньше женщин.

Цзы Ци, набрав горячей воды, вернулась в комнату, засучив рукава, стала со всей старательностью стирать рубашки и подштанники. Вода в тазике тут же стала грязно-коричневого цвета, но Цзы Ци вовсе не выказывала отвращения, продолжая изо всех сил тереть одежду. Юань Тинфэн, глядя на ее старания, в целом определила, какие чувства она испытывает к Кун Цинжуну.

В это время Ань Сюэжун Цзы Ци не интересовала. Ань Сюэжун отвечала на звонок Дэн Лицяна. Завернувшись в пуховик, Ань Сюэжун вышла во двор, боясь, как бы ее не услышали Юань Тинфэн и Цзы Ци, надеясь сохранить свое личное пространство. Дэн Лицян сказал, что так коротко с ней увиделся и на душе у него тяжело. Ань Сюэжун лишь оставалось настоятельно ему растолковать, что работа на площадке только началась и отпроситься невозможно, пусть он поймёт это. А на китайский Новый год она непременно приедет в отпуск. Дэн Лицян после этого уже не мог злиться. Он сказал, что понять ее не может, но и поделаться ничем не может, нашёл себе такую девушку – и теперь грустит. Пусть лучше Ань Сюэжун его послушает и придумает, как уйти с работы.

На сей раз Ань Сюэжун не отказалась, лишь процитировала, пытаясь его утешить, стихотворение «Сорочий мост»²⁵: «Если прочна любовь, каждый день двоим делить не нужно».

– Я не Пастух, а вот ты Ткачихой стала, – сказал Дэн Лицян и спросил о Чжу Хунцзюне, не скрывая неприязни: тот мальчишка Чжу не упился ли до смерти? Как ни гляди, а на хорошего человека он не похож. Ань Сюэжун, разговаривая с Дэн Лицяном, незаметно для себя самой отворила ворота и вышла со двора. Она увидела стоящую у ограды легковую машину и инстинктивно к ней приблизилась, а сама спросила у Дэн Лицяна, почему он ведёт такие ядовитые речи. Чжу Хунцзюнь много выпил и всю машину заблевал, потому что Дэн Лицян его упоил. Ань Сюэжун посоветовала Дэн Лицяну не хорохориться при виде всякого мужчины и добавила, что на проекте все хороши, а Чжу Хунцзюнь – ведущий специалист по технической части.

Чем дальше говорила Ань Сюэжун, тем больше отвращения испытывал Дэн Лицян. Он сказал, что больше никогда не хочет видеть Чжу Хунцзюня.

²⁵ Стихотворение о Пастухе и Ткачихе, знаменитых китайских влюблённых, которые встречаются только раз в год на мосту из сорок. (прим.перевод.)

– Вот ты чудной, что не так, в конце-то концов, с Чжу Хунцзюнем? Он тебя никуда не вызывал, никакой беды на тебя не навлекал, а ты подлый и только о себе думаешь! – с этими словами она просто-напросто бросила трубку.

Чжу Хунцзюнь, уже давно стоявший за спиной Ань Сюэжун, отлично слышал весь этот разговор, и в глубине его души затеплилась благодарность Ань Сюэжун. Ань Сюэжун совершенно не замечала, что за её спиной кто-то стоит. Договорив с Дэн Лицяном, она обернулась и, увидев перед собой Чжу Хунцзюня, вскрикнула от испуга.

Ань Сюэжун прижала руку к груди:

– Чжу Хунцзюнь, ты меня до смерти напугал! Чего ты тут болтаешься, как привидение?

Чжу Хунцзюнь расхохотался и сказал, что уже давно приехал, но, поскольку у нее телефон все время был занят, ему пришлось долго прождать на улице. Также он сказал, что слышал ее разговор по телефону с Дэн Лицяном.

– Похоже, он не очень-то дружелюбно ко мне настроен?

– Ничего он о тебе не сказал, не думай плохо.

– Если об условиях говорить, никто тут на стройке с твоим парнем не сравнится. Нам стабильности не хватает, но хватает искренности и простоты.

Ань Сюэжун спросила, не затем ли приехал среди ночи Чжу Хунцзюнь, чтобы сообщить ей это. Чжу Хунцзюнь сказал, что хотел с ней увидеться, а затем повернулся и ушёл. Ань Сюэжун окликнула его, надеясь ещё с ним поговорить, но Чжу Хунцзюнь забрался в машину, завёл двигатель и, сверкнув фарами, уехал.

Утром следующего дня, после того, как все остальные работники въехали на стройку, Чжао Хуалян, Чжу Хунцзюнь и Кун Цинжун, Юань Тин-фэн, Ань Сюэжун по отдельности организовали конкурсы на материалы и оборудование в комнатах для заседаний своих отделов. Рабочие бригады и поставщики, явившиеся на конкурсы, держа в руках кипы бумаг, плотным кольцом окружили комнаты для заседаний. В особенности оживлённо было в первом отделе, там Чжао Хуаляну и Чжу Хунцзюню передали свои материалы Цяо Сань, Лао Сы, Го Фухай и некоторым незнакомым бригадам. Неизвестно, когда появился там и Сяо Иху. Стоя вне общего кольца, он первым делом обменялся понимающими взглядами с Цяо Санем и Го Фухаем, а затем заметил, что молодой агент по продажам из компании Дэн Лицяна спешно, в волнении, протиснулся вперед. Чжао Хуалян взял его материалы, просмотрел их и спросил, с какого он предприятия. Тот ответил, что он из торговой компании «Цяншэн», пришёл участвовать в конкурсе на поставку стали, стальных проводов и цемента. Чжу Хунцзюнь сбоку смотрел на материалы в руках Чжао Хуаляна. Он понял, что Дэн Лицяна не приехал, и у него появились некоторые опасения. Сяо Иху приблизился к Чжао Хуаляну и Чжу Хунцзюню, намекнул им, чтобы они приняли юридическую доверенность от Дэн Лицяна и на том посчитали, что его компанией конкурс пройден.

Сяо Иху протолкнулся к Го Фухаю и прошептал ему на ухо, чтобы он подавался на конкурс под другим именем. Го Фухай угадал причину, по которой это нужно сделать, протиснулся вперед и передал материалы. Чжао Хуалян спросил, в каком конкурсе он участвует, и Го Фухай ответил, что в конкурсе на поставку материалов для тоннелей и мостов. Чжао Хуалян, просматривая материалы, колебался, и в это время Сяо Иху снова к нему подошёл и сказал, что нужно гарантировать победу в конкурсе торговой компании «Цяншэн» и этой компании по поставкам оборудования. Чжу Хунцзюнь с сомнением спросил, нужно ли им гарантировать победу, если цена у них высокая. Сяо Иху сказал, сначала даётся предложение цены, а затем ведутся переговоры, а поставщиков этих рекомендовал заказчик.

Чжу Хунцзюнь, в целом, в глубине души имел обо всем ясное представление. Он вышел из комнаты для заседаний и, стоя на балконе, набрал номер

Ань Сюэжун и сказал ей, что компания Дэн Лицяна подаёт заявку на участие в конкурсе на поставку материалов, а Сяо Иху указал, что эта компания должна выиграть. Чжу Хунцзюнь

хочет оказать Ань Сюэжун честь: пусть они сначала назначат цены, а уже затем ведутся переговоры. Он думает позволить этой компании выиграть конкурс. Ань Сюэжун поняла, как старается Чжу Хунцзюнь, заранее его поблагодарила и настойчиво попросила ни в коем случае не нарушать правила. Чжу Хунцзюнь сказал:

– Хотя у тебя уже есть парень, но встреча с тобой для меня – огромная честь. Я хочу, чтобы ты стала моим лучшим другом, надеюсь, что я и для тебя стану как подружка, только мужского пола. Можно?

Ань Сюэжун улыбнулась и ответила, что поняла его.

После того как Ши Цзинтяню передали заявления, он поглядел на регистрационные бланки, взял ручку и на оборотной стороне бланка строительной компании Цяо Саня проставил три вопросительных знака. Стоявший рядом Чжао Хуалян спросил, что это значит, и Ши Цзинтянь ответил коротко:

– Не годится.

Чжао Хуалян загадочно улыбнулся. Естественно, он догадался, что имел в виду Ши Цзинтянь.

Трёхэтажный дом, который пока снимал первый отдел, конечно, не был конечным вариантом их размещения. Целью Те Цзяня и Ши Цзинтяня было до китайского Нового года переехать в новый лагерь на стройплощадке. Хотя земля только перешла во временное пользование отдела, несколько построек из съемных щитов уже было возведено, и из серебристых труб на крышах этих домиков уже струился лёгкий дым. Рабочие продолжали строить жилища из профнастила. Ши Цзинтянь, сопровождая Те Цзяня, прошёл по дороге, ведущей к ним, мимо, с трудом неся щиты для их постройки, прошло несколько рабочих в касках. Ши Цзинтянь и Те Цзянь подошли к домику, расположенному перед стройплощадкой, засунули головы внутрь, чтобы проверить, как идёт строительство. Те Цзянь подсчитал, что потребуется, по меньшей мере, ещё десять дней, прежде чем можно будет туда въехать. Ши Цзинтянь поручился, что в течение десяти дней домики будут заселены. Те Цзянь в итоге дал ему десять дней на то, чтобы до Нового года переехать на стройплощадку и официально начать работать оттуда. Строительные работы только начались, многое ещё не сделано, особенно щекотливым кажется положение с Цяо Санем и его шахтой. Ши Цзинтянь понял, о чем думает Те Цзянь. После подачи заявок на конкурс на подбор рабочих бригад он сделал пометку на задней стороне документов компании Цяо Саня.

– Можно позволить ему принять участие в конкурсе, но выигрывать ему нельзя, мы не должны оставлять ему никаких лазеек.

Те Цзянь договорил, и уголки его рта слегка поднялись. Склонив голову, он долго глядел на Ши Цзинтяня, даже подмигнул ему, отчего Ши Цзинтянь растерялся.

– Э, слышал ты, негодник, извинился перед главным инженером Цзинь?

Услышав это, Ши Цзинтянь наивно улыбнулся, сказав, что до уровня женщин не опускается. Те Цзянь сказал:

– У главного инженера Цзинь волосы длинные, да и уровень у нее высокий. Женщины деликатны, и мужчинам нужно женщин защищать.

– Она тоже очень заносчивая, – отметил Ши Цзинтянь. Те Цзянь сказал, что сам он этого не замечал, а затем заговорил о Хань Цюлю. Верно, когда в молодости Хань Цюлю вышла за него замуж, немало пришлось ей перенести невзгод. Он, бывший военный, с немалым старшинством, никогда не брал на себя смелость поднимать голос на жену. Ради согласия и гармонии Те Цзянь попросил Ши Цзинтяня впредь проявлять к Цзинь Го-ин некоторую уступчивость.

Ши Цзинтянь пообещал Те Цзяню, что будет обращать на это внимание. Те Цзянь, распахнув дверцу, забрался в машину, опустил локоть на дверцу, стекло которой было спущено вниз, и сказал, что этот проект с технической стороны зависит от смелых женщин: Цзинь Гоин,

Ван Жо-юнь – и впредь Ши Цзинтяню следует проявлять мужское благородство. А ещё Те Цзянь сказал, что женщины не любят шума, двумя-тремя фразами можно растопить их сердце. И пусть Ши Цзинтянь помнит: женщины, если быть серьёзным, больше, чем мужчины, придают внимания чувствам, могут даже рискнуть жизнью ради любимого человека, тут все зависит от того, насколько в глазах женщины этот мужчина такого достоин. Ши Цзинтянь слушал очень внимательно, поразмыслив, решил, что эти слова Те Цзяня весьма разумны. В конце концов Те Цзянь прошёл куда более долгий путь, чем он сам, потому Ши Цзинтянь хорошо запомнил его наставления.

Те Цзянь вернулся в управление участком, куда следом за ним приехали Дан Хунци и Чжу Цзылай со стопкой документов и сказали, что скоро начнётся работа по прикладыванию тоннеля, а для поставки взрывчатых веществ требуется, чтобы они, два руководителя, лично сходили в управление общественной безопасности. Дан Хунци сказал, что несколько раз ходил туда с Чжу Цзылаем. Прямая поставка с завода невозможна, нужна специальная поставка специальным транспортом через компанию охраны общественной безопасности в подчинении управления общественной безопасности, чтобы доставить взрывчатые вещества до стройки, за одну тонну нужно заплатить двенадцать с лишним тысяч юаней. Если этим не воспользоваться, то не удастся утвердить планы по двум складам взрывчатых веществ. Чжу Цзылай считал на пальцах: взрывчатые вещества очень строго контролируются, конечно, расходы будут большими, конкурсная цена – более семи тысяч юаней, так за каждую тонну ещё возмещать много придётся – четыре – пять тысяч. Услышав это, Те Цзянь глубоко задумался. С этой штуковиной не обойтись без строгого контроля: Китай такой большой, в нем живет миллиард с лишним человек, если не контролировать или контролировать плохо, могут случиться неприятности.

– Политика сверху идёт, она не на нас одних направлена, она везде одинакова, – сказал Те Цзянь. – Думаю так, Лао Сяо, сходи к ним туда ещё раз, постарайся, чтобы в конкурсе поучаствовал местный химзавод, соответствующий стандартам управления общественной безопасности. Пусть этот химзавод напрямую нам все поставляет.

Чжу Цзылай сказал, что есть второй химзавод, у которого цена за прямую поставку тонны взрывчатых веществ составляет две-три тысячи юаней. Те Цзянь вдруг приободрился, попросил Чжу Цзылая позвать Чжао Хуаляна и вместе с ним поехать на второй химзавод Циньяна.

После того как ушёл Чжу Цзылай, Те Цзянь взял чашку чая, уселся рядом с Дан Хунци на диван. «Некоторые дела, – сказал он, – пусть напрямую решает Дан Хунци, не нужно просить указаний у меня». Дан Хунци же сказал, что Те Цзянь – начальник участка, главное ответственное лицо на проекте, а он, Дан Хунци, всего лишь второстепенный персонаж. Некоторые дела он не осмелится по собственной инициативе делать без указаний.

Те Цзянь и Дан Хунци так и болтали то о том, то об этом. Те Цзянь похвалил первый отдел за то, что тот ускоренно занял землю и в целом движется впереди всей линии. Нужно провести очередное проектное собрание для двух отделов, обсудить с нижестоящими, как лучше претворить в жизнь идеи, методы и требования линии, и зарядить всех энергией. Дан Хунци, ни минуты не сомневаясь, согласился с его предложением. Он полагал, что нужно учредить систему поощрительных заседаний, чтобы работники не двигались вперед с опущенной головой.

Когда они уже обсудили почти все рабочие дела, Те Цзянь перевёл разговор непосредственно на Наньняня – было слышно в его словах беспокойство о Цзинь Гоин. Женщина приехала на стройку высокоскоростной железной дороги, взяв с собой ребёнка, и это главный инженер, без которого ни дня не обойтись. У других детей есть тёплый дом, но Наньнянь с детства живет как беспризорный ребёнок – всякий, кто его увидит, у того на сердце тяжело становится. Трудно с ним Цзинь Гоин. Дан Хунци сказал, что Цзинь Гоин достаточно сильная, а ее бывший муж совершенно никчёмный. Те Цзянь напомнил ему, что об этом лучше не упоминать, иначе

Цзинь Гоин рассердится, потому что ей не нравится перед другими людьми терять лицо. Вначале Те Цзянь хотел, чтобы в корпорации выбрали другого главного инженера, потому что ему было жаль ее, всюду возящую ребёнка. Если бы она осталась в центральном офисе, жизнь у нее была бы относительно стабильной, она могла бы растить Наньнаня. Но в компании поискали и не нашли человека с более высоким профессиональным уровнем, более сильного и способного, чем она, поэтому пришлось выбрать ее. Ребёнок с детства не знал отцовской любви, не может получить и материнской, этот мальчик. С этими словами Те Цзянь и Дан Хунци одновременно вздохнули.

Дан Хунци был и растроган, и опечален. Он сказал, что и его дети – это дети, и ребёнок Цзинь Гоин – это ребёнок, и он должен чувствовать себя так, как и все остальные дети. Наньнань растёт в управлении участком. Лань Хуадо или каким другим людям, как бы хорошо все они о Наньнане ни заботились, им не заменить родных матери и отца, однако где Цзинь Гоин взять сил позаботиться о сыне? Тогда Те Цзянь высказал свое мнение: за дело возьмётся организация и найдёт для Наньнаня в посёлке детский сад. У кого будет свободное время, тот будет ездить за Наньнанем в посёлок. Там он подружится с другими детьми и, по меньшей мере, не будет одинок. Половину расходов берет на себя Те Цзянь, половину пусть платит Цзинь Гоин. Здесь Дан Хунци перебил Те Цзяня и сказал, что в год не придётся платить очень много, расходы на себя возьмёт он.

Те Цзянь прервал Дан Хунци и сказал:

– Наньнань – отпрыск железнодорожников, будущее наших высокоскоростных железных дорог, все расходы на него возьмём на себя мы вдвоём.

Дан Хунци поднял в сторону Те Цзяня большой палец и сказал:

– Лао Те, я тобой восхищаюсь. С тех пор как у тебя появилась Хунгэ, твоя жена все время болеет, лежит в постели, ещё и на экзаменах выпускных в этом году Хунгэ провалилась, второй год готовиться должна. Уже достаточно сложно, что они вдвоём от тебя зависят, не бери на себя ещё и эту долю.

Те Цзянь упрямо сказал, что деньги он найдёт, он должен помочь Цзинь Гоин, без этого никак. Дан Хунци запротестовал:

– Знаю, но разве не придётся тебе тогда себя во всем ограничивать, а у меня с деньгами все же лучше – больше не надо об этом.

Те Цзянь обдумал местные условия, пересмотрел в уме детские сады посёлка. Сложно найти детский сад получше, но, если в горной глуши вообще есть детский сад, это уже неплохо. Каким бы он ни был, если за Наньнанем кто-то будет присматривать, если он с кем-то будет общаться, этого уже хватит. То, что они всю жизнь проведут в горных ущельях, вовсе не так плохо. Кто надумил их, железнодорожников, строящих пути, сооружающих высокоскоростные железные дороги, выбрать эту профессию, заниматься такой деятельностью? А раз уж они сами все это выбрали, то ни минуты не должны жаловаться, а уж тем более не должны забывать свою первоначальную цель. Однако они не должны истратить попусту молодое поколение железнодорожников, таких детей, как Наньнань.

Те Цзянь велел Дан Хунци найти до китайского Нового года время, чтобы пригласить на обед в управление участком председателя поселкового комитета У и попросить его о помощи, чтобы он нашёл им хороший детский сад в посёлке, а Наньнань отправился туда, как только садик откроется после китайского Нового года. Обсудив вдвоём Наньнаня и его воспитание, они ничего не рассказали об этом Цзинь Гоин. Им не хотелось, чтобы она знала. Они поступили так потому, что надеялись: Цзинь Гоин все свои силы и время сосредоточит на технической стороне проекта высокоскоростной железной дороги.

Когда наступила ночь, вновь подул северный ветер. Людей в руководстве участком, вообще говоря, было немного. После ужина все сами собой пришли в комнату для заседаний, сначала полчаса смотрели новостную программу Центрального телевидения, а затем Дан

Хунци и Цзинь Гоин прошли в кабинет Те Цзяня. После того как оба отдела передали материалы по конкурсам на материалы и оборудование Сяо Иху, он тоже прибежал к Те Цзяню с записями об открытии конкурсов, положил материалы на столик перед Те Цзянем и Дан Хунци. Те Цзянь просмотрел список бригад, бывших кандидатами на победу в конкурсе, и естественным образом вспомнил те две бригады по строительству тоннелей, которые он тогда вычеркнул из списка. Он спросил, не включил ли их теперь сюда Сяо Иху. Сяо Иху сказал, что не оповестил эти бригады о начале конкурса. Те Цзянь похвалил его, сказал, что все сделал он верно, а две бригады, можно считать, поняли, где их место, отступив перед трудностями. Те Цзянь, увидев, что у бригады Цяо Саня конкурсное предложение гораздо выше, чем у других рабочих бригад, очень разозлился и попросил Сяо Иху передать первому отделу, что услугами этой бригады пользоваться нельзя.

Цзинь Гоин поначалу ничего не сказала. В душе она сопротивлялась Сяо Иху. Увидев, что Сяо Иху повёл речь о бригадах, она естественным образом вспомнила, что Ван Чжунли сказал ей, когда она ездила в компанию «Север—Юг», и напрямую заявила, что Ван Чжунли специально поговорил с ней о бригадах, что Сяо Иху доложил ему, будто Те Цзянь не согласился распределять те две бригады, а также что Ван Чжунли говорил, что никогда не рекомендовал никакой строительной организации никакие бригады.

Договорив, Цзинь Гоин спросила у Сяо Иху, чьи же, в конце концов, те две бригады. От этих ее слов веяло вполне ощутимой враждебностью. Сяо Иху и подумать не мог, что его выдадут. Как мог Ван Чжунли выставить его напоказ! На какое-то время он, сидевший на диване, потерял дар речи, а придя в себя, сказал, что не верит, что Ван Чжунли мог бы сознаться в рекомендации тоннельных бригад и упрекнул Цзинь Гоин в том, что она в нем сомневается. Цзинь Гоин не отступала и сказала презрительно:

– Ван Чжунли говорил, даже если это ваши бригады, их можно распределить при равных условиях.

Сяо Иху смутился, но разозлился, он вскинул руку вверх и сказал:

– Клянусь небесами, даю честное слово: у меня самого нет ни одной бригады.

– Тогда кто позвал Цяо Саня работать на первый отдел? – настойчиво спросила Цзинь Гоин.

Сяо Иху с отвращением поглядел на Цзинь Гоин и сказал, что можно спросить у директора Чжао, почему на стройплощадку первого отдела попал Цяо Сань. Дан Хунци о Цяо Сане заговаривать не стал, но обвинил Сяо Иху в том, что он сдал Те Цзяня Ван Чжунли, когда внутри управления столкнулись с делами, которые необходимо было совместно изучить. Сяо Иху с его доводами не согласился и в оправдание заметил, что Те Цзяня никому не сдавал, а хотел расспросить о бригадах Ван Чжунли и выставить Те Цзяня ему в противовес. Те Цзянь давно понял, что произошло, и сказал:

– Лао Сяо, не нужно больше вставлять мне ножи в спину, вовлекать меня в конфликт и выставлять чьим-то противником. Допустим, эти две бригады и впрямь рекомендовал бы Ван Чжунли, а заявку на конкурс они бы не подали, тогда Ван Чжунли уж точно бы меня невзлюбил, и в будущем никаких плодов нашего сотрудничества мы бы не собрали.

Эти слова Те Цзяня накалили атмосферу в комнате. Сяо Иху окинул каждого из собравшихся взглядом, в глубине души оценил настрой Те Цзяня, Дан Хунци и Цзинь Гоин, а затем возмущённо сказал:

– Ты говоришь, я могу так поступить? К тому же, если бы и впрямь эти две бригады рекомендовал Ван Чжунли, но они не смогли бы выиграть конкурс, директор Ван как руководитель компании-заказчика вряд ли стал бы мыслить так мелко, вряд ли бы пытался судить нас со своей колокольни.

Столкнувшись с такой ситуацией, Те Цзянь остался спокойным, даже невозмутимым, отчего Сяо Иху испытал некоторые угрызения совести. Дан Хунци и Цзинь Гоин глядели на него, ждали, какую позицию он изложит, но Те Цзянь увёл разговор в другую сторону и сказал:

– Что же, пусть так. Лао Сяо, Цяо Сань конкурс не выиграл. Теперь ты можешь по справедливости и официально оповестить его о необходимости покинуть площадку. Если он площадку не покинет, новая бригада, конкурс выигравшая, на площадку не въедет. Выполняй эту работу.

Сяо Иху не ожидал, что Те Цзянь станет сражаться с ним его же оружием, что заставит его решать по-настоящему сложный вопрос.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сяо Иху знал, в какой переплет он попал, понимал, что с Те Цзянем соперничать не сможет. Оставалось ему притвориться побеждённым, скрепя сердце, подзвать Ши Цзинтяня и договориться встретиться с Цяо Санем в чайной, чтобы обсудить вывод бригады со стройплощадки.

Цяо Сань не смирился с тем, что его бригаде предстояло покинуть стройплощадку, в глазах его мелькала злоба, когда он спросил, кого это Сяо Иху и Ши Цзинтянь за нос водить вздумали. Ши Цзинтянь мог только оправдаться тем, что бригада Цяо Саня назначила слишком высокую цену и группа, производящая оценку конкурсного предложения, не смогла бы объяснить назначение другим стройотрядам. Если бы кто-то подал жалобу, пришлось бы искать предлог для отказа. Цяо Сань определил, что это Те Цзянь ищет отговорки, чтобы вывести его с площадки, но не мог сказать этого напрямик, потому спросил, чья это была мысль. Сяо Иху попытался выступить примирителем, убедил Цяо Саня умерить гнев, сказав, что самому ему хочется, чтобы Цяо Сань поработал на этом отрезке, но предложение цены у него, действительно, выше, чем у других бригад. Не выиграл Цяо Сань конкурс в этот раз – выиграет в следующий. После этого Сяо Иху повернулся к Ши Цзинтяню и объяснил ему, что в следующий раз, если появится работа, непременно нужно, чтобы её выполнила бригада Цяо Саня. А ущерб, который она понесла раньше, будет ей возмещён. Не дожидаясь ответа Ши Цзинтяня, Цяо Сань злобно заявил, что уйти со стройки он может, но, что бы то ни было, ущерб ему нужно возместить. Ши Цзинтянь сказал, с Цяо Санем рассчитаются по договорной цене, и сделал предварительный подсчёт. Общие расходы на совершенный объём работ, а также на вырубку деревьев и срезку растительного грунта не превышают одного миллиона двухсот тысяч юаней. Сяо Иху добавил к этой сумме триста тысяч юаней. Цяо Сань, прикинув эту сумму в уме, отвернулся и сказал, что ему нужно подумать.

На самом деле, большой компенсации Цяо Саню не было нужно, а нужны ему были выражение уважения и работа на проекте. Среди местных он считался фигурой, имеющей вес, а слух о том, что строительное бюро «Китайских железных дорог» выводит его с площадки, мог испортить его репутацию, и впредь он не сумел бы мутить свои делишки с землей. К тому же деньги – материя мертвая, а инженерный проект – живая, если у Цяо Саня будет работа на проекте, он сможет быстро и много заработать, деньги рекой потекут в его карманы. И вот, в один из последующих вечеров, когда Те Цзянь проводил собрание для работников всех отделов в комнате для заседаний на третьем этаже, не успел он завершить свою речь, как к нему поднялся Цяо Сань в сопровождении двух молодых людей. Они, озираясь и заглядывая внутрь, встали в дверях комнаты для заседаний и окликнули Сяо Иху. Тогда их как раз и заметил Те Цзянь и распорядился пока приостановить собрание.

Лишь когда собравшиеся в комнате для заседаний встретились в дверях с Цяо Санем, они поняли, почему собрание было остановлено на половине. Все ожидали продолжения в коридоре, а Те Цзянь попросил остаться Дан Хунци, Сяо Иху, Цзинь Гоин, Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая, а затем распорядился, чтобы Вань Хуншань пригласил Цяо Саня. Два молодых человека неотвязно последовали за Цяо Санем.

– Садитесь, – сказал Те Цзянь.

Цяо Сань пристально поглядел на Те Цзяня, Цзинь Гоин и Ши Цзинтяня и спросил, почему ему не позволили победить в конкурсе, кто может ему дать объяснение? Первым взял слово Дан Хунци и сказал, что бригада Цяо Саня назначила слишком высокую цену и выставила слишком много лимитированных цен, потому и заняла последнее место по результатам конкурсной оценки и не смогла пройти конкурс. Цяо Сань, однако, так не считал и с подозре-

нием отнёсся к этому ответу. Ши Цзинтянь сказал, что, если он не верит, может сам посмотреть на предложения цены всех бригад. Цяо Сань отмахнулся, отказываясь. Он сказал, что конкурсная оценка несправедлива и он протестует.

Те Цзянь поднялся и, глядя на Цяо Саня, сурово сказал:

– Можете протестовать, но на проектных конкурсах мы соблюдаем правила и придерживаемся справедливой оценки. Если ваши цены в пределах разумного, мы вас нанимаем. Сейчас нам остаётся только подчиниться результатам конкурсной оценки.

Цяо Сань, вскинув голову, поглядел сначала на Те Цзяня, затем – на Сяо Иху и сказал:

– Начальник Те, если вы так говорите, то я молчу. Надеюсь, вы рассчитаетесь со мной за работу, которую я уже выполнил, и я не окажусь в убытке.

Те Цзянь попросил его быть спокойным на этот счет: первый отдел подойдёт к оценке, основываясь на реальных фактах, не выплатит ему больше или меньше положенного. Цяо Саню более нечего было сказать, он повернулся и ушёл, уводя с собой двух молодых людей, его сопровождавших.

Всех остальных вновь позвали в комнату для совещаний, и собрание продолжилось. Ши Цзинтянь доложил, что цель первого отдела – до Нового года выполнить все работы, не связанные с прокладкой тоннеля, и начать саму прокладку тоннеля в скале. Если прокладка тоннеля будет начата, то первый отдел сможет поручиться за выполнение плана в зимний сезон. Те Цзянь спросил у Вань Хуншаня, насколько велик разрез тоннеля. Тот почесал голову и сказал, что не может припомнить. На самом деле у тоннелей разрезы были разные, и площадь разная, ему нужно было проверить эти цифры. Из-за того что Вань Хуншань не смог ответить на этот вопрос, Те Цзянь разом посерьёзnel и перед всеми собравшимися осудил Вань Хуншаня: как же он стал начальником отдела, если даже не может вспомнить, насколько велик разрез тоннеля. Пусть он хорошенько выучит всё упущенное. Вань Хуншаню стало неловко и стыдно, все его лицо залила алая краска.

Из-за прихода Цяо Саня и оплошности Вань Хуншаня, не помнившего данных о разрезе тоннеля, Те Цзянь испытывал недовольство. Цзинь Гоин заметила перемену в его настроении и тут же ответила на его вопрос: разрез над железнодорожными путями составляет 100 квадратных метров, площадь над подкладочным слоем – 110 квадратных метров, площадь расчистки вмещающей породы второй степени – 131 квадратный метр, площадь расчистки вмещающей породы третьей степени – 145 квадратных метров, площадь расчистки вмещающей породы четвертой степени – 148 квадратных метров, площадь расчистки вмещающей породы пятой степени – 165 квадратных метров. Ответ Цзинь Гоин разрешил щекотливую ситуацию, возникшую в комнате для совещаний. Те Цзянь был очень доволен и сказал, что главный инженер есть главный инженер, держит в уме все технические параметры. После этой его утвердительной похвалы на Цзинь Гоин обратились восхищенные взгляды Ван Жоюнь, Ань Сюэжун и других работников. Цзинь Гоин же, сохраняя абсолютное спокойствие, мельком взглянула на Ши Цзинтяня и обнаружила, что, хоть он и не посмотрел на нее прямо, но скосил в ее сторону взгляд. В это время Чжу Цзылай принёс ещё одну хорошую новость: скоро в управлении общественной безопасности выдадут разрешение по плану склада взрывчатых веществ, а также там уже согласились на прямые поставки взрывчатых веществ со второго химзавода. После этого все разом оживились.

По окончании заседания Те Цзянь выдал распоряжение Кун Цинжуну и Юань Тинфэн. Уже началось строительство их площадки для изготовления и монтажа конструкций моста, одновременно с этим проводятся и работы по сооружению временного лагеря для второго отдела. Они должны за полмесяца переехать в лагерь с крестьянского двора.

Не прошло и двух дней, как Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай пришли к Те Цзяню с докладом о расчёте и компенсации, переданным Цяо Санем, и попросили Лань Хуадо положить этот доклад ему на стол. Те Цзянь, придя в кабинет, увидел, что общая сумма расчёта и компенса-

ции, выдвинутая Цяо Санем, достигает пяти миллионов юаней, и в гневе ударил ладонью по докладу так, что тот слетел на пол. Присутствующие так напугались, что не решались подать голос.

Чжу Цзылай нагнулся, подобрал доклад и вновь передал его Те Цзяню. Те Цзянь потряс в воздухе бумажкой, полной вымогательств, и сказал Ши Цзинтяню и Чжу Цзылаю:

– Вот ваши проблемы и начались.

Те Цзянь попросил Сяо Иху самого взглянуть на этот доклад. Цяо Сань сделал так мало, а требует тем не менее пять миллионов юаней. Привлекли волка – и теперь стаду овец вовеки не будет покоя. Столкнувшись с такими вымогательствами, Те Цзянь попросил всех присутствующих высказать мнение, как им теперь поступить. Дан Хунци сказал, что нужно произвести расчёт в соответствии с фактически проделанной работой. Чжу Цзылай же сказал, что, если не удовлетворить аппетит Цяо Саня, он с площадки не уйдёт. Сяо Иху закатил глаза. Ему хотелось оправдаться, и он сказал, что если кто тут и виноват, то только директор Чжао, который настойчиво требовал, чтобы работы выполнял Цяо Сань. Услышав это, Те Цзянь ужасно рассердился, гневно обвинил Сяо Иху, что директор Чжао предупреждал: с Цяо Санем надо быть осторожными. Если бы Сяо Иху не вынудил первый отдел прибегнуть к помощи Цяо Саня в вырубке деревьев и работах по сооружению насыпи, так далеко бы дело теперь не зашло. Сяо Иху, сдержав вздох, вновь заявил: бригада Цяо Саня – не его бригада. Ши Цзинтянь, стоя у стола Те Цзяня, со свойственной ему прямоотой сказал Сяо Иху:

– Строительство высокоскоростных железных дорог движется вперед в непрерывной борьбе, и мы, строители железных дорог, ни перед кем не склоним головы.

Те Цзянь был страшно возмущён и сказал Сяо Иху, что ответственность за дело Цяо Саня несёт он сам.

Пока Цзинь Гоин принимала участие в заседании, Лань Хуадо сопровождала Наньняня, который играл в коридоре снаружи комнаты для совещаний. Наньнянь через некоторое время спрятался на входе в коридор и стал подглядывать в комнату для совещаний – время от времени в дверях мелькало его личико. Лань Хуадо оттащила его в свой кабинет, чтобы он играл там, и спросила, как ему с ней играет. Наньнянь, усевшись на коленки на стул Лань Хуадо, сказал, что ему гораздо больше нравится Ши Цзинтянь, Ши Цзинтянь согрел ему руки и с ним играл. Наньнянь схватил со стола Лань Хуадо резинку для волос и принялся обматывать ее вокруг пальца, говоря при этом себе под нос: вот было бы хорошо, если бы у него был такой папа, как Ши Цзинтянь. Лань Хуадо, услышав это, даже никак отреагировать не смогла, только устремила на Наньняня свои прекрасные глаза.

Зимним утром солнце медленно всходило из-за горизонта, в его лучах белоснежные горные пики отдавали розовым. Сухие деревья по обеим сторонам деревенской дороги тянули к небу свои оголенные ветви. Равнина кругом была по-прежнему покрыта плотным слоем снега, лишь на линии высокоскоростной железной дороги, убегаящей к горам, все было очищено от снега и являлось глазу желтое земляное полотно. Уже начались работы по бурению на берегу реки, по скользкой подъездной дорожке медленно, с трудом двигалась бетономешалка.

Через десять дней первый отдел переехал в новенькие временные домики рядом со стройплощадкой. Утром все теснились в умывальной комнате, чтобы умыться и почистить зубы. Первыми туда вошли Цуй Линхуа и Чжао Хуалян, теперь они вдвоём стояли у раковины и чистили зубы. Чжао Хуалян, запрокинув голову, с громким звуком прополоскал горло, а потом стал мыть лицо и заодно спросил у Цуй Линхуа, не получила ли она результат по образцу бетона. Цуй Линхуа, заталкивая щётку в стаканчик, ответила, что к составу претензий нет, подконтрольная партия соответствует стандартам. Чжао Хуалян попросил ее утром съездить на смесительную станцию и передать эту информацию на площадку. Цуй Линхуа сказала, что после того, как смесительная станция будет готова и начнёт работу, ей нужно будет переехать туда, а если будут какие-то дела, можно обратиться с ними к Бао Те.

Едва они вышли, закончив умываться, как вошли Чжу Цзылай и Ван Жоюнь. Ван Жоюнь набирала воду и поторапливала Чжу Цзылая, говоря, что скоро нужно начинать бурить тоннель, а электричество пока не подключено – ему нужно немедленно отправиться в электроэнергетическое управление. У Чжу Цзылая на шее висело полотенце, он выдавливал на щётку зубную пасту. Он сказал, что электричество не было проведено к тоннелю, потому что слишком сложно это согласовать, хотя водки он выпил столько, что желудок уже скоро атрофируется. Ван Жоюнь сказала, что на всякой линии это так: нужно бороться за реквизицию и снос, электрификацию, изменения в плане, проселочные дороги, взрывчатые вещества. Нигде не избежать хлопот. Чжу Цзылай сказал: «Хорошо, если на новой линии нет никаких изменений в самом маршруте и количестве станций, но, если изменения есть, в одном только местном управлении железной дороги нужно платить расходы на согласование, а они просто непомерны! Эти местные управления требуют от вас, как им заблагорассудится, – несколько миллионов, а то и десятков миллионов юаней. Совершенно необоснованные расходы!» Он недоумевал: все ведь входит в систему железных дорог, если «Китайские железные дороги» не будут строить обычные и высокоскоростные магистрали, что будут перевозить управления железных дорог? Вот тебе и на: «Китайские железные дороги» занимаются строительством, а управление железной дороги считают строительную организацию какой-то «кормушкой», хочет урвать кусочек побольше, никакой управы на него нет. А некоторые из расходов на согласование они вымогают у строительной организации, устраивают себе «маленькую казну» и тратят, как захотят. Стоит проверить – как сразу это обнаруживается. Чжу Цзылаю это казалось просто непостижимым.

Ван Жоюнь, чистившая зубы, тоже начала жаловаться на это, сказала, что, чем больше строится высокоскоростных железных дорог, тем больше убытков. Инженерные бюро работают в долг, полагаясь на кредиты, строительная организация все делает в убыток. Расходы на согласование по линии выходят в немалую сумму. Все говорят рабочие – социально уязвимая группа, но по-настоящему уязвимы и бедны только работники строительного бюро. Никто из них не осмеливается задираться, никто из них не смеет обидеть других. Где бы они ни работали, что бы ни попросили заказчик, наблюдатель, проектный институт, всё они должны выслушать, склонив голову и согнувшись в три погибели, умолять снизить, а если скажут что-то лишнее, то они обречены, – иногда так сложно им работать, что просто задыхаются...

Закончив умываться, Чжу Цзылай прикрыл лицо полотенцем, энергично потёр его, двигая ткань вперед-назад, сказал, жалуясь: «Сейчас уже какой век? Чай, не старые времена, а ежедневная зарплата рабочего на железной дороге по-прежнему составляет несколько десятков юаней. Сейчас такая оплата ещё хоть где-то есть? Даже чтобы нанять чернорабочего, нужно ему сто-двести юаней за день заплатить. А если на стройке начнётся простой, на оплате труда рабочих приходится терять много денег. Где уж тут получить выгоду? На конкурсе на поставку строительного гравия одна тонна не стоит и двухсот юаней, но эти прибыльные материалы полностью находятся в руках местных преступников. Стоит им начать работу, как материалы тут же дорожают – если цена не растёт, то и поставок нет. Строительная организация попадает в безвыходное положение, приходится отступать. Но, когда работа над проектом завершается, цены на материалы регулируются, и ущерб может достигать нескольких десятков миллионов, даже сотен миллионов юаней. И с доводами нигде не считаются!»

Несколько рабочих вошло в уборную, затем они снова вышли. Ван Жоюнь собрала свои щётку и тюбик с пастой, сказала, что в проектном институте все то же самое. То, что сейчас с коррупцией борются, на некоторых эффекта не производит. Если в проекте намечается пусть и небольшое изменение, без денег его не одобряют, а особенно смело ведут себя главные. Государство тратит столько денег на высокоскоростную железную дорогу, но сталкивается с группой коррупционеров, а там, где группка, там и вся проектная организация коррумпирована.

Чжу Цзылай вытер рот с обеих сторон и сказал, что некоторые проектировщики вносят в проект технику и материалы, которые по определению не стоит использовать, а затем рекомендуют бригады на подряд. Все они защищают свои интересы. Проектировщики прямо-таки с боем настаивают на некоторых производителях материалов и техники, а когда их продукция используется, то выясняется, что, что она непригодная, что приводит к огромным растратам, а к ответственности никто не привлекается. Просто исторические преступники!

Ван Жоюнь шла за Чжу Цзылаем, говоря, что таких дел происходит много, говорить о них невозможно, да никто и не решается, можно лишь про себя ворчать, боясь, что, если в компании узнают, недовольного накажут. Если так продолжится, у некоторых определённо могут возникнуть проблемы.

Бао Те и Чжао Хуалян ни о чем не болтали, пока умывались и чистили зубы. Позавтракав, они велели водителю отвезти их и Цуй Линхуа на первую смесительную станцию, сделали по ней кружок, объяснили Цуй Линхуа положения, на которые стоит обратить внимание при строительстве станции, а затем пешком вернулись к тоннелю Цзинъян. Они были одеты в плотные хлопковые куртки. Спрятав ладони в рукавах, они шли по сельской дороге. Вдруг навстречу им проехали две легковые машины. Бао Те и Чжао Хуалян поспешно отошли к краю дороги.

Дни стояли морозные. Все ближе и ближе был Новый год. Работы по строительству тоннеля едва начались. Бао Те и Чжао Хуалян боялись, что на Новый год не смогут встретиться с семьями. Бао Те сказал:

– Мне-то всё равно, разрешат вернуться – так вернусь домой, не разрешат – так на стройке Новый год встречу. Я только что с родителями не увижусь, а так девушки у меня нет, местные на такого, как я, тоже не посмотрят. Но вот тебе вернуться надо, вы после свадьбы даже ребёнка не родили. Лань Яньэр будет очень грустно, если она Новый год одна дома встретит.

Чжао Хуалян сказал, что сам он не хочет возвращаться домой, потому что на Новый год никакого новогоднего настроения у него не будет, только время на дорогу потратит и вклад в железные дороги внесёт лишь тем, что билет купит.

Так они вдвоём разговаривали и незаметно для себя пришли в дежурную комнату стройплощадки, где взяли каски, а затем вскарабкались наверх, к порталу тоннеля. Они поглядели вниз, на подножие горы. Внизу лежала зимняя деревня, из труб поднимался дым – пейзаж был очаровательным, как на картине. Ли Вэйминь и рабочие работали строительными фенами, и их звук разносился по всей деревне. В тоннеле уже начали прорубать стены, отчего Чжао Хуалян и Бао Те чувствовали себя очень уверенно.

Тоннель Цзинъян находился на восточном отрезке подконтрольного первому отделу участка, но Ши Цзинтянь и Ван Жоюнь больше переживали за западный отрезок. Там уже началось бурение для моста Янхэ. Арматура обрабатывалась на заводе, и они боялись, если не поместить на дно реки арматурный каркас, может произойти преломление свай. Временный лагерь тоннеля Янхэ уже был построен, земля под тоннель тоже уже была реквизирована, но в слишком холодную погоду прокладывать тоннель было сложно. Ши Цзинтянь спросил, в каком количестве приехали на стройплощадку рабочие из рабочих бригад, Чжу Хунцзюнь сказал, что приехало более пятидесяти рабочих.

– Какой толк, если их так мало, – сказал Ши Цзинтянь. – Пусть побольше приедет.

Ван Жоюнь повелела Ван Фантаю наблюдать за строительством моста, напомнила Лян Лили, что нужно контролировать качество и безопасность. Лян Лили сказала, что будет следить за Ван Фантаем, потому что он командир бригады по строительству моста, а что скажет командир – то делает и бригада. Если строительные работы не будут соответствовать стандартам качества, она привлечёт к ответственности Ван Фантая. Видя, как энергична Лян Лили, Ван Жоюнь радостно улыбнулась и сказала, что мост, большой мост, а также закрепление консольных балок отличаются высокой технической сложностью. Если хоть где-то будут проблемы

с качеством, то виновные будут привлечены к административной ответственности, расследование определённо сначала затронет Ван Фантаю и Лян Лили, поэтому Ван Фантаю нужно слушаться Лян Лили.

Ван Фантаю и впрямь очень слушался Лян Лили. После того как они въехали на стройплощадку, Ван Фантаю все время заботился о Лян Лили. Потом все узнали, что они живут в одном здании, что с детства они росли в одном дворе, учились в одной старшей школе. Родители их были старыми железнодорожниками. Ван Фантаю относился к Лян Лили как своей младшей сестре.

Ещё больше, чем Ши Цзинтянь, суетились во втором отделе. Рано утром Кун Цинжун, Юань Тинфэн, Гао Юнхэн, Ань Сюэжун и Цзы Ци позавтракали в одноэтажном доме, который они совместно снимали, и вместе вышли во двор. Кун Цинжун распорядился, чтобы Гао Юнхэн немедленно отправился на стройплощадку и сказал всем заводам, что, когда до Нового года они получат аванс, нужно немедленно оценить стоимость и рассчитаться. Гао Юнхэн, потянув вверх воротник, отчитался: производителю смесителей уже заплатили часть суммы, остальным производителям пока не заплатили, все они торопят бюро с платежами. Юань Тинфэн вздохнула и пожаловалась, что бюро с давних пор сложно управляться с бригадами. Многие из них, не сделав и некоторой части работы, хотят денег. Такие бригады они впоследствии больше не нанимают. Требуется, чтобы каждый человек отдавал свои силы строительству площадки. Вопрос электроснабжения Юань Тинфэн и Кун Цинжун пойдут решать в электроэнергетическое управление.

Ань Сюэжун вызвалась следить за полотном моста. Центральная лаборатория находилась на площадке по изготовлению и монтажу его конструкций. Если лаборатория не будет достроена, то некуда будет поместить оборудование, поступающее на площадку, придётся складывать его в домах крестьян. Это очень не нравилось Цзы Ци. Юань Тинфэн успокоила ее, сказав, что они вместе отправятся на площадку и, если какая бригада будет плохо выполнять работу, они будут за ними следить.

Ань Сюэжун сказала:

– Сестрица Юань, когда приедете на стройку, обращайтесь внимание на то, как вы говорите, будьте помягче.

Юань Тинфэн сказала:

– Такова уж моя манера. Некоторые бригады работу не выполняют, а о деньгах нас просят. Если они и дальше не будут работать, мне что, их пощадить, не наказывать? Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы эти бригады зарабатывали наши деньги и в то же время наносили нам ущерб. Такие бригады мне, Юань Тинфэн, не нужны, я их все с площадки прогоню.

Гао Юнхэн вытянул вверх большой палец. Беспрестанно улыбаясь, он похвалил Юань Тинфэн. Юань Тинфэн сказала, что там, где нужно быть мягкой, она будет мягкой, но там, где мягкость не положена, она ни с кем церемониться не станет. Кун Цинжун, услышав это, обрадовался, называл её настоящей женщиной с мужскими манерами. Если тот, кто занимается строительством высокоскоростных железных дорог, слишком мягок, управлять строительными бригадами он не сможет. Иногда мужчины приходят на стройплощадку, что-то говорят, а стройотряды их не слушают, где уж они женщин слушать будут. Ань Сюэжун сказала, что стоит Юань Тинфэн разозлиться, они с Цзы Ци её боятся – какая же бригада осмелится её не слушаться? Юань Тинфэн сказала:

– Не надо меня расхваливать, у меня аж голова кружится.

С этими словами она ушла в комнату, прибралась там и отправилась на стройку.

Те Цзянь после завтрака стоял во дворе и звонил поочерёдно Ши Цзинтяню и Кун Цинжуну, расспрашивая их о том, как обстоят дела на площадке. Для него это уже вошло в привычку. Узнав, что в двух отделах работа организовывается четко и слаженно, он, немного успокоившись, вернулся в кабинет. Стоило ему переступить порог, как, держа в руках материалы,

вошёл Сяо Иху, а за ним и Цзинь Гоин. Ему требовалось поставить подпись на документах по результатам конкурсов на рабочие бригады, оборудование и материалы в первом и втором отделе.

Сяо Иху передал Те Цзяню документы. Те Цзянь взял со стола ручку и, страница за страницей, просмотрел их, вновь спросив о том, как идут дела с выходом с площадки бригады Цяо Саня, потребовав, чтобы Сяо Иху лично обсудил с ним расчетную цену. Ее нужно снизить. Сяо Иху хотел повременить, а только потом с ним еще раз об этом поговорить. Если быть слишком активным, можно попасть в зависимость. Те Цзянь словно не услышал, поставил подпись на документе о конкурсных результатах, бросил ему бумагу и сказал, что два отдела могут официально сделать уведомление о победах в конкурсах. Затем нужно подписать с бригадами контракты, и они могут въезжать на стройку, но Сяо Иху все же надо как следует взяться за бригаду Цяо Саня и решить вопрос с ее выводом с площадки.

– Хорошо, – сказал Сяо Иху, – я сделаю все возможное, но обсуждать с ним цену всё-таки сложновато.

Те Цзянь более не затрагивал этот вопрос. Он снова взялся за результаты конкурсов на материалы, проверил страницу за страницей, заметил, что «торговая компания Цяншэн» прошла конкурс и в первом, и во втором отделе, что у нее есть и стальные провода, и возможность выполнить земляные работы, и водостойкие материалы она поставляет. Затем Те Цзянь проверил место регистрации компании. Это был тот же город, где жили Те Цзянь и его коллеги. Из-за этого он испытал некоторое недоумение. Цзинь Гоин приблизилась к нему и поглядела на документ. Она сказала, что, похоже, это компания молодого человека Ань Сюэжун. Сяо Иху сказал, что он этого не знает, подтверждает лишь то, что у этой компании подходящая цена, поэтому конкурсная группа определила, что они в конкурсе побеждают. Не будучи хорошо знаком с этой компанией, Те Цзянь больше не стал задавать вопросов и просмотрел список выигравших в конкурсе поставщиков оборудования. Ни одного из них он также не знал. Цзинь Гоин очень волновалась, не принял ли участие в конкурсе агент Го Фухая, Сяо Иху с холодной усмешкой сказал, что не участвовал. Она не поверила, взяла из рук Те Цзяня список выигравших конкурс предприятий. Там и правда не было компании Го Фухая. Тогда Цзинь Гоин злобно вернула список Те Цзяню.

Цзинь Гоин и Те Цзянь подумать не могли, что Сяо Иху произведёт отвлекающий манёвр и устроит засаду, выгодную для компании Го Фухая и компании «Цяншэн» Дэн Лицяна. По его указке они для отвода глаз подались на конкурс под чужими именами и спокойно его прошли.

Сяо Иху с неохотой думал о том, что Те Цзянь поручил ему урегулировать дело Цяо Саня. В то же время Цяо Сань с четырьмя сигаретами «Чжунхуа» пришёл к директору Чжао. Директор Чжао сказал, что сам он не будет курить такие дорогие сигареты, спросил его, с чем он пришёл. Цяо Сань, стоя у стола директора Чжао, напрямую заявил, что его прислал руководитель. На удивление, бюро «Китайских железных дорог» не позволило ему выиграть конкурс, и он не может понести убытки в расчёте за работу, которую уже для них выполнил.

Директор Чжао кивнул и сказал:

– Я это слышал. Но ты позарился на пять миллионов юаней, не чересчур ли это?

Цяо Сань, сидя на диване, вытащил из металлической коробки толстую сигару, оглядел ее и сказал, будет не чересчур – никаких денег он не заработает. Если только впоследствии ему дадут работу, за работу нынешнюю он никаких денег не попросит. Пусть директор Чжао снова ему лично пособит.

Директор Чжао не дал ему положительного ответа. Очевидно, что он не решался порицать Цяо Саня, но в глубине души ругал того за ненасытность. Цяо Сань самонадеянно поглядел на директора Чжао и сказал:

– Мы из поколения в поколение жили на этом месте, никто не переезжал, но друг с другом мы виделись часто, друг другу помогали.

Эти слова прозвучали многозначительно. Директор Чжао услышал в них некоторую угрозу, но продолжал держаться с достоинством. Он сказал Цяо Саню, что в этом деле не требуется слишком глубокого его участия, можно связаться с Сяо Иху и Ши Цзинтянем. Пусть обе стороны сами решат вопрос. Цяо Сань долго молчал, но наконец согласился, чтобы директор Чжао договорился с Сяо Иху и Ши Цзинтянем о дальнейших переговорах.

Утром того дня Сяо Иху, Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай приехали в уездный город, где, встретившись в одной из чайных с Цяо Санем, вновь уселись за стол переговоров. За спиной Цяо Саня стояли два молодых человека. Проницательные люди могли бы понять, что это – его свита, его телохранители. Вид у них был очень устрашающий. Ши Цзинтянь на это вовсе не обращал внимания. Он передал Цяо Саню документы об объёме выполненных работ и ведомость договорной цены, чтобы тот сам на это взглянул, и сказал, что он предложил слишком высокую компенсацию, а если все хорошо обдумать и просчитать, то работы он сделал на стоимость, не превышающую миллион двести тысяч юаней, а требует, тем не менее, пять миллионов. Первый отдел выплатить столько не может. Цяо Сань тоже не смотрел прямо на Ши Цзинтяня, лишь покосился на потолок и сказал, что от него хотят, чтобы он с площадки вышел, а компенсацию платить не хотят. «Наверное, таких неразумных государственных предприятий в мире больше нет», – вопрошал он Ши Цзинтяня. Чжу Цзылай сказал, что это не они неразумные, а Цяо Сань потребовал слишком много. Цяо Сань, склонив голову, поглядел на Чжу Цзылая и сказал:

– Я слишком многого требую? А вы немногого? Попросили меня прийти на площадку, помочь с вырубкой деревьев, помочь землю занять. Землю заняли, деревья вырублены, а вы все время передумываете, чтобы я работал, сколько раз уже меня гоняли туда-сюда.

Сяо Иху в присутствии Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая не мог упрекнуть Цяо Саня, не мог и за него ничего сказать, потому всеми способами пытался привести стороны к компромиссу. Он посоветовал Цяо Саню отступить, принять оплату на базе нормальной оценки стоимости плюс триста тысяч юаней сверх нее и покинуть площадку, чтобы на нее смогли въехать бригады, выигравшие конкурс, и приступить к работе. Цяо Сань был недоволен тем, что Сяо Иху выступает примирителем, и сказал, что дело не в том, что он не хочет оказать чести Сяо Иху, а в том, что или ему позволяют продолжить работу, или платят пять миллионов, а не то вообще никто работать не будет. В конце концов, его оборудование и работники – все на площадке. Если их недостаточно, он может позвать ещё ребят, чтобы они круглыми днями работали на площадке. Пусть Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай подумают об этом.

– Ах ты, обманщик!

– Управляющий Ши, берите ответственность за ваши слова, разве я вас обманул?

– Это ваше условие и есть обман и вымогательство, – сказал Чжу Цзылай Цяо Саню.

Цяо Сань расхохотался и сказал, что на этой земле нет никого, кто бы осмеливался не оказать ему чести. Пусть Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай не думают, что, раз уж они из государственной компании, они могут парить на крыльях и взирать на него с высоты. Он одним словом может поставить строительное бюро «Китайских железных дорог» в затруднительное положение.

Ши Цзинтянь, ужасно разозлившись, оттолкнул чашку с чаем и встал. Он сказал, что Цяо Саня на площадку заманил Сяо Иху, вот пусть теперь он сам с Цяо Санем и общается. После этого он позвал Чжу Цзылая, и они удалились.

Сяо Иху попал в ужасно неловкое положение. В душе он до скрежета зубов досадовал на Те Цзяня. Он сказал Цяо Саню, чтобы тот не винил Ши Цзинтяня, что все произошло из-за самоуправства Те Цзяня. Он и в молодости был таким, и теперь таким остался. Цяо Сань не проявил к Сяо Иху никакого сочувствия, лишь сказал, что знает, как тайно все время ему помогал, поэтому его и не винит. Сяо Иху посоветовал Цяо Саню разорвать все отношения с

первым отделом, но не отступаться от требования компенсации в пять миллионов юаней. А Сяо Иху постарается сделать так, чтобы Цяо Сань продолжил работать на Те Цзяня.

Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай не вернулись сразу в проектный отдел, а отправились к Те Цзяню в управление участком. Вскоре в управление вернулись и Сяо Иху, и Дан Хунци. Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай передали Те Цзяню необоснованное требование Цяо Саня: либо ему платят пять миллионов юаней, либо он продолжает работу. Те Цзянь, ударив ладонью по столу, сказал, что уже давно предупреждал: погрязнешь в работу с такими бригадами – рано или поздно тебя надуют. Он потребовал Сяо Иху, чтобы тот доложил, к чему в итоге привели переговоры. Сяо Иху со смущением на лице сказал, что переговоры и впрямь вести было сложно: между сторонами слишком много различий. По правде говоря, с необоснованными аргументами выступил первый отдел, они торопились с вырубкой деревьев и просили Цяо Саня о помощи в занятии земли под площадку. Закончив вырубку и заняв землю, они велели Цяо Саню остановиться и выйти с площадки. Это и правда затрудняет Цяо Саня.

Сяо Иху вновь упомянул директора Чжао и сказал, если это дело дойдёт до ушей директора Чжао, он, возможно, ничего и не скажет, но давший ему поручение уездный руководитель может подумать, что строительное бюро «Китайских железных дорог» никому почтения оказывать не хочет. К сожалению, это может повлиять на дальнейший ход строительства. Те Цзянь отлично понимал, куда клонит Сяо Иху, и, глядя ему прямо в глаза, сказал:

– Так по твоим словам ответственность на нас?

Сяо Иху сказал, что он не говорил ни о чьей ответственности. Поначалу он согласился прибегнуть к помощи бригады Цяо Саня, потому что хотел укорить темпы реквизиции земли, и Дан Хунци о том знал. Дан Хунци с этим не согласился. Он сказал, что об этом знал, но не соглашался пускать Цяо Саня на площадку, и Сяо Иху не говорил, что распорядился предоставить Цяо Саню работу.

В этом споре Сяо Иху и Дан Хунци не собирались уступать друг другу. Те Цзянь сидел на стуле и хранил молчание. Дышал он тяжело. Такие дела очень щекотливы, поэтому Те Цзянь спросил Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая, что они думают на этот счет. Ши Цзинтянь сказал, что Цяо Сань во всеуслышание заявляет, если ему работы не дать, никто работу выполнять не сможет, а первый отдел будет уничтожен. Услышав это, Те Цзянь пришёл в страшный гнев. Он не верил, что в стране, которой руководит коммунистическая партия, может что-то вершить Цяо Сань.

Чжу Цзылай в это время выглядел очень спокойным. Он напомнил Те Цзяню, что, если не решить эту проблему, Цяо Сань определённо затеет скандал. Дан Хунци предложил как следует доложить обо всем главе уезда Вану и директору Чжао, чтобы в уезде пораньше вмешались в происходящее. Те Цзянь сказал, что доложить можно, но ключ проблемы в первом отделе. Если Цяо Сань устроит скандал, то в беспорядки он вовлечет уже имеющихся на площадке работников. Затем он спросил, как бы вопрос решил Сяо Иху. Сяо Иху считал, что появилась возможность поработать, почесав подбородок, сказал, что, он думает, нужно позволить

Цяо Саню доделать начатую работу, а затем попросить его покинуть площадку. Причина этого в том, что Цяо Сань уже занимает площадку, а вывод бригады с площадки требует времени, возможно, на это потребуется несколько месяцев. Он признаёт, что в деле этом его ответственность, но разве ради себя он на это решался? Он выступит с самокритикой перед организацией.

– Хватит, хватит! – раздраженно махнул рукой Те Цзянь. – В жопу твою самокритику: кому она нужна!

Те Цзянь снова спросил мнения Дан Хунци, Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая. Дан Хунци долго думал, а потом сказал: «Пусть Цяо Сань доделывает работу, но он должен принять нашу конкурсную цену и подписать с нами договор». Сяо Иху улучил удобный момент и сказал, что у Цяо Саня есть земля. При равноценной стоимости можно воспользоваться и его услугами.

Волю Те Цзяня пошатнули Сяо Иху и Цяо Сань. Взвесив все доводы, он подумал, что не хочет вызвать шум, едва въехав на стройплощадку. Поэтому ему пришлось смириться.

– Ты меня в безвыходное положение ставишь, и это оскорбление мне приходится проглотить, – сказал Те Цзянь, глядя на Сяо Иху. – Тогда поступим, как сказал секретарь Дан, пусть Цяо Сань доделает все работы по срезке растительного грунта и бурению! А работы по строительству лагеря, насыпи под полотном дороги пусть делают бригады, выигравшие конкурс. Если же он ещё раз захочет отнять у них работу, придётся принимать меры. На стройке высокоскоростной дороги не могут все позиции захватить вот такие местные бригады.

В тот день Ши Цзинтянь оповестил Цяо Саня о продолжении работ. Сяо Иху в своём кабинете, потирая руки, тайком бахвалился успехами, позвонив Цяо Саню и рассказывая ему, сколько идеологической работы проделал, сколько жалоб и упрёков ради него выслушал. От этого Цяо Сань даже растрогался до слез. Те Цзянь вовсе не остался безучастным к тому, что Сяо Иху вновь достиг своей цели, но, обдумывая случившееся с точки зрения всего проекта, он очень ясно понял, что, в целом, это дело не повлияет на общую обстановку. Также он уважал точку зрения и предложение Дан Хунци.

После объявления результатов конкурса Сяо Иху тоже бросился выискивать расположение всех, кого только можно. Он позвонил в компанию «Север—Юг» Ван Чжунли и сначала сам себя обвинил в том, что не выполнил дела с бригадами по строительству тоннеля, а затем похвалился тем, что Дэн Лицян выиграл в конкурсе первого отдела на поставку материалов, а Го Фухай – в конкурсе первого отдела на поставку оборудования, и спросил, какие у Ван Чжунли будут дальнейшие распоряжения. Ван Чжунли, полулежа на стуле за письменным столом, очень довольно улыбнулся, похвалил Сяо Иху за отличную работу и сказал, что победители его хорошенько отблагодарят. Сяо Иху сказал в ответ пару вежливых фраз, повесил трубку и, напевая под нос, позвонил Го Фухаю.

Го Фухай в то время вёл машину. Услышав отличную новость, он очень обрадовался. Сяо Иху, стоя у окна и разговаривая с Го Фухаем, встал на цыпочки, оперся о подоконник, так, что его тело образовало большую ломаную линию. Сяо Иху сказал Го Фухаю, что во время конкурсной оценки ему пришлось потратить немало сил. К счастью, Го Фухай послушался его совета и использовал чужое имя во время подачи заявки, а ведь Цзинь Гоин специально проверила, нет ли его в списке организаций, выигравших конкурс. Благо, она не разглядела там предприятия, агентом которого был Го Фухай. Го Фухай, услышав это, сказал, что непременно поблагодарит Сяо Иху лично. Сяо Иху, услышав это, с притворством сказал, что церемониться не нужно, а в конце добавил, что Цзинь Гоин, конечно, не очень хорошо поступает: такая она бесчувственная, в этот раз на конкурсе чуть не вычеркнула Го Фухая из списка. Если бы Сяо Иху лично не взял дело в свои руки, у Го Фухая не было бы никакой возможности победить в конкурсе. Сяо Иху сказал, что Го Фухай верно сделал, что развёлся. Го Фухай по телефону попросил ничего не говорить Цзинь Гоин о том, что он выиграл в конкурсе на поставку оборудования. Ему не хотелось о ней говорить и не хотелось, чтобы она о нем знала.

Когда Дэн Лицян узнал от Сяо Иху, что выиграл конкурс на поставку материалов, он, опираясь грудью на стол, глазел в экран монитора и играл в игру. Услышав, что выиграл конкурс, он тут же воодушевился, выпрямился. Сяо Иху удалось выставить напоказ свою влияние и контроль на проекте и, намеренно вводя Дэн Лицяна в заблуждение, он сказал, что Чжу Хунцзюнь действительно оказал честь Ань Сюэжун, позволив Дэн Лицяну выиграть конкурс. Дэн Лицяну лучше лично поблагодарить Чжу Хунцзюня по телефону. Дэн Лицян сильно ревновал Ань Сюэжун к Чжу Хунцзюню. Он сказал, что никто его не интересуется, признаёт он только Сяо Иху. Дэн Лицян чувствовал, что у Чжу Хунцзюня нет никаких хороших намерений к Ань Сюэжун. В этот раз, когда он встретился с Чжу Хунцзюнем у Ван Чжунли, он подумал, что Ань Сюэжун, похоже, что-то от него скрывает.

– Если вы и правда думаете, что между ними что-то есть, можно считать вас проницательным, – сказал Сяо Иху с коварной усмешкой. – У них необычные отношения – я тоже так считаю. Председатель Дэн, вам нужно быть поосторожнее.

Повесив трубку, Сяо Иху сделал несколько кругов по комнате, обдумывая слова Дэн Лицяна, тоже стал с сомнением относиться к связи между Ань Сюэжун и Чжу Хунцзюнем.

Менее двенадцати дней оставалось до Нового года, когда первый отдел наконец перевёл всё делопроизводство в новый лагерь на стройплощадке. Спереди и позади новой дислокации первого отдела было построено несколько рядов домиков – все из съёмных щитов. В самом первом ряду находились комната для совещаний и служебные кабинеты. Стоило оттуда выйти, как взгляду открывалась обширная стройплощадка. В день переезда в комнате для заседаний было чисто убрано, на стенах висели различные чертежи и лозунги. Перед каждым сидением на столе был установлен микрофон, на передней стене висел проекционный экран – во всём был современный стиль управления проектом. А снаружи, на площадке, работники первого отдела, одетые в толстые ватные куртки или пуховики, собрались вместе, чтобы отметить переезд. На земле длинной линией лежали хлопушки.

Чжу Хунцзюнь не знал, что Сяо Иху, воспользовавшись победой Дэн Лицяна в конкурсе, подстрекал его против Чжу Хунцзюня и запутывал их отношения с Ань Сюэжун. Он, в приподнятом настроении, вместе с Ван Фантаем зажег хлопушки. Последовали хлопки, в воздух поднялся синеватый дым. Ван Жоюнь и Лян Лили обеими руками зажали уши, стоя на холодном ветру, и любовались хлопушками, а на их лицах светилась радость.

По завершении праздничной церемонии финансовый директор отдела Чжоу подошёл к Ши Цзинтяню с отчетом о запросе средств и сказал ему, что на счету проектного отдела не осталось денег. Он сказал, что договорился с финансовым директором второго отдела пойти вместе в управление участком и запросить средства, поэтому отпросился у Ши Цзинтяня с работы. Ши Цзинтянь, держа в руках сигарету, сделал затяжку, поторопил его с этим делом и распорядился, чтобы его водитель отвёз финансового директора Чжоу в управление участком.

Лань Хуадо приняла два отчета о запросе средств, поглядела изумлённо на обоих финансовых директоров и спросила, не стоворились ли они, что вместе придут требовать денег. Директор Чжоу и директор Ван отрицали это, утверждая, что им нечем платить за работу бригадам. Деньги приходится тратить на людей, транспорт, провиант – пусть Лань Хуадо поторопит Те Цзяня с выделением сумм. Лань Хуадо сказала, что Те Цзянь и Дан Хунци на заседании, что все деньги, которые в управлении используются для выхода на стройплощадку, занимаются у корпорации, авансовый платёж от заказчика не получен, у управления тоже денег нет, так что пусть они еще подержатся.

Пока она говорила, наверх поднялись Ши Цзинтянь и Ван Жоюнь. У входа в кабинет Лань Хуадо они просунули головы внутрь, чтобы поглядеть, что там происходит, затем повернулись и прошли к соседней двери, толкнули ее и вошли в кабинет Те Цзяня. Они не ожидали, что в кабинете окажутся Дан Хунци, Цзинь Гоин и Наньнань. Увидев Ши Цзинтяня, Наньнань с криком: «Дядя!» – подбежал к нему и схватил его за руку.

После того как присутствующие обменялись приветствиями, Те Цзянь попросил Ши Цзинтяня и Ван Жоюнь присесть на диван, перешёл из-за стола к дивану и тоже сел, сказав Цзинь Гоин, что они с Дан Хунци думают кое-что сделать для Наньнаня и им нужно знать, согласится ли она на это. Цзинь Гоин недоуменно спросила, о чем они думают. Те Цзянь напрямую ответил: Цзинь Гоин слишком занята, Наньнаня некому растить, а через два года ему нужно идти в школу. Строительство высокоскоростной железной дороги не должно мешать развитию ребёнка. Лань Хуадо пока не вышла замуж, может поиграть с ребёнком, но, когда ребёнок плачет или капризничает, она не знает, что и делать и не сравнится с Ши Цзинтянем. Поэтому они хотят подыскать для Наньнаня детский сад в посёлке, а весной, когда там начнутся занятия, возить мальчика туда на машине. Если он будет играть с другими детьми, характер

у него будет более общительным. Для него в этом много хорошего. Ван Жоюнь, услышав это, обрадовалась и похвалила эту идею Те Цзяня и Дан Хунци. Цзинь Гоин же сомневалась: она боялась, что из садика некому будет забирать Наньняня.

Дан Хунци сказал:

– Это решаемо. У кого в управлении будет время, тот и будет встречать Наньняня. Хуншань, Хуадо, Ян Сяо, а ещё охранники – любой их них может этим заняться. И Цзинтянь может заехать за мальчиком, если у него время будет! Все будем относиться к Наньняню, как к собственному ребёнку, это однозначно лучше, чем если он будет бегать по управлению.

Ши Цзинтянь немедленно заявил, что он и Ван Жоюнь, когда у них будет время, тоже могут помочь отвезти или забрать Наньняня из садика. Цзинь Гоин бросила на него взгляд и насмешливо сказала, что, если он презирает женщин – главных инженеров, о Наньняне ему нечего заботиться. Ши Цзинтянь густо покраснел, но ничего сказать не решился. Цзинь Гоин спросила, как они будут просить о садике поселкового председателя У. Те Цзянь, наблюдая за Ши Цзинтянем и улыбаясь украдкой, сказал, стоит лишь Цзинь Гоин согласиться, они с Дан Хунци обо всем договорятся. Работники «Китайских железных дорог» строят здесь высоко-скоростную трассу, поддерживая тем самым местное развитие. Конечно, ребёнку организуют пребывание в садике. На том и порешили.

Выйдя из кабинета Те Цзяня, Цзинь Гоин повела Наньняня за собой в свой кабинет. Ши Цзинтянь пошёл за ней следом, потрепал Наньняня по голове и попросил мальчика с ним попрощаться. Цзинь Гоин, подойдя к дверям кабинета, обернулась и уставилась на Ши Цзинтяня. Тот понимал, что она хочет сказать, и проговорил, глядя на неё:

– Сердце у тебя заледенело. Нужно, чтобы оттаяло.

Цзинь Гоин хотела было что-то сказать, но промолчала, лишь пристально посмотрела на Ши Цзинтяня, но тот развернулся и ушёл, спустившись вниз.

Ван Жоюнь и Дан Хунци остались в кабинете Те Цзяня. Едва Цзинь Гоин и Ши Цзинтянь ушли, как Те Цзянь ответил на звонок директора Чжао – он звонил все так же по делу Цяо Саня и сказал, что один руководитель попросил его обсудить это дело с Те Цзянем. Те Цзянь, не то соглашаясь, не то противясь, сказал, что у них есть способ решить вопрос, но все зависит от того, как Цяо Сань себя проявит. С этими словами Те Цзянь пригласил директора Чжао, если у него будет время, пообедать в управлении участком вместе с уездным председателем Ваном и поселковым председателем У. Директор Чжао решил, что Те Цзянь хочет потеснее сблизиться с местными властями, и пообещал, что попросит для него помощи у главы уезда.

Дан Хунци после этого вернулся в свой кабинет. У Те Цзяня остались только он сам и Ван Жоюнь. Те Цзянь подлил ей в чашку воды и спросил, есть ли у нее какое-то ещё дело. Ван Жоюнь ответила, что дел у нее нет, и спросила заодно, как дела у Хань Цюлю и Те Хунгэ. Те Цзянь два дня не звонил домой. Ван Жоюнь с грустью сказала, что вся семья от него зависит, и посоветовала ему беречь себя. Те Цзянь ласково поглядел на Ван Жоюнь и уклонился от ее расспросов, заговорив о тоннеле Янхэ и попросив ее вернуться и поторопить первый отряд, чтобы поскорее организованы были бригады и приступили к работе. Ван Жоюнь сказала, что ему не стоит волноваться, и продолжила спрашивать, чем она может хоть немного помочь Хань Цюлю. Те Цзянь с легкой улыбкой ее поблагодарил и ответил, что, помогать ни в чем не нужно: дома есть Хунгэ. Ван Жоюнь, поняв, что Те Цзянь ее предложения не оценил, поднялась с дивана и направилась к выходу из кабинета. В дверях она обернулась и вновь поглядела на Те Цзяня. Тот помахал ей рукой и смотрел ей вслед, пока ее силуэт не скрылся из виду.

В день, когда начались работы над тоннелем Янхэ, на площадке была установлена временная смесительная станция, заваленная механическим оборудованием. Раздавалось жужжание генератора. Хотя здесь и не проводилось такой церемонии, как во время начала строительства тоннеля Цзиньян, но Ши Цзинтянь распорядился, чтобы Чжао Хуалян, Чжу Хунцзюнь и командир рабочей бригады Ли Пэнфэй навели немного красок. В небе над порталом парило

несколько шариков, также туда подтянули длинные связки хлопушек. Вскоре местные крестьяне услышали, как трещат хлопушки, а затем – как заработали строительные фены и машины.

Однажды утром Цзинь Гоин, держа в руках стопку материалов, пришла в кабинет Те Цзянь. Те Цзянь, склонившись над столом, рассматривал чертежи, даже не поднимая головы, он попросил Цзинь Гоин сесть на диван. Цзинь Гоин положила материалы на чайный столик и сказала Те Цзяню, что в компании «Север—Юг» уже утвердили план организации строительства.

– Гоин, – рассеянно сказал Те Цзянь, – вы, главные инженеры, – все женщины, с тоннельными работами у нас проблемы будут, когда прокладывать начнут.

Цзинь Гоин страшно удивилась и спросила, что не так с женщинами. Те Цзянь пояснил: «Некоторые тоннельные бригады запрещают женщинам входить в тоннель, считают, что это к добру не приведёт, особенно же это касается бригад с юга Китая. Если женщина зайдёт в тоннель, как только она выйдет, они бесконечно запускают хлопушки, чтобы изгнать дурной дух». Цзинь Гоин с недовольством сказала:

– Это все предрассудки нищих, у самих тоннельных бригад дух дурной. Если женщина не может входить в тоннель во время тоннельных работ, то нельзя входить и женщинам-учёным, обучавшимся по специальности строительства тоннелей, и женщинам-специалистам по строительству? В некоторых бюро формируют ещё бригады работниц, чтобы они раскапывали тоннели, почему с ними ничего не происходило такого? Сколько показу-хи-то на этом проекте, раз тут женщинам нельзя в тоннель входить.

Она сказала, чтобы Те Цзянь не соглашался с этим требованием тоннельных бригад, иначе, если ей не разрешат входить в тоннель, а во время тоннельных работ возникнут проблемы, ответственности за это она нести не будет.

Те Цзянь, почувствовав, что ее тон не совсем обычный, тут же поспешил весело сказать, что у разных мест разные обычаи, он боится, если потом случится что в тоннеле, обвинят в этом их, женщин. Цзинь Гоин удивилась: «С чего это они будут винить их, главных инженеров – женщин? Если мужчина войдёт, так сразу ничего и не случится? Не менять своего мнения неверно. В прошлом, когда женщины не входили в тоннели, так же происходили обвалы, потому что стройбригады не строили в соответствии с требованиями и стандартами, вторичная обделка и портал были слишком большими, расстояние между ними превышало норму, а если не это, то на материале сэкономили, стенку перевернутой арки углубили слишком сильно, между первичной обделкой и стальной решеткой образовались щели». Те Цзянь понял, что был неучтив, и, хмыкнув, согласился с ней, сказал, что она права: пусть тоннельные бригады сами со своими воззрениями разбираются. На площадке все будут входить туда, куда положено. Он, Те Цзянь, это поддерживает. Цзинь Гоин сдержанно улыбнулась и сказала, он прислушивается к вздорным измышлениям тоннельных бригад, дискриминирует кол-лег-женщин, ему стоило пораньше подыскать другого главного инженера.

Те Цзянь ничего сказать не мог, лишь притворился, что упрекает Цзинь Гоин за несправедливое обвинение. Цзинь Гоин же настойчиво спросила, кто в первом отделе сказал ему, что женщины не могут входить в тоннель. Те Цзянь, покачивая головой, поднялся и принялся растолковывать ей, что нечего тут решать вопрос с нижестоящими. Цзинь Гоин предположила, что это однозначно был Ши Цзинтянь, раз уж первыми начались работы в тоннеле Цзиньян. Те Цзянь, видя, что дело далеко заходит, посоветовал Цзинь Гоин не волноваться. Цзинь Гоин прямо ответила, что она не волнуется, а очень даже разумна. Те Цзянь сказал:

– Ты сама только что сказала, что с Ши Цзинтянем разбираться будешь.

– Он хочет забрать у меня право на работу, с кем мне ещё разбираться, как не с ним? – сказала Цзинь Гоин. – Если всё будет так, как вы сказали, мне необходимо будет всерьёз с ним разобрататься. Посмотрим, чья возьмёт.

Видя упрямство Цзинь Гоин, Те Цзянь только и мог сказать:

– Хорошо-хорошо, твоя взяла.

Цзинь Гоин забрала материалы и пошла к выходу. Те Цзянь спросил, куда она направляется, и она бросила в ответ:

– На площадку.

К тому, что Те Цзянь упомянул лишь вскользь, Цзинь Гоин отнеслась серьезно. Так он и понял, насколько необыкновенны женщины. Едва Цзинь Гоин ушла, как Лань Хуадо вошла в кабинет с отчетами о запросе средств от двух отделов. Те Цзянь сказал, что вдоль линии требуется уладить немало вопросов с электроснабжением в электроэнергетических управлениях, он уже распорядился, чтобы с электроэнергетическим управлением связался первый отдел – возможно, придётся подготовить ещё некоторые деньги, иначе вопросы с электроснабжением решены не будут. Лань Хуадо передала ему отчёты и сказала, что на въезд на площадку у корпорации были заняты три миллиона юаней, которые почти полностью потрачены. В управлении участком как раз открывают счет, похоже, через несколько дней он будет готов. Как только поступят авансовые платежи, можно будет решать проблемы. Те Цзянь спросил, сколько денег ещё есть на счетах. Лань Хуадо ответила, что их меньше миллиона юаней, директора обоих финансовых отделов запрашивают деньги, ждут выделения средств. А если нет и одного миллиона, то выделять что-либо весьма затруднительно. Те Цзянь спросил, где финансовые директора обоих отделов, Лань Хуадо ответила, что попросила их вернуться в отделы, пообещав, что, когда придёт авансовый платёж от заказчика, средства немедленно выделят.

Те Цзянь немедленно подозревал Дан Хунци, чтоб посоветоваться с ним по вопросу выделения средств. Дан Хунци сказал, что обоим отделам непросто приходится, нужно их для начала поддержать, выплатив им сто или двести тысяч, иначе это может отразиться на настроении нижестоящих работников. Те Цзянь обеспокоенно сказал, что на счёте осталось менее миллиона юаней, поэтому трудно решить, кому же двести тысяч давать. Скоро Новый год, у управления должно остаться хотя бы несколько сотен тысяч. Лань Хуадо предложила всё-таки сначала выделить деньги отделам, а если у управления денег не останется, то можно снова запросить денег у финансового отдела корпорации и вернуть их, когда поступят авансовые платежи.

Наконец Те Цзянь поставил свою подпись на отчетах о запросе средств. Это очень обрадовало Ши Цзинтяня и Кун Цинжуна. Ши Цзинтянь представить себе не мог, что Цзинь Гоин, покинув кабинет Те Цзяня, позовёт с собой Вань Хуаншаня, и они вместе на машине отправятся на стройку тоннеля Цзинъян. Внедорожник катился по скользкой горной дороге, по обеим сторонам которой высились сугробы. Миновав главный въезд на смесительную станцию №1, Цзинь Гоин заметила, что пост охраны тоже достроен, на станции, несмотря на холодный ветер, работало более сотни рабочих, машины сновали туда-сюда, перевоза материалы. Ряды домиков из съёмных щитов во дворе уже были установлены, уже были готовы смесители, склады, забор, весы. Подъёмный кран монтировал танк для сырья, на котором было напечатано «Строительное бюро «Китайских железных дорог»».

Смесительная станция не была целью Цзинь Гоин, но, раз уж она попалась ей по пути, она решила обязательно зайти и посмотреть. Внедорожник повернул во двор смесительной станции, где остановился. Навстречу ему вышли Бао Те и Цуй Линхуа, у каждого в руках был чертёж. У Бао Те сверху меховой шапки была надета каска. Выглядел он так, будто спустился с Вэйхушань²⁶. Он сказал, что у него уши мёрзнут, поэтому он так и ходит. Цзинь Гоин, застегнув каску, сказала:

– Бао Те, ты холода боишься, а вот Линхуа почему не мёрзнет?

²⁶ Гора из китайского коммунистического романа, где жили разбойники, очень странно одевавшиеся. Коммунисты осадили их, и им приходилось одеваться в подручные вещи. (прим.перевод.)

Цуй Линхуа сказала, что у нее уши не мёрзнут, а мёрзнут ноги. Цзинь Гоин, опустив голову, поглядела на её ноги – на ногах у нее была пара туристических кроссовок. Цуй Линхуа, топнув ногами, сказала, что, если надеть хлопковые ватные ботинки, утомишься ходить. Цзинь Гоин хмыкнула и похвалила их за то, что место для смесительной станции выбрано неплохое. Бао Те доложил ей, что площадь смесительной станции не достигает десяти тысяч квадратных метров, станция находится на расстоянии одного километра от стройки тоннеля, на этом пустыре работать будут деревенские жители. Через пару дней всё здесь будет достроено, а он и Цуй Линхуа будут за всем следить. Цзинь Гоин, оглядывая площадку, отметила, что на площадке имеются условия транспортировки, позволяющие уменьшить расстояние перевозки бетона, она расположена вдали от зон с риском обвала, оползня, затопления и прочих катастроф, однако на ней нет водозаборной и защитной зон.

Разложив перед ней чертежи, Цуй Линхуа сказала, что выбор места для площадки и ее строительство идут в полном соответствии с утверждённым планом. Цзинь Гоин была очень довольна строительством площадки. Она немедленно направилась в лабораторию, чтобы посмотреть, как там обстоят дела. В лаборатории было много всевозможного оборудования: испытательный пресс, прибор для измерения содержания газа в бетоне, камера выдерживания. Цзинь Гоин предупредила Бао Те и Цуй Линхуа, что при производстве бетона нужно непременно уделять внимание объёму: если он превышен, то деньги утекут в никуда.

Когда Цзинь Гоин приехала на площадку тоннеля Цзиньян, у входа в него грохотали моторы, шумели строительные фены, крупная буровая машина с тремя сверлами стояла в зоне для оборудования. Ши Цзинтянь, увидев, что к ним направляется Цзинь Гоин с каской в руках, немедленно вышел ей навстречу. Бао Те и Вань Хуншань следовали за Цзинь Гоин. Ши Цзинтянь приветливо пригласил ее на площадку, Цзинь Гоин, оглядываясь на ходу, насмешливо слушала его речи, казавшиеся ей фальшивыми. Ши Цзинтянь, улыбаясь, ее сопровождал и относился к ней абсолютно не так, как во время первой их встречи. Он скромно рассказывал ей, что сейчас они строят портал тоннеля, внутри тоннеля будет установлена камера, снаружи тоннеля будет осуществляться функция контроля доступа, сотрудники, входящие в тоннель, должны будут проходить строгий контроль посредством регистрации через электронные чипы: как только им высветится разрешение на вход на мониторе, тогда они и смогут войти в тоннель.

Цзинь Гоин проигнорировала его рассказ, назвала его генеральным управляющим Ши и сказала:

– Если тоннель будет хорошо построен, заслуга будет ваша, если плохо, – ответственность тоже вы будете нести.

Ши Цзинтянь явно смутился и сказал, что такое к нему обращение может ему повредить, он работает под ее началом, но трудится на площадке. Вань Хуншань и Бао Те никогда не видели Ши Цзинтяня таким скромным. Улыбаясь тайком, они скрылись в сторонке.

Цзинь Гоин с холодком сказала:

– Куда уж мне вами руководить. Однако сегодня вы так скромны, тем не менее, скромность вовсе не значит, что вы все выполняете верно.

Ши Цзинтянь изумлённо спросил:

– Да что я опять не так делаю?

Цзинь Гоин не дала ему прямого ответа, лишь спросила, указывая на бурильную установку, обслуживается ли она, исправна ли. Ши Цзинтянь ответил, что обслуживается, укомплектована в соответствии со стандартами, скоро будут доделаны арка направляющей стены и опережающие анкера экрана из труб, кроме того, погружную бурильную машину и направляющую колонну уже можно задействовать в работах – скоро они приступят к бурению тоннеля, а можно ли ими пользоваться внутри тоннеля, зависит от геологических условий. Цзинь Гоин подняла голову, поглядела на портал тоннеля, издала одобрительный возглас и потребовала, чтобы при строительстве портала и тоннеля, возводящегося открытым способом, соблюдала-

лась концепция «минимального углубления», чтобы строители руководствовались принципом «раньше построить вход, позже построить выход», максимально избегали строить открытым способом и больше прибегали к закрытому способу, но соблюдали необходимые параметры по протяженности как открытого, так и закрытого участков.

Цзинь Гоин лишь притворялась, что пришла проверить стройку, а на самом деле приехала покритиковать Ши Цзинтяня. Цзинь Гоин спросила, не расположен ли пожарный пруд вблизи от портала. Ши Цзинтянь, указывая на вершину горы, сказал, что пожарный пруд расположен на высоте и довольно далеко от портала. Цзинь Гоин, увидев, что возле портала тоннеля кто-то, надев каску, с огромным усердием, работает, спросила, кто этот человек. К ней подошёл Бао Те и сказал, что это командир рабочей бригады Ли Вэйминь. Она велела Бао Те позвать Ли Вэйминя. Ши Цзинтянь сказал Ли Вэйминю, что Цзинь Гоин – главный инженер участка, и Ли Вэйминь наивно кивнул ей головой.

– Ты командир рабочей бригады?

– Заместитель командира, командир – Бао Те.

– По акценту слышу, ты с юга?

Ли Вэйминь рассказал, что родом он из Хунани. Цзинь Гоин сказала:

– Вот и хорошо, как раз мне нужно было кое о чём вас расспросить.

Ши Цзинтянь не мог догадаться, о чем же она хочет их расспросить.

Цзинь Гоин напрямую спросила:

– Слышала я, вы запрещаете женщинам заходить в тоннели, некоторые говорят, если женщина вошла в тоннель, там что-то случится. Это так?

Ли Вэйминь не понял, что она имеет в виду, лишь наобум ответил:

– Так, так.

Цзинь Гоин спросила, кто сказал об этом Те Цзяню. Мужчины переглянулись: все они были в недоумении. Бао Те и Ли Вэйминь сказали, что к Те Цзяню не ходили. Цзинь Гоин, опустив голову, направилась по склону к portalу тоннеля. Ши Цзинтянь, растерянно моргая, крикнул ей, что просто кто-то растерялся и сказал что-то, не подумав. Потом он спросил, о чем она всё-таки говорила с Ли Вэйминем. Цзинь Гоин тоже задала ему вопрос:

– Не знаешь, о чем это я с ним говорила?

Ши Цзинтянь еще не опомнился и сказал, что и правда ничего не понимает. Цзинь Гоин сурово сказала:

– Ши Цзинтянь, разве ты не говорил, что женщинам нельзя входить в тоннель? Мы с Жоюнь – женщины, если у вас будут технические проблемы в тоннеле, не нужно обращаться ко мне и к Жоюнь, сам разбирайся, а мы подождём.

С этими словами она подозвала Вань Хуншаня, и они немедленно уехали.

Густой снег покрывал горные пики, в ярком солнечном свете они слепили глаза, автомобили сновали туда-сюда по дорогам, кругом стоял шум. С высоты можно было увидеть, что на белоснежном поле промеж горных пиков темнеют участки земляного полотна и будущих мостов, на снегу установлены буровые машины.

Внедорожник Цзинь Гоин ехал вниз с горы. Вань Хуншань, сидевший на заднем сидении, посоветовал Цзинь Гоин не злиться и заступился за Ши Цзинтяня. Цзинь Гоин считала, что Бао Те и Ли Вэйминь на площадке по рангу далеко не дотягивают до руководства. С Те Цзянем общаться мог только Ши Цзинтянь. Чем больше она об этом думала, тем больше злилась. Женщины не могут заходить в тоннель – что ж, посмотрим, придёт ли к ней Ши Цзинтянь, если в тоннеле обнаружатся проблемы.

А Ши Цзинтянь, Бао Те и Ли Вэйминь, стоя на улице у дежурной комнаты, не могли взять в толк, что такое имела в виду Цзинь Гоин. Они спросили у Ши Цзинтяня, чем он вызвал недовольство Цзинь Гоин. Ши Цзинтянь, потирая голову, пораздумывал, и вдруг его озарило.

Он вспомнил, что говорил Те Цзяню, будто женщина, вошедшая в тоннель, приносит несчастье, а ему, в свою очередь, сказал об этом Ли Вэйминь.

Ли Вэйминь сказал:

– Есть такое, но я не просил вас об этом другим говорить.

Ши Цзинтянь стукнул его по голове и сказал:

– Ты во всем виноват, вот главный инженер Цзинь и правда все это приняла на свой счет.

Она сделала вид, будто площадку проверять приехала, а на самом деле хотела выяснить, кто передал начальнику участка, что женщины не могут входить в тоннель.

Бао Те посоветовал Ши Цзинтяню, если у того будет возможность, объяснить все Цзинь Гоин. Ши Цзинтянь понимал, что она главный инженер участка, по части техники она всем заведует, и повелел Ли Вэйминю и Бао Те больше не говорить о том, что женщинам нельзя в тоннель, когда она в следующий раз приедет на стройплощадку. Ли Вэйминь сказал: «Хорошо, пусть себе женщины в тоннель заходят, но, когда выйдут, они хлопушки запустят». Ши Цзинтянь, услышав это, вскинул ногу и с силой пнул его под зад.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Внедорожник Те Цзянь свернул с трассы на дорогу, ведущую на площадку второго отдела. Те Цзянь спросил шофёра, на какую площадку ездила Цзинь Гоин, тот ответил, что на площадку первого отдела. Те Цзянь сразу понял, что Цзинь Гоин ездила разбираться с Ши Цзинтянем.

Когда Те Цзянь приехал на стройплощадку второго отдела, несколько сотен рабочих трудилось на пронизывающем ветру – работа кипела. Вдалеке на снегу виднелись формы для изготовления мостовых конструкций и порталный кран, а также прочее крупногабаритное оборудование, ожидающее монтажа. Экскаватор и погрузчик выполняли работы по сооружению участка для складирования балок. В жилой зоне уже были завершены два ряда домиков из съемных щитов. Уже были установлены два смесителя 120-й серии и танк для сырья, на которых красовались одинаковые логотипы компании. Также уже была закончена крыша помещения для обработки арматуры, достроены такие помещения из съемных щитов, как склад материалов и лаборатория. Хотя погода и стояла холодная, но бетономешалка, невзирая на мороз, заливала бетоном дорогу, которую, чтобы обеспечить тепло, покрывали ватными одеялами и кусками цветной ткани.

Гао Юнхэн, одетый в ватное пальто, руководил работой экскаватора, досадуя, что фундаментная подушка недостаточно глубока. Он велел машинисту рыть поглубже. Командир рабочей бригады, размахивая руками, распорядился, чтобы экскаватор поглубже вгрызлся в землю.

Кун Цинжун, в строительной каске, стоял на главной дороге площадки и кричал, что в жилой зоне нужно установить паровое отопление, иначе зимой работникам будет очень непросто. Гао Юнхэн, с ногами, с комьями земли на ногах, подбежал к строителям и передал им это распоряжение, а затем вновь развернулся и спросил, не нужно ли также выполнить работы по утеплению и поддержанию зоны производства строительных конструкций. Кун Цинжун сказал, что поддерживаться она будет с помощью пара, сначала нужно добавить туда жилую зону и камеру выдерживания. Когда он снова повернул голову, то обнаружил, что племянник председателя Цяня с двумя молодыми людьми снова преследуют Юань Тинфэн. Вчетвером они подошли к нему.

Племянник председателя Цяня пришёл с целью получить работу, к тому же он сказал, что прислал его сам председатель Цянь. Юань Тинфэн шла вперед, спрашивая, что же они могут сделать, на что один из молодых людей, следуя за ней, ответил, что сделать они могут что угодно. Юань Тинфэн с усмешкой заметила: «Если вы можете делать что угодно, зачем же приходите сюда и вымаливать работу?» Племянник председателя Цяня, выпростав руку, потянул Юань Тинфэн за полу одежды, рассчитывая, что она остановится. Он стал объяснять, что поскольку всю землю в деревне реквизируют, если им дадут хотя бы немного работы по выравниванию площадки, им уже подойдёт». Юань Тинфэн, повернувшись, пристально поглядела на этого парня, вырвала полу своего пальто из его рук и сказала, чтобы они пошли и спросили обо всем Кун Цинжуна.

– Чего вы опять пришли? – нетерпеливо спросил Кун Цинжун. Другой молодой человек нахально ответил ему, что, все остальные уже почти закончили свою работу, а им до сих пор ничего не выделили – как-то нехорошо с ними поступают. Кун Цинжун вывалил целую грудку отговорок, чтобы отделаться от назойливых молодых людей. Племянник председателя Цяня сказал, что они тоже могут выполнить то, что выполняют другие, у них тоже есть экскаватор и транспортёр. Его дядя помог с реквизицией земли, обо всем они договорились, обещания дали, а работу отвели другим бригадам, чем племянник Цяня очень недоволен.

Кун Цинжун уклончиво ответил, что никому ничего не обещал, а все бригады назначили в уезде, так что пусть он вернётся и скажет председателю Цяню, чтобы тот разбирался с главой уезда. Племянник председателя Цяня сказал, что ни в каком уезде они не будут ни с кем разбираться, и вынудил Кун Цинжуна дать ответ, будет ли им, в конце концов, предложена работа. Кун Цинжун намеренно почесал в затылке, притворяясь, что озадачен, и сказал:

– С вами так трудно, я один ничего решить не могу, нужно еще объявить конкурс, нужно, чтобы цена была низкой, а вы так денег не заработаете. Как это твоему дяде передать?

Надувшись, один из молодых людей сказал:

– Да не верю я, что денег тут не заработаешь, кого вы надуть хотите? Если работы не будет, скажите председателю, что стройка останавливается.

Эти слова разъярили Юань Тинфэн. Она шагнула вперед и гневно сказала троем молодым людям:

– Как вы смеете? Как же вы достали! Дать вам работу – и все? Вы думаете, это ваша земля? Это земля государственная!

Племянник председателя Цяня был бессилён ей возразить, лишь подчеркнул, что его дядя помог для площадки реквизировать немалое количество земли, без него бы здесь не смогли начать работы. Юань Тинфэн сказала:

– Помощь в реквизиции земли он оказать должен был: если бы его не выбрали народные массы председателем, никому бы он не мог помочь, даже если бы захотел. А после реквизиции земли мы должны поэтому вам работу дать? Вся работа на площадке вашей семье отдать? Реквизиция земли производится после подписания контракта, за нее платят, не думай, что твой дядя, если он председатель в деревне, может тут произвол чинить. Управляющий Кун честь тебе оказал, а я, черт подери, никакой чести оказывать тебе не буду.

Кун Цинжун, услышав, что она сказала «черт возьми», испугался, что пойдут нехорошие слухи, поэтому тут же махнул рукой, чтобы ее остановить, а сам взял дело в свои руки.

Кун Цинжун отказал племяннику председателя Цяня. Промешкав долгое время, три молодых человека покружили с внешней стороны площадки, но вскоре снова вернулись к Кун Цинжуну и Юань Тинфэн. Юань Тинфэн с отвращением спросила, почему они все ещё не уходят. Племянник председателя Цяня отбросил окурочек и сказал, что хочет спросить самый последний разок, правда ли, что совсем никакой работы ему не дадут. Кун Цинжун, хмуря брови, сказал, что очень уж они докучливые. Вне себя от ярости, племянник председателя Цяня сказал, если для них работы не будет, пусть никто и не думает, что будет на этой площадке работать. Не верите – потом увидите.

С этими словами три молодых человека, ворча под нос, ушли. Юань Тинфэн закричала им вслед:

– Возвращайтесь и скажите вашему дяде, что я, Юань Тинфэн, не согласна. Передо мной, черт вас дерит, никто не смел ещё безобразия творить!

Кун Цинжун подумал, что на сей раз они вызовут недовольство председателя Цяня и неизвестно, на какую ещё уловку эти люди пойдут в будущем.

Внедорожник Те Цзяня въехал на площадку и остановился перед Кун Цинжуном и Юань Тинфэн. Оба они, крича: «Начальник!» – поспешили открыть ему дверцу машины. Те Цзянь, сидя в машине, увидел, как мимо проходят, ругаясь, три молодых человека. Те Цзянь не понимал, что произошло. Кун Цинжун и Юань Тинфэн во всех деталях рассказали ему о случившемся. Юань Тинфэн сказала, что племянник Цяня позволял себе наглости перед ней и Кун Цинжуном. Таких хулиганов нельзя не ругать, нельзя также поверить, что они исправятся. Кун Цинжун был немного обеспокоен и встревожен. Председатель Цянь лично проделал на площадке немалую работу по реквизиции земли, и, возможно, их ждёт все та же история с ценами на землю и потреблением электричества. В будущем, когда на площадку будет проезжать панелевоз, возможно, председатель Цянь соберёт жителей всей деревни, и они заблокируют дорогу.

Юань Тинфэн с осознанием собственной правоты сказала, если он осмелится собирать людей и преграждать дорогу, она осмелится поехать в уезд, в город, и пожаловаться на него.

Те Цзянь, оглядывая стройку, думал, как произошедшее впоследствии на них повлияет. Он считал, что не обязательно все будет так серьезно, как предполагает Кун Цинжун. Судя по реквизиции земли, хотя председатель Цянь и жаждет наживы, но, в целом, у него есть понимание общего положения дел. В будущем, если он осмелится собирать крестьян и преграждать дорогу строительной технике, это будет означать, что ему надоело занимать пост председателя. Потому что машина, которую он у них вытребовал, в любое время может оказаться неопровержимой уликой, от которой не избавишься. Кун Цинжун сказал, что, если эти люди воспрепятствует строительству, он придумает, как вернуть машину назад. Те Цзянь подчеркнул, что так он поступит только в крайнем случае. Те Цзянь спросил, обещали ли Кун Цинжун и Юань Тинфэн, что дадут работу племяннику Цяня. Юань Тинфэн покачала головой и ответила, что предложение поступало, но обещания они не давали. У Те Цяня в душе появилась надежда, что, возможно, племянник Цяня, прикрываясь дядей, пришёл сам требовать у них работу. Большинство сельских председателей, секретарей сельских ячеек хотят делать благие дела во имя народа, но, конечно, есть и нехорошие, коррумпированные чиновники. Племянник Цяня не может говорить от лица Цяня, пусть это не вводит Кун Цинжуна и Юань Тинфэн в заблуждение.

Юань Тинфэн сердилась, что эта банда парней так вызывающе разговаривает, словно работники «Китайских железных дорог» – это крестьяне под руководством дяди Цяня. Если дела и впрямь переменятся, самое большее, что она, Юань Тинфэн, сделает, это пойдёт к Цяню и попросит у него извинений. Те Цзянь успокоил её тем, что, если и впрямь до этого дойдёт, с ним будут разбираться вышестоящие. Сейчас важно достроить площадку, чтобы весной уже начать изготовление конструкций моста. Время и скорость – вот настоящая победа.

Кун Цинжун, выставив с площадки племянника председателя Цяня, увидел, что дверь центральной лаборатории открыта. Он знал, что там Цзы Ци занимается монтажом и наладкой аппаратуры, поэтому, обойдя зону обработки арматуры, вошёл в лабораторию. Цзы Ци, в теплом ватном пальто, устанавливала в лаборатории измерительную аппаратуру. Она старалась так, что даже вспотела. Он вошёл внутрь и увидел Цзы Ци, которая трудилась в одиночку, никто ей даже не помогал. Все ее руки были в лаке и ржавчине.

Кун Цинжун шагнул вперед и потянул Цзы Ци в сторону, сказав ей, чтобы она прекратила работу, а сам он, нагнувшись, с покрасневшим лицом, принялся двигать аппаратуру, расставляя её по местам. Цзы Ци, тем не менее, стала ему помогать поднимать аппаратуру на цементную тумбу. Кун Цинжун отряхнул руки и сказал Цзы Ци: «Тяжеленькая же эта вещица, не нужно ее тягать: если передвинуть сложно, если уронишь – можешь себе навредить». Цзы Ци вытасила влажные салфетки, чтобы он вытер ржавчину и масло с рук. В груди у нее вдруг затеплилось счастливое чувство. Подтвердилось, что Кун Цинжун – заботливый мужчина. Тогда она с глубоким чувством поглядела на этого человека и смело спросила, сколько у него было девушек. Кун Цинжун не знал, как ей ответить, а после долгого молчания сказал, что девушки у него были, но ни с кем ничего не получилось: родственникам девушек он не нравился. Цзы Ци лукаво спросила: Здесь тебе придётся работать несколько лет – где же ты будешь теперь искать девушку?»

Кун Цинжун сказал, что пока не думал об этом – вдруг он действительно не нашёлся, что ответить. Кун Цинжун, и правда, приглядывался когда-то к Цзы Ци и сравнивал ее с Лань Хуадо. В некоторой степени ему больше нравилась изящная и нежная Лань Хуадо. Но гораздо более веской причиной, по которой он остерегался Цзы Ци, было то, что её двоюродным дядей был Те Цзянь. После того как Те Цзянь, Цзинь Гоин, Юань Тинфэн и Вань Хуншань вошли в лабораторию, Те Цзянь сам первым заговорил о личных делах Цзы Ци и сказал, что ее мама звонит ему каждый день и торопит его с тем, чтобы он нашёл Цзы Ци жениха. Юань Тинфэн

сказала, что тот парень по фамилии Дэн не из государственных структур, он хочет, чтобы Ань Сюэжун покинула «Китайские железные дороги», переманивает ее на свою сторону. Сюэжун согласна, но она, Юань Тинфэн, не согласна. Цзинь Гоин, услышав эти слова Юань Тинфэн, была недовольна этим ее чрезмерным контролем.

Юань Тинфэн в оправдание сказала, что она проработала вместе с Ань Сюэжун столько лет – конечно, ей не хочется, чтобы та куда-то уходила. Цзы Ци, словно кокетничая, подтолкнула Юань Тинфэн и сказала, что Ань Сюэжун не утверждала, будто хочет уйти. Замуж она ещё не вышла, пусть Юань Тинфэн не беспокоится. Те Цзянь с позиций двоюродного дяди напомнил Цзы Ци, что выходить замуж лучше за человека из «Китайских железных дорог»: в компании немало хороших молодых людей. Юань Тинфэн откликнулась и сказала, что с давних времен свое чужим никто не отдаёт, но женщины выходят замуж за людей из других компаний, а в «Китайских железных дорогах» все больше становится холостяков. На одной площадке второго отдела сколько хороших парней, далеко ходить не надо, только вот девушки этого не замечают.

Покинув лабораторию, Те Цзянь распорядился, чтобы Цзинь Гоин и Юань Тинфэн направились в другую рабочую зону, а сам вместе с Кун Цинжун и Гао Юнхэном поехал поглядеть на зону для изготовления и складирования балок, где увидел, что Ань Сюэжун и Чжу Хунцзюнь бок о бок идут по линии моста позади зоны для подъёма и перемещения конструкций. Те Цзянь сказал Кун Цинжуну, что тот тоже не мальчик, нужно подумать и о личных вопросах. Кун Цинжун застенчиво улыбнулся и ответил, что он как раз об этом думает. Те Цзянь сказал:

– О, ну хорошо, как тебе Цзы Ци?

Кун Цинжун с одобрением отозвался о Цзы Ци, добавил, что оба они на одной площадке, отношения между ними – это отношения между начальником и подчиненной. Те Цзянь догадался, что тот боится, будто другие начнут распускать слухи. Кун Цинжун не отрицал, что в глубине души об этом думал. Но была и другая причина: ему нравилась другая женщина.

Кун Цинжун бессознательно перевёл взгляд на Чжу Хунцзюня и Ань Сюэжун, идущих вдалеке. На головах у них были каски, в руках – материалы, они проводили осмотр зоны для подъёма и перемещения конструкций и центральной линии будущего места. Ань Сюэжун сказала Чжу Хунцзюню: «После начала работы площадки отсюда будут подниматься на мост коробчатые балки. Поэтому первому отделу нужно пораньше взяться за большой мост». Чжу Хунцзюнь сначала сказал, что давление на них оказывается большое, а затем перевёл разговор на Сяо Иху и Дэн Лицяна. Он сказал Ань Сюэжун, что на сей раз компания Дэн Лицяна выиграла конкурс на поставку материалов в первом отделе, а против него, Чжу Хунцзюня, у Дэн Лицяна есть соображения.

Ань Сюэжун очень удивилась:

– Что тебе сказал заместитель Сяо?

Чжу Хунцзюнь ответил:

– Похоже, он считает, я против тебя что-то замышляю, он меня предупредил, что не надо на тебя планы строить. Потому что твой будущий свёкор – одноклассник главного инженера Вана. Я прямо рассердился... по правде говоря, хотя ты мне очень нравишься, но, кроме рабочих, какие я ещё на тебя строил планы?

Ань Сюэжун сказала, что Сяо Иху чушь городит, посоветовала Чжу Хунцзюню не слушать всякий вздор. Чжу Хунцзюнь, в хмуром настроении, сказал:

– Я все время думаю, раз уж заместитель Сяо такое мне предупреждение сделал, значит, твой парень ко мне отнёсся с предубеждением, даже сомневается, нет ли чего между нами. В прошлый раз, когда мы выпивали, он меня упоил в хлам, и я вполне ощутил его крайнее недоверие. Сейчас я даже не знаю, как с тобой общаться.

Ань Сюэжун потянула Чжу Хунцзюня за рукав и сказала:

– Дэн Лицян хотел, чтобы я ушла из бюро, но я пока не согласилась. Я привыкла к тому, как мы вместе работаем, и я совсем не хочу оказаться в условиях, где мне всё не нравится, где все не мое. Поэтому я думаю, что тебе нужно получше себя проявлять. Это то, что я хочу видеть.

Ань Сюэжун шла, шла – и вдруг вытащила телефон и позвонила Дэн Лицяну, спросив, что он сказал Сяо Иху про Чжу Хунцзюня. Дэн Лицян, конечно, упорно не признавал, что он что-то говорил. Ань Сюэжун сказала:

– Если ты ничего не говорил заместителю Сяо, как он мог предупредить Чжу Хунцзюня, что на меня не стоит строить планы? Кроме рабочих, между нами нет вообще никаких отношений, почему ты настолько не веришь в себя?

Дэн Лицян рассмеялся и сказал, что в себя-то он верит, а если в чем-то и сомневается, то только по причине условий, в которых работает Ань Сюэжун. Поэтому он убеждает Ань Сюэжун уйти из компании. Тогда таких казусов не будет. Ань Сюэжун сказала:

– Об этом я должна серьезно подумать. Но я хочу тебе замечание сделать. Что бы ты ни думал про себя, как бы сильно ни сомневался, ни беспокоился, не нужно свои настроения переносить на других, не надо досаждать посторонним.

Дэн Лицян сказал:

– Я все время сдерживаю себя, потому что я искренне тебя люблю.

Ань Сюэжун ответила:

– Истинная любовь всегда строится на взаимном доверии и поддержке. О Сяо Иху я всегда думала, что много в нем нечистого, много негативной энергии. Если ты с ним общаешься, тебя покрывает ужасающая темнота, мгла, охватывает и облекает тебя так, что ты не видишь больше света дня. Чем дальше тянется время, тем больше вероятность, что ты, в большей или меньшей степени, изменишься под его влиянием.

Дэн Лицян совершенно не согласен был с этими словами Ань Сюэжун. Он заметил, что это лишь её ощущение, а Сяо Иху и Ван Чжунли действительно оказывают ему помощь. Ань Сюэжун остановилась и сказала:

– Ты так думаешь, и это значит, что наши взгляды на дружбу, на жизнь, наши ценности – разного уровня. Тогда впредь не строй догадок относительно моих коллег, не сомневайся в людях, с которыми я работаю.

Это произошло в тот день, когда Цяо Сань возобновил работы по строительству насыпи, за которые он отвечал. Сяо Иху, Цяо Сань и Чжу Хунцзюнь стояли посреди площадки и наблюдали за выполнением работ. Сяо Иху подошёл к Чжу Хунцзюню и намеренно принялся превозносить Ань Сюэжун и Дэн Лицяна, мол, они просто прекрасная пара, семьи у них тоже хорошие, так что нечего ему строить планов на Ань Сюэжун, потому что за ней следит Ван Чжунли из компании-заказчика, будущий свёкор Ань Сюэжун – одноклассник Ван Чжунли. Чжу Хунцзюня до чёртиков злили такие «предостережения», поэтому он повернулся и ушёл с площадки, а вернувшись в проектный отдел, ещё долго пребывал в подавленном настроении.

Сяо Иху остался на площадке и принялся ластиться к Цяо Саню, непрерывно превознося его за то, что тот придаёт огромное значение братским чувствам, работу выполняет просто отлично, сражается в авангарде за первый отдел. Было бы неприятно, если бы эту работу ему не дали. Цяо Сань увидел в этом возможность пожаловаться на то, что уж слишком малый ему отведён объём работ – только одна насыпь. Сяо Иху притворился, что испытывает затруднение, и сказал:

– Ох, братец, было так непросто вымолить у них, чтобы ты продолжал уже начатое, я помог тебе, выпросил у них, несмотря на риск, что меня обругают и накажут. Лао Те настаивал: ты выходишь с площадки – и с концами, я и так и эдак его уговаривал – только тогда он согласился позволить тебе доделать эту работу. Сложно! Я всем рискнул ради тебя, мой брат!

Сяо Иху спросил, договорился ли Цяо Сань с первым отделом о подписании контракта, Цяо Сань ответил, что, конечно, договорился. Сяо Иху напомнил, как, в прошлый раз он просил его не скандалить с Ши Цзинтянем и Чжу Цзылаем – похоже, он верно поступил. Если бы разразился скандал, о каком бы контракте вообще могла бы идти речь? Цяо Сань отбросил на снег выкуренную наполовину сигару и сказал, что тогда он уж слишком сильно разозлился и если бы он не думал о репутации Сяо Иху, то давно бы вместе со своими ребятами бунтовал в первом отделе.

Сяо Иху ехидно сказал:

– Не нужно резать кур ножом, предназначенным для быков! Если тебе не нравится, что работы мало, то на большом консольном мосте еще есть задачи по строительству подъездных дорог и выемке грунта, ты можешь попробовать этим заняться.

В тот день Цяо Сань и впрямь подписал с первым отделом договор подряда на выполнение работ по сооружению насыпи. Перед тем как выйти из помещения, где подписывался договор, Цяо Сань долго ворчал на Ши Цзин-тяня, недвусмысленно демонстрируя, что хотя они и подписали контракт на выполнение этих работ, но в глубине души он все равно очень недоволен. С того самого момента, как отдел въехал на стройку, Цяо Сань постоянно им помогал, а работы ему в итоге дали только на зубок. Он словно попрошайка, поедающий объедки с чужого стола. Первый отдел по-настоящему его обижает. Ши Цзинтянь не сказал ни одного лишнего слова, лишь заявил, что в пределах его полномочий он может только поступить так, как поступил. Цяо Сань тут же упомянул о работах по выемке грунта и построению временного моста на участке большого консольного моста. Ши Цзинтяню следует эти работы отдать ему, они будут считаться компенсацией, и обо всем остальном Цяо Сань уже напоминать ему не будет. Ши Цзинтянь, положившись на свое чутьё и насторожённость, сказал, что это он решать не в силах. Цяо Сань сказал:

– Хорошо, если уж ты решать не в силах, то я винить тебя не буду, но, если потом мои ребята захотят эту работу выполнить, я сдерживать их тоже не смогу. Я хочу получить причитающуюся мне долю.

Глядя на удаляющуюся фигуру Цяо Саня, Ши Цзинтянь, словно от бессилия, покачал головой.

Цяо Сань уселся в свой «Мерседес» и, едва выехал за ворота площадки, сразу же позвонил Лао Сы, сказав ему, чтобы он взял с собой побольше ребят и отправился на стройплощадку большого консольного моста. Так он хотел заполучить в свои руки работу на этой площадке.

– А если не дадут?

– Так разве нет выхода? Вот ты тупица! – поругав его, Цяо Сань повесил трубку и отбросил телефон на заднее сидение.

Сяо Иху посеял в первом отделе новое зло. В этот день он по поручению Те Цзяня отправился на соседний участок, чтобы понаблюдать за темпами работы Те Гуна. Белый внедорожник ехал по дороге вдоль гор, которые по-прежнему были покрыты плотным слоем снега. Лишь изредка встречались в горах строительные площадки. Сяо Иху, сидя в машине, поглядывал по сторонам, и лицо его заливало самодовольство. Он думал, что в любом деле начало – сложнее всего, а у Те Гуна участок расположен высоко в горах, что еще сложнее. Они ещё не совсем активно приступили к делу, что оставляет возможности для Те Цзяня. Подумав об этом, он вытащил телефон и позвонил Те Гуну. Услышав, что к нему едет заместитель начальника участка Те Цзяня, Те Гун с любезностью и внимательностью распорядился, чтобы вниз спустился директор комплексного отдела и встретил гостя, а также чтобы в столовой приготовили еду. Те Гун, держа в руках чашку с чаем, протянул ее Сяо Иху и любезно сказал:

– Заместитель Сяо, почему вы заранее не уведомили нас о приезде? Мы не успели подготовиться и достойно вас встретить. Присаживайтесь.

Сяо Иху тоже находчиво ответил, что Те Цзянь отправил его сюда поглядеть на участок Те Гуна. На самом деле Те Гун давно догадался о цели его визита, понял, что того прислал Те Цзянь прощупать обстановку.

В полдень Те Гун в столовой набрал побольше блюд, открыл бутылку водки и наполнил до краев две рюмки. Сяо Иху поднял рюмку и выпил, вид у него был очень довольный. Он похвалил Те Гуна, что тот уже начал работу на нескольких площадках вдоль дороги. Те Гун прищёлкнул языком:

– Эх, но куда мне до вас, в отчете заказчика по количеству реквизированной земли и открытых площадок вы на первом месте, я аж тоскую от этого!

Сяо Иху сказал:

– Мы всем, чем только можно, воспользовались, нам тоже сложно было.

Те Гун сказал:

– Сложно всё! Вы быстро землю реквизировали, разом работу на площадках развернули, а я здесь ещё не очень много реквизировал. Бригады не решаются въезжать на стройку, если въедут – простой будет. Деньги утекать будут вовне напрасно. Да и к Новому году сложно будет организовать работу бригадам. Не сумеем исправить положение перед Новым годом, а после праздника фонарей²⁷ снова въедем на стройку – и ещё один или два месяца пройдет прежде, чем действительно приступим к работе. Вот уж верно: на шаг отстали – на каждом шагу будете отставать!

Выпив несколько рюмок, Сяо Иху стал более многословным. Он сказал:

– Братец, по правде сказать, сидя в машине и глядя на твои площадки, я не очень-то верил глазам. Перед приездом я еще думал, не знаю, насколько вы отстаёте, но, увидев, и правда думаю, у нас разница в дистанции ещё как есть.

С этими словами он расхохотался и поднял рюмку в честь Те Гуна. Те Гун, державший в руках рюмку, широко распахнул глаза, схватил Сяо Иху за руку и сказал:

– Брат, постой, что ты только что сказал? Мы отстаём, а ты так злорадуешь?

Сяо Иху сказал:

– Вы отстаёте от графика, поэтому я и остался тут выпить. А если бы вы нас опережали, где бы уж мне пристало пьянствовать с тобой? Так ведь? Братья у тебя – люди способные, выносливые до чертиков.

Те Гун опустил рюмку и гневно сказал:

– Брат, ты смеёшься надо мной или презираешь?

Сяо Иху на время остановился, а потом сказал:

– Ты, безусловно, молодец, но разве мы не конкуренты? А в конкуренции есть первые и последние, мы как раз-таки первые. Управлению поучись немножко у своих братьев.

После этих его слов Те Гун с застывшим выражением лица сказал:

– Эту водку я с тобой пить не могу. Я сейчас от вас отстаю, но это не значит, что меня стоит настолько отбрасывать назад! После Нового года мы усилим темпы, тогда тебе придётся меня выпить приглашать.

Сяо Иху, видя, что Те Гун разозлился, понял, что наговорил лишнего, и пригласил Те Гуна сесть и выпить. Те Гун, стоя у стола, со злобой сказал:

– Возвращайся и скажи своему начальнику участка, пусть я, Те Гун, и глупый, но не настолько, чтобы насмехаться над братом и его делами. Ха!

С этими словами, даже не поев, он повернулся и ушёл, оставив Сяо Иху одного за столом, в совершенно неловком положении.

Когда Те Цзянь покинул площадку для изготовления и монтажа конструкций моста, был уже полдень. Он не успевал вернуться в управление участком, потому остановил машину у

²⁷ 15 число первого лунного месяца, официальное окончание новогодних праздников в Китае. (прим.перевод.)

придорожного ресторанички, собираясь откусать вместе с Ши Цзинтянем несколько плетёнок маленьких булочек-баоцзы и несколько чашек супа из сушеных водорослей. Когда они уже собирались кушать, кто-то позвонил Те Цзяню. Это был Те Гун.

– Мы сейчас от вас, брат, отстали, но твой заместитель за рюмкой водки насмеялся над нами, думая, что мы слабаки. Это немного слишком, не считаешь?

Те Гун, называя Те Цзяня братом, предупредил его, чтобы впредь он не присылал никого подглядывать, что творится у него на стройке. Тем более он не хотел впредь видеть Сяо Иху. Тон Те Гуна был непреклонным, отчего Те Цзянь почувствовал себя очень сконфуженным, и пришлось ему беспрестанно просить у Те Гуна прощения. Когда Те Гун повесил трубку, Те Цзянь швырнул палочки для еды на стол. Он и подумать не мог, что, послав Сяо Иху разведать, как у Те Гуна дела, навлечёт на себя гнев Те Гуна, прямо-таки всё дело к краху приведёт.

После еды Те Цзянь, взяв с собой Ши Цзинтяня, устремился на стройку большого моста Янхэ. На конце моста на снегу из войлока был сооружён шалаш, где, свернувшись калачиком, прятался от ветра Ван Фантай. Двое рабочих управляли буровыми установками и выполняли работы по бурению, вокруг амбара для бурового раствора было выстроено ограждение из зелёной сетки, амбар был полон грязной воды.

– А где наши люди? – спросил Те Цзянь. Ши Цзинтянь поглядел по сторонам и напрямик направился ко входу в шалаш, ногами пнул его с обеих сторон. Ван Фантай, в меховой шапке, в синей ватной куртке, словно мышь-землеройка, выполз из шалаша. Те Цзянь с каменным лицом стоял у амбара и молчал. Ван Фантай понял, в чем вопрос. Амбар нужно было оградить крепким ограждением, но материалов еще не поступило, поэтому они и обошлись тем, что было, построив для начала простое ограждение.

– С таким ограждением вы еще осмеливаетесь бурить? А если заказчик приедет на площадку с проверкой, что делать будете? Один этот забор все заслуги участка в ноль выведет, – злобно сказал Те Цзянь, указывая на амбар. Он приказал первому отделу снести ограждение и построить новое.

Ши Цзинтянь отправил нескольких людей купить твёрдые защитные материалы, а Ван Фантай вместе с рабочими принялся сносить изначальное ограждение. Те Цзянь потребовал, чтобы впредь двойные усилия ни на что не тратились. Необходимо сразу все делать правильно. Глядя на буровые установки, он сказал Ши Цзинтяню, что нужно работникам учиться на ошибках, не нужно повторять на новой стройке давно исправленных ошибок.

В это время у Ши Цзинтяня вдруг зазвонил телефон. Ему звонил Чжао Хуалян с площадки большого консольного моста, докладывая, что пришли люди Цяо Саня и спрашивают работу. Скоро они с рабочими площадки подерутся. Те Цзянь, ругаясь на этих негодяев, решил лично встретиться с людьми Цяо Саня, поэтому Те Цзянь, Ши Цзинтянь и Чжу Хунцзюнь уселись в две машины, которые друг за другом устремились по горной дороге на стройплощадку большого консольного моста.

Большой консольный мост продольно пересекал реку, по обоим берегам которой следовала вдоль неё уже имеющаяся железная дорога, на правом берегу вдоль реки шла также трасса для автомобилей, по обоим берегам высились горы, главные опоры моста устанавливались на отменях с двух сторон реки. Внедорожник проехал по трассе меж двух гор, и в это время в левых окнах автомобиля можно было увидеть в низине чистый, стремительный поток широкой реки.

Вдалеке поперёк дороги стоял погрузчик, преграждая путь и образуя затор. Впереди, на отмели у подножий двух гор, были установлены две буровые установки. Толпа рабочих, одетых в толстые хлопковые куртки, сгрудилась вокруг буровых установок. Вокруг амбаров для бурового раствора рядом с буровыми установками красовалась защитная изгородь из твёрдого материала. На обеих буровых установках сидело по одному молодому человеку нагловатого вида, ещё два молодых человека стояли перед буровой установкой у обочины дороги

и мешали строительству. Ван Жоюнь, Чжао Хуалян и Лян Лили стояли напротив Лао Сы и двух молодых людей и что-то обсуждали. Люди, попавшие в пробку, окружили их, и то тот, то другой порицал людей Цяо Саня. Кто-то в толпе кричал:

– Давайте найдём машину и столкнём этот погрузчик в реку!

Лао Сы, размахивая длинным ножом, злобно вопил:

– Посмотрим, кто осмелится! Жизнь не дорога вам? Птенцы, наверняка ведь все слышали о брате Сане? А я Лао Сы. Если кто сегодня осмелится тронуть мой погрузчик, того я первым порешу!

Окружавшая его негодующая толпа в беспорядке отступила назад, но некоторые, не стерпев, закричали:

– Как это называется? Бюро «Китайских железных дорог» отказывается давать вам работу, а вы своими машинами преграждаете путь. Мы ведь вам ничего плохого не сделали.

Лао Сы, скрежеща зубами, сказал:

– Так тоже не пойдет. Если вы хотите проехать, заставьте строительное бюро немедленно дать мне работу – и дело кончено!

Чжао Хуалян яростно сказал:

– Пожалуйста, отгоните ваш погрузчик.

– Вы прямо сказали, а мы и отогнали? Посыте и на отражения своих рож в моче посмотрите, а потом так говорите.

Ван Жоюнь, в строительной каске, протиснулась вперед и сказала Лао Сы:

– Не сдвинешь погрузчик – сам носи ответственность за последствия.

Лао Сы, держа в левой руке длинный нож, хихикая, приблизился к Ван Жоюнь, правой рукой потянулся к ее щеке и, заигрывая, сказал:

– На стройке есть еще такие красивые девчонки, ну прямо вкусненькие!

Ван Жоюнь в страшном возмущении назвала его хулиганом и вlepила ему пощёчину. Лао Сы, зажав рукой щеку, уставился на Ван Жоюнь, с шумом вlepил ей ответную пощёчину:

– Ах ты сучка, смеешь меня бить!

Он поднял нож и направил его на Ван Жоюнь. Чжао Хуалян и рабочие, видя, что происходит, ринулись к Лао Сы и его помощникам и взяли их в кольцо.

Внедорожник Те Цзяня и Ши Цзинтяня медленно подъехал к погрузчику и остановился возле толпящихся людей. Те Цзянь увидел, что погрузчик и впрямь перегородил дорогу: ни спереди, ни сзади его нельзя было объехать, а цистерна с бетоном, естественно, тоже застряла позади.

Ши Цзинтянь подошёл к Лао Сы и, указывая на погрузчик, спросил, чья это машина. Лао Сы, вращая в правой руке длинный нож, повернул голову и покосился на небо, а сам беззастенчиво сказал, что зимой у них дела нет, вот и решили они присоединиться к работникам стройки, испросить кусок хлеба у «Китайских железных дорог». Лян Лили протолкнулась к Ши Цзин-тяню и сказала Лао Сы, что работы им не дадут. Лао Сы сказал:

– Тут наша земля, мои ребята тут повсюду.

Лян Лили с укором сказала:

– Вы безобразничаете, принуждаете нас работу вам дать, на сделку пойти, ещё и дерётесь, если такие смелые – идите к уездному руководству!

Лао Сы, в упор поглядев на Лян Лили, вдруг приставил нож к ее подбородку со словами:

– Хм, девчонка, нрав у тебя крутой, смеешь мне вызов бросать? Я и к главе уезда, и к секретарю вхож. Какое хорошенькое личико, не оставить ли на нем отметочку?

Ши Цзинтянь рванулся вперед, оттолкнул руку Лао Сы с ножом, загородил собой Лян Лили и сказал:

– Вы так говорите, прихвостни Цяо Саня, а чего, в конце концов, делать хотите?

Лао Сы сказал:

– Тебя Ши зовут, ты здесь управляющий? Мы делать ничего не хотим, лишь хотим, чтобы ты пожалел наших ребят. У нас есть готовые подъездные дороги и буровые установки, если только возьмёмся за работу, поможем вам разделаться здесь с любым делом.

Те Цзянь, не заходивший в толпу, был свидетелем этой сцены. Он распорядился, чтобы Чжу Хунцзюнь и Ван Фантай как можно скорее отогнали погрузчик, а также сказал рабочим заняться надлежащей подготовкой к самообороне. Ши Цзинтянь, зажатый в толпе, оказался лицом к лицу с Лао Сы и его людьми, и кровь бросилась ему в голову. Лао Сы нагло сказал:

– Можете и не давать нам работу, но тогда можете выплатить компенсацию. Сколько выплатите, управляющий Ши?

С этими словами Лао Сы приставил нож к груди Ши Цзинтяня. Ши Цзинтянь суровым голосом сказал:

– Обычно вы народ притесняете, теперь пришли притеснять нас, работников «Китайских железных дорог». Работу на высокоскоростной дороге могут выполнять любые бригады, но таким, как вы, мы ее дать не можем, так что откажитесь-ка от этой мысли.

– Не дадите, так? Хорошо, тогда мы вас поколотим! – задыхаясь от ярости, завопил Лао Сы. – Идите сюда, братцы, сегодня прольётся кровь!

Лао Сы и четыре молодых человека, с ножами в руках, встали в ряд против Ши Цзинтяня, Чжао Хуаляна, Ван Жоюнь и Лян Лили. Попавшие в пробку люди стояли на стороне Ши Цзинтяня. Ши Цзинтянь, широко распахнув налитые кровью глаза, шагнул вперед и сказал:

– Давайте, бейте! Если смелые такие, бейте прямо сейчас!

– Управляющий, поменьше им ерунды говорите, – вмешался разозлившийся Чжао Хуалян. – Ребята, бейте этого ублюдка!

Один из молодых людей потряс ножом перед Чжао Хуаляном:

– Бить нас? Кто не боится смерти, пусть выйдет сюда!

Те Цзянь протолкнулся вперед из толпы, оттолкнул Ши Цзинтяня и Чжао Хуаляна и оказался лицом к лицу с Лао Сы и его людьми. Ван Жоюнь, увидев, что пришёл Те Цзянь, заплакала, слезы сами собой потекли по ее щекам. Те Цзянь хлопнул ее по плечу и сказал:

– Я не боюсь.

Ши Цзинтянь заслонил собой Те Цзяня и сказал, что ему не нужно в это дело вмешиваться.

– Сегодня я все решу.

Те Цзянь оттолкнул Ши Цзинтяня и приблизился к Лао Сы.

– Ты приспешник Цяо Саня? – спросил он.

Лао Сы, испугавшись, спросил у Те Цзяня, кто он такой. Те Цзянь сказал:

– Я начальник участка Те Цзянь. Сегодня так холодно, а вы притащились на мою площадку! Хотя я о вас и понаслышан, но встретиться не доводилось. Вот мы и встретились!

Всё ещё не понимая, что происходит, один из молодых людей сказал:

– На этой земле нет таких, кто бы не боялся брата Сань и брата Сы, а ты, начальник участка, кто такой? Брат Сань и брат Сы нам скажут, и мы, как и всех, тебя уложим.

Те Цзянь, вскинув голову, расхохотался и сказал:

– Хорошо, а я вот хочу поглядеть, такие уж вы ужасные.

Лао Сы сказал:

– Стоит мне и брату Сань рот раскрыть, как ребятки всех сюда приведут.

Те Цзянь хладнокровно спросил:

– Хочу понять, сколько вас в конце концов?

– Чтобы с вами справиться, и пары десятков ребят хватит.

– Хе, куда уж вам! – насмешливо сказал Те Цзянь. – У тебя бойцов маловато. Знаешь, сколько у меня на стройке людей? По меньшей мере, пять-шесть тысяч. Даже если вас пять-

десять-шестьдесят, это всего лишь одна сотая наших людей. Если каждый из нас плюнет, вы в этой слюне просто потонете.

Лао Сы начал его остерегаться. Он отступил на шаг назад и спросил Те Цзянь, что он думает. Те Цзянь сказал:

– Это не я что думаю, а вы что думаете? Взяли ножи, решили побить моего управляющего и главного инженера, лицо моей работницы поранить? Смотрю, храбренькие вы. Идите-ка сюда, посмотрим, острые ли у вас ножи!

С этими словами Те Цзянь резко выхватил у Лао Сы нож, с силой согнул его так, что нож по форме стал напоминать букву «L», а затем отшвырнул его вдаль, на укрытый снегом лёд. Нож ещё долго крутился на льду. Лао Сы, видя, что происходит, оцепенел, трясась от страха, потребовал, чтобы Те Цзянь вернул ему нож. Те Цзянь приблизился к Лао Сы вплотную и сказал:

– Давай, я тебе верну... – и с шумом вlepил ему две затрещины, такие, что тот отступил на несколько шагов и повалился на снег. Глазеющая на это толпа завопила:

– Да! Верно бьёшь! Отлупить их надо!

Два молодых человека помогли Лао Сы, схватившемуся за свое лицо, подняться, и он сказал Те Цзяню:

– Смеешь меня бить?

Те Цзянь сказал:

– Это вы, бесстыдники, только бить и можете. Вы ведь никого по-настоящему не убивали, а я убивал!

Молодые люди, стоявшие за спиной Лао Сы, вытаращив глаза, поглядели на Те Цзяня, объятые ужасом.

– Ты убивал?

– Убивал. Я на второй год военной службы попал на фронт вьетнамской войны, занимался там ремонтом коммуникаций, сидел в бомбоубежищах, врага снарядами забрасывал и штыком колот – да так, что кровь по всей земле лилась и зубы вражки по всей земле сыпались, трупы горами валились.

Те Цзянь сказал Лао Сы и его нескольким приспешникам:

– И вы, несколько калек, смеете ножом угрожать мне, старому железнодорожнику? Не по адресу вы пришли. Скажу вам так: мы, железнодорожники, переступаем через горы и реки, если встанем – то мосты, если ляжем – то тоннели, рельсы и шпалы, а если умрем – то призраки дорог, которые никогда никуда не исчезают. У нас на плечах – тысячи километров бесшовных рельсов, над головами – стремительные высокоскоростные поезда. Мы люди твёрдые и непоколебимые, мы люди, оставляющие след на земле.

Чёткая, прямая речь Те Цзяня вызвала шквал аплодисментов. Ван Жоюнь и Лян Лили, стоявшие в толпе, благодарными глазами глядели на Те Цзяня.

– Брат Сы, мы... лучше уйдём, наверное?

– Уйдёте? – переспросил Те Цзянь. – Слишком просто для вас это будет, сначала извинитесь перед управляющим Ши, главным инженером Ван и начальником Лян.

Лао Сы с кислым выражением лица по очереди послушно подошёл к Ши Цзинтяню, Ван Жоюнь и Лян Лили и извинился перед ними. В это время Ван Фантай, держась за руль, высунулся наполовину из кабины погрузчика. Те Цзянь сказал:

– С сегодняшнего дня, куда бы вы ни пошли искать работу, мне будет все равно, только не смейте приходить к нам, на площадку строительного бюро «Китайских железных дорог». Придёте – мои ребята вас побьют. Это мой приказ. Мы простых людей не бьём, а местных хулиганов и безобразников бьём. Будете ещё мешать строительству – счёты будем сводить с вашим Цяо Санем.

Ван Фантай прыгнул с погрузчика и втиснулся в толпу. Лян Лили, увидев Ван Фантая, почувствовала в душе ещё большую обиду. Чжао Хуалян сказал, что Лао Сы угрожал ей ножом, Ван Фантай без лишних слов приблизился к одному из молодых людей, окинул его взглядом и принялся ругаться:

– Смеешь ножом махать и мою сестренку пугать?

Молодой человек заслонил ладонями лицо и указал Ван Фантаю на Лао Сы. Ван Фантай бросился к Лао Сы, сжимая кулаки, но его остановил Те Цзянь:

– Фантай, сбрось их погрузчик в реку.

Погрузчик в реку всё же не сбросили. Лао Сы взмолился о пощаде, и Те Цзянь разрешил им уйти. Ван Жоюнь, видевшая своими глазами противостояние на площадке, прониклась восхищением к Те Цзяню и сказала:

– Когда вы одолели этих негодяев, вами хотелось восхищаться. Откуда в вас такая сила?

– Мы на фронте не боялись даже смерти, где уж нам бояться нескольких негодяев?

Однажды утром после этого происшествия Те Цзянь приехал на стройплощадку первого отдела и, шагая плечом к плечу с Ван Жоюнь по горной дороге, снова заговорил о случившемся в тот день.

– Мы, железнодорожники, живучи и сильны, жизни у нас не забрать, с места нас не сдвинуть. Чего же нам бояться? Если страшно – нечего железные дороги строить. Какая линия в борьбе не строится?

Ван Жоюнь перед Те Цзянем чувствовала себя совсем ничтожной, потому лишь сказала дважды:

– Да, да.

Те Цзянь продолжал:

– В строительстве железных дорог нужно не только бороться с небом и землей, но и с людьми. Нет такой минуты, которую мы провели бы не в борьбе. Конечно, нужно бороться ещё и с собой. Если хочешь победить врага, сначала нужно одолеть себя. Я волнуюсь, что вы, встретившись с трудностями, отступите и в итоге не враг вас разгромит, а вы сами себя одолеете.

Тогда Ван Жоюнь полушутя, но отчасти серьезно, восхищенно сказала Те Цзяню, что он настоящий герой.

Лао Сы не смог выполнить поручение, которое дал ему Цяо Сань. Напротив, его с позором прогнали Те Цзянь, Ши Цзинтянь и все остальные работники. Цяо Сань, с сигарой в зубах, полулежал на стуле и со злобой сверлил Лао Сы взглядом. Лао Сы сказал, что на сей раз он опозорился, Те Цзянь весь его замысел разнёс в пух и прах, так и хочется взять вечером несколько ребят с собой и порешать этого человека. Цяо Сань положил сигару в пепельницу и размеренно сказал:

– Нет уж, ты с Те Цзянем и его шайкой не справишься.

Он сказал Лао Сы, чтобы тот смиренно ждал и не позволял более этим Те и Ши брать власть в свои руки.

Цяо Сань вновь обратился к Сяо Иху. Сяо Иху упрекнул подчиненного Цяо Саня за глупость. Ему не нужно было действовать так нагло, Те Цзянь – человек, пришедший с фронта, он на такое не купится.

Если они хотят получить работу, нужно действовать более разборчиво. Цяо Сань швырнул окурочек на снег и пообещал, что, когда представится случай, он сам возьмётся за дело. Сяо Иху предупредил его, чтобы он сначала доделал уже имеющуюся у него работу. Если в это время Цяо Сань решит высунуться, Те Цзянь ему потакать не будет. Цяо Сань отметил, что в этот раз, когда Лао Сы поехал на площадку, он, Цяо Сань, лично при этом не присутствовал. Если к нему придёт разбираться Те Цзянь, он ничего не признает.

– Эх, братец, слишком просто ты размышляешь, – сказал Сяо Иху. – Этот мой боевой товарищ вовсе не глупец, думаешь, тебя на площадке не было – так он не поймёт, что за спиной ты приказы отдаёшь? Возможно, он ещё и меня с вами склеит.

На другой день Цяо Сань принял звонок от Ши Цзинтяня. Ши Цзин-тянь сказал, что Цяо Саню нужно съездить в управление участком. Цяо Сань сначала думал, что в управлении его ждёт Сяо Иху, но он и подумать не мог, что Сяо Иху уехал в компанию «Север—Юг». Когда Цяо Сань вошёл в кабинет, Те Цзянь напрямую ему сказал:

– Директор Цяо, что же, за спиной у вас хулиганства всякие вытворяют.

Цяо Сань закатил глаза, притворяясь, что объяснения этим словам найти не может, и сказал, что не понимает Те Цзяня.

– Лао Сы – ваш человек?

– Лао Сы? Что с ним такое?

– Вы правда не знаете или притворяетесь, что не знаете? Он взял ваших ребят и пришёл к нам на стройку вымогать у нас работу, а еще размахивал ножом и пугал моих работников. Как жаль, что он оказался недостойным противником, – сказал Те Цзянь. – Похоже, кто-то за спиной подсказывает вам ходы, какой-то небожитель, наверное.

Цяо Сань, с кислым выражением лица, абсолютно не хотел признавать, что он в этом замешан. Те Цзянь, глядя на него, сказал:

– Так вы нас, работников бюро, вокруг пальца обвели, мы-то думали, вы умные. Посмотришь на ваши рожи, понятно же, что это вы были, а признать – духу мало. Знаете, что во многом поступили неверно, но все время душой кривите – и когда речи ведёте, и когда дела делаете. На словах чуть не песню поёте, все обещания даёте, а в душе люто меня ненавидите. Я в вас разглядел безобразие человеческой природы.

Так, выругав его, Те Цзянь посоветовал Цяо Саню вернуться и дать хорошенькое наставление своим приспешникам. Если они и в следующий раз осмелятся прийти на стройку и вымогать работу, нахальничать, он их тут же выкинет со строящейся насыпи.

Однажды вечером Те Цзянь, Дан Хунци и Цзинь Гоин пригласили в столовую управления участком главу уезда Вана, директора Чжао и поселкового председателя У За столом глава уезда Ван аж хлопал в ладоши, радуясь, что Те Цзянь проучил Цяо Саня и Лао Сы. Он сказал, что эта банда творит бесчинства в деревнях, а народ не решается с ними связываться. Он их когда-то предупреждал, если они снова помешают строительным работам, их арестуют. Директор Чжао напрямую сказал, что у Цяо Саня в уезде есть кое-какие связи, он подкупил кое-каких чиновников взятками. Этих людей забирали в полицейские участки, но сегодня схватят – а завтра отпустят, и ничего это не меняло. Они выходили на волю – и с новой силой творили бесчинства, только такие команды извне, как работники Те Цзяня, могут ещё их сдержать. Дан Хунци, подняв стакан, сказал, что он сначала хотел доложить о деле Цяо Саня в уезд, а тут Те Цзянь разом все разрешил. Те Цзянь пояснил: «То, как нужно обращаться с людьми, подобно работе на строительном объекте: нужно смотреть, кто же этот человек, какие у него пороки, и в соответствии с этим принимать меры. Цяо Сань и его люди будут вести себя жестко, если дать слабину, а вот если ты будешь вести себя жестко, то слабину дадут уже они. Однако на сей раз они все-таки выхлопотали себе выгоду»

Глава уезда Ван сказал Те Цзяню, что, может быть, в следующий раз эта шайка проходимцев пригласит вас, Лао Те, с ними выпить. Те Цзянь расхохотался и сказал:

– Цяо Сань будет со мной пить? Я могу поучаствовать в его грязных делишках? Да я даже, если меня на руках туда понесут, не пойду. Иначе как на нас будут смотреть местные люди? О, оказывается, начальник участка из серьёзного бюро водится с местной шпаной с нехорошей репутацией, вместе с ним трапезничает и водку распивает, братом его называет? Куда это годится?

Цзинь Гоин сказала, что Те Цзянь верно думает: у работников «Китайских железных дорог» на строительстве высокоскоростных железнодорожных путей так же остро стоит вопрос о народном доверии.

Когда водка наполовину была выпита, Те Цзянь, пользуясь тем, что все навеселе, обратился к главе уезда Вану по трём вопросам. Помимо реквизиции земли и предновогодних визитов, самым важным был вопрос поступления Наньнана в детский сад.

– Это личный вопрос, – сказал Те Цзянь. – Сын главного инженера Цзинь Наньнань с детства ездит следом за ней по горам. Ему уже больше четырёх лет, а он до сих пор не ходил в детский сад. Главный инженер Цзинь очень занята, не успевает следить за сыном. Ей хотелось бы найти в посёлке детский сад, чтобы после Нового года мальчик туда пошёл.

Глава уезда Ван повернул голову и передал этот вопрос поселковому председателю У

– Пустяки! О таком вам нечего волноваться: завтра я скажу об этом заведующему лучшим детским садом посёлка. Пусть чей-то ребёнок туда и не попадёт, но я могу поручиться, что сын главного инженера Цзинь поступит! – сказал поселковый председатель У – Прошу главу уезда и всех руководителей не волноваться. Если вопрос решён не будет, к ответу привлечь придётся исключительно меня.

Услышав, что дело с детским садом для Наньнана движется к решению, Цзинь Гоин, подняв стакан, встала и сказала, что, если вопрос с садиком Наньнана будет улажен, она избавится от огромной заботы. С этими словами она опустошила стакан в знак уважения местному руководству – запрокинув голову, выпила всю водку до дна.

Сяо Иху уклонился от этого застолья. Он, держа в руках сумку, торопился в компанию «Север—Юг» на встречу с Ван Чжунли. А в это время Го Фухай уже был в кабинете Ван Чжунли. Ван Чжунли, согнувшись, взвесил в руке пакет, стоявший у его ног, и спросил Го Фухая, что же он опять принёс. Го Фухай рассмеялся и вежливо ответил: «Ничего особенного, пожалуйста, Ван Чжунли, не возражай против этого подарка». Ван Чжунли со смешком сказал:

– На сей раз ты выиграл конкурс на поставку оборудования, но твоя бывшая жена Цзинь Гоин не знает, что это ты. Лао Сяо немало тебе в этом помог, тебе нужно пойти к нему и его поблагодарить.

Го Фухай неоднократно кивнул и сказал, что во время подачи заявки Сяо Иху специально предупредил его, что не стоит использовать собственное имя, боясь, что Цзинь Гоин обратит на него внимание.

Ван Чжунли сказал:

– В прошлый раз она сюда ко мне приезжала с докладом о плане организации строительства, я, кстати, тебя упомянул разок, а она очень недовольной стала. Похоже, недоразумение между вами очень уж глубоко.

Пока они так говорили, Сяо Иху толкнул дверь и вошёл в кабинет. Го Фухай поднялся и вежливо с ним поздоровался. Сяо Иху подумать не мог, что Го Фухай тоже приехал. Ван Чжунли сказал:

– Директор Го, заместитель Сяо очень ловок в делах, вы, занимающиеся оборудованием и материалами, все каким-то образом выиграли конкурс, а Лао Сяо не благодарите.

Го Фухай поднялся и несколько раз поклонился Сяо Иху. Сяо Иху махнул рукой и сказал:

– Не нужно меня благодарить, благодарите директора Вана, я лишь выполнял его указания. О, директор Го, за вашим сыном в участке присматривает то тот, то другой, у кого время есть, растёт мальчик, как беспризорник. На сей раз я предоставил вам возможность поехать на стройплощадку, если будет у вас время, можете пойти проведать вашего сына, все-таки он вам не чужой.

Го Фухай, испытывая вину и стыд, сказал, что может только украдкой поглядеть на Наньнана. Цзинь Гоин, если увидит, что он пришёл посмотреть на сына, впадёт в ярость. Сяо Иху зажег сигарету и с надменным видом сказал:

– У этой вашей жены характер тоже не сахар, выбирает карьеру, а не семью, каждый день мутит что-то с Те Цзянем, а о других ничего хорошего и не думает.

Ван Чжунли посоветовал Сяо Иху не говорить всякий вздор при Го Фу-хае. Сяо Иху сказал, что Те Цзянь слишком жесток, из-за того, что одна из местных бригад захотела выполнить небольшую работу на стройке, он на чем свет стоит их обругал – так что Сяо Иху и Те Цзянь чуть ли не рассорились.

В жизни часто случаются совпадения. Закончив выдачу уведомлений о проверке в конце года, Чжан Фучэнь прямиком направился в кабинет Ван Чжунли, толкнул дверь, вошёл и обомлел. Ван Чжунли спешно представил ему Го Фухая, сказав, что это бывший муж Цзинь Гоин, поставщик оборудования. Чжан Фучэнь спросил у него, почему они развелись, Го Фухай сконфуженно ответил, что характерами не сошлись. Чжан Фучэнь долго молчал, а потом, склонив голову, спросил:

– Вы не сошлись характерами и развелись, пришли поставлять оборудование строительному бюро «Китайских железных дорог», а ваша бывшая жена в управлении участком занимает должность главного инженера. Вот уж удачное совпадение.

Одной фразой он так напряг Го Фухая, что тому нечего стало сказать и он, волнуясь, попятился назад.

Чжан Фучэнь передал уведомление Ван Чжунли, специально поручил ему сегодня направить вниз уведомление о предновогодней проверке всех участков, напомнил, что ни одному бюро нельзя заниматься показухой, на площадках нужно действовать исходя из реальных фактов. Собираясь уже уходить, он снова повернулся к Го Фухаю и спросил его:

– На сей раз во время проверки продаж по себестоимости я встречаюсь с вашей бывшей женой. Передать ей привет?

Го Фухай униженно опустил голову и сказал, что у Цзинь Гоин слишком сильный характер, при встрече с ней лучше его не упоминать. Чжан Фучэнь, уже переступая порог, покосился на Го Фухая и сказал:

– Чтобы женщине стать главным инженером, ей непременно нужно обладать немалым мастерством. Без характера техническую работу выполнять непросто. Раз уж вы развелись, значит, между вами больше нет отношений, каждый делает выбор сам за себя! Надеюсь, вы не будете мешать работе и жизни друг друга.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Цзинь Гоин всеми силами пыталась забыть свой старый брак, ей не хотелось видеть Го Фухая, надеялась она охранить и Наньнаня, не позволяя Го Фухаю к нему притближаться. Поскольку Наньнаню нравился Ши Цзин-тянь, она тоже понемногу начала обращать внимание на этого мужчину. Ши Цзинтянь несколько раз высказал неуважение по отношению к женщинам, отчего Цзинь Гоин чувствовала некоторую неприязнь, пока в портале тоннеля Цзиньян не обнаружилось смещение напряжения и Ши Цзинтянь не попросил ее лично провести инструктаж на месте. Тогда она немного смягчилась. Цзинь Гоин сурово и негодуя спросила Ши Цзинтяня, пришёл ли он просить её о помощи или с докладом. Ши Цзинтянь, склонив голову, смущённо сказал, что им нужно, чтобы она проверила вариант решения проблемы со смещением, он просит ее отправиться на площадку и все проверить, тогда они уверятся в своём варианте. Цзинь Гоин, глядя на него, усмехнулась и сказала:

– В прошлый раз я говорила, раз вы не позволяете женщинам входить в тоннель, то если будут какие-то дела, ко мне обращаться нечего. Почему же ты приходишь за мной?

Ши Цзинтянь, почесав голову, горько усмехнулся и признался, что те слова он и впрямь передавал Те Цзяню. Цзинь Гоин фыркнула и сказала, что давно поняла, чьи это были слова. Она торжественно сообщила Ши Цзинтяню, что самые великие в мире – женщины, нет такого дела, которого женщина не могла бы не сделать. Ши Цзинтянь с готовностью принял её критику, терпеливо снес её самоуверенные высказывания, и Цзинь Гоин почувствовала к нему внутреннее расположение. Она сказала Ши Цзин-тяню, что для решения проблемы со смещением, нужно усилить ориентировку и контроль позиционирования стальных труб, скрытых в арке портала, строго в соответствии с планом установить расстояние между трубами и внешней дугой арки, угол их наклона, обеспечить точное положение точек бурения. К тому же несущая способность грунта у боковой стены тоннеля, строящегося открытым способом, должна соответствовать проектным требованиям, необходимо начисто очистить грунт от осколков, мягкого выветренного слоя, ни в коем случае нельзя допустить перебор осколков в обратной засыпке. У основания внешней стенки тоннеля нужно копать в вертикальном направлении с определённым уклоном внутрь в соответствии с планом, чтобы повысить противоскользкую способность основания. Если проектная отметка не соответствует требованиям чертежей, необходимо вовремя предложить внесение изменений в проектировку. Договорив, Цзинь Гоин, видя, что Ши Цзинтянь признает и готов исправлять ошибки, согласилась отправиться на площадку и на все посмотреть, но предостерегла его, чтобы впредь он более не говорил, что женщинам нельзя входить в тоннель.

Ши Цзинтянь был очень рад тому, что между ним и Цзинь Гоин устранено противоречие. Когда он покидал кабинет Цзинь Гоин, его позвал с собой Те Цзянь, собиравшийся поехать на машине на площадку тоннеля Цзиньян. Ши Цзинтянь сказал Те Цзяню, что только что признал свои ошибки перед Цзинь Гоин и, можно сказать, трудности теперь пройдены. Те Цзянь сказал, что Цзинь Гоин, когда начинает злиться, подобна тигру, а если не злится, подобна овечке – человек она хороший. Те Цзянь напомнил, что после Нового года Наньнань пойдёт в детский сад, и попросил Ши Цзинтяня, если у того будет время, встречать и провожать мальчика, что сможет сблизить его с Цзинь Гоин. Ши Цзинтянь сказал, что Цзинь Гоин непременно назвала бы это преследованием скрытых намерений.

– Что значит скрытые намерения? А даже если и скрытые намерения, то что с того? Вам обоим уже за тридцать, одна развелась, второй целыми днями по стройкам бегаёт, когда же пару себе искать будете? Пусть даже вас судьба свела, кто тут что сказать сможет? – спросил Те Цзянь. – В таких делах ничего плохого нет. Наньнань тебя любит, не хочет с тобой разлучаться,

и она, Цзинь Гоин, непременно взвесит это в уме. У ребёнка появится отец, родной или нет, – все лучше, чем никакого. Если тебя не тяготит, что она разводилась и у неё есть ребёнок, я могу помочь вам сойтись.

Ши Цзинтянь немного сомневался. Он сказал, что Цзинь Гоин – главный инженер участка, работник уровня руководителя департамента, а он управляющий отделом, работник уровня заместителя руководителя департамента, где уж она на него посмотрит? Те Цзянь сказал:

– Почему так себя принижаешь? Мы в строительстве опираемся на вас, начальников отделов. Она, главный инженер, значит, высокочтима и уважаема, а ты, управляющий отделом – так сразу и хуже всех? Да разве не такая же она, как я и ты, из железа выкованные, никогда не изменяющие себе, не лишаящаяся своих жизненных принципов? Думаю, что вы очень друг другу подходите: ранги и должности ничего выразить не могут, кроме рабочих требований, обязанности у вас разные.

Едва они проехали склад взрывчатых веществ по пути к тоннелю Цзинъян, как Те Цзянь попросил шофёра свернуть туда, чтобы поглядеть на склад. Со двора склада выехал грузовик, перевозящий взрывчатые вещества, на его плотно закрытом кузове были напечатаны иероглифы «Второй химический завод». Внедорожник свернул во двор и остановился. С четырёх углов склада были установлены камеры наблюдения, вплотную к ограде прилегал деревянный каркас, висели огнетушители, заступы, ведра, метлы и прочий противопожарный инвентарь. На агитационном стенде располагалась инструкция о действиях на складе, правила управления взрывчатыми веществами гражданского назначения. Большая чёрная собака громко залаяла на Те Цзяня и Ши Цзинтяня. Два кладовщика вышли из дежурки и поприветствовали руководителей. Один из них был молодым рабочим, в зубах он держал сигарету. Те Цзянь протянул руку, вытащил сигарету у него изо рта, бросил на землю и потушил подошвой башмака, после этого спросил у рабочего, откуда он. Молодой рабочий, испуганно попятившись, сказал, что его направила сюда бригада.

– Ты из бригады Ли Вэйминя? Как звать тебя?

– Ван Дачэн.

Те Цзянь спросил:

– Ван Дачэн? Цзинтянь, почему не направили нашего внутреннего работника смотреть за складом?

Ши Цзинтянь объяснил, что этот человек – шурин Лао Ли, а второй кладовщик, средних лет, как раз и есть внутренний работник бюро. Те Цзянь возмутился, что он, назначенный, смотреть за взрывчаткой, курит: жизнь ему не дорога, что ли? Он велел Ван Дачэну повторить наизусть требования по управлению складами взрывчатых веществ. Ван Дачэн тут же заволновался, запинаясь и покашливая, изложил правила.

– Есть ещё одно правило, которое ты не запомнил.

Ван Дачэн, почесав голову, ответил, что вроде нет больше правил. Те Цзянь гневно прочитал ему нотацию:

– Работникам склада взрывчатых веществ не разрешается курить – это ты знаешь? Машина второго химического завода только уехала, взрывчатые вещества поступили на склад, а ты сигарету в зубах держишь. Если хоть малейшую искорку ветер донесёт в складское помещение, то ближайшие деревни будут разрушены в прах. Курить на складе взрывчатки – почти что сидеть на пороховой бочке.

С этими словами он велел Ши Цзинтяню заменить этого работника.

Ван Дачэна прогнали обратно на стройку тоннеля Цзинъян, где Ли Вэймин в рабочем забое тоннеля распоряжался работниками по части безопасности, чтобы они решили проблему с опасными камнями. Свод тоннеля пробивала буровая штанга, каменные глыбы с грохотом падали вниз. Увидев, что у портала стоит Ван Дачэн и зовёт его, Ли Вэйминь выбежал из рабо-

чего забоя и спросил, что случилось. Ван Дачэн в смятении рассказал ему о том, что произошло на складе взрывчатых веществ. Услышав это, Ли Вэйминь рассердился, что Ван Дачэн посмел курить на складе взрывчатых веществ. Неужели ему жизнь не дорога? Ругаясь, Ли Вэйминь влепил ему оплеуху и отправил его работать в бригаду, занимающуюся раскапыванием земли.

Ван Цюянь, узнав, что её младшего брата обидели, тут же отвела своего мужа Ли Вэйминя на кухню и поссорилась с ним. Ли Вэйминь тоже очень разозлился. Он сказал, что позволил Ван Дачэну поработать на строительстве тоннеля и жаловаться тут нечего. Следить за взрывчаткой – работа, сама по себе не сложная, но и тут он натворил дел. Совсем непонятно, что же он может делать. Ван Цюянь, сдержав упреки, напомнила, что они много лет работают с Ли Вэймином, но на сей раз он очень жестоко поступил с ее братом. Ли Вэйминь сказал, что Ван Цюянь слишком уж о нем печётся, если бы он не был ее братом, давно бы его прогнали. Ван Цюянь, отбросив кухонные принадлежности, которые были у нее в руках, ответила, что если Ван Дачэна прогонят, то и она сама вернётся домой, больше не будет целыми днями страдать с Ли Вэймином в горных ущельях. Ли Вэйминь уселся на корточки на входе и, закурив, сказал:

– Хочешь уходить, иди со своим братом, мы сейчас уже не сами работаем, как раньше, мы бригада, зачисленная в состав строительного бюро «Китайских железных дорог».

Ван Цюянь сказала Ли Вэйминю:

– Это ты захотел в состав войти, а раньше мы и так хорошо работали и денег зарабатывали больше, чем сейчас. Сейчас зарабатываем меньше, а гонору у тебя стало больше.

Ли Вэйминь сказал:

– Даже если много будет денег, польза в этом какая? Сейчас мы зарабатываем меньше, чем раньше, только оплату за работу, но мы теперь частные лица в подчинении государственного предприятия. А этот твой брат, что бы ни делал, только родством со мной пытается воспользоваться, а завершить ничего не способен. Я каждый день из-за него лицо теряю.

Ссоре Ван Цюянь и Ли Вэйминя конца не было. Она, с трудом переводя дыхание, потащила за собой Ван Дачэна, собираясь покинуть стройку и вернуться домой, и очень кстати столкнулась лицом к лицу с Те Цзянем и Ши Цзинтянем, которые после долгих уговоров удержали Ван Цюянь и Ван Дачэна.

В управлении участком и в отделах и начальство, и подчинённые готовились к последней перед Новым годом проверке со стороны заказчика. Ши Цзинтянь и Чжао Хуалян следили за ходом строительных работ на площадке тоннеля Цзинъян, когда на чёрном «Мерседесе» приехал на стройку Цяо Сань. Машина свернула на дорогу, идущую вверх по склону, и перед въездом на пустырь путь ей преградил барьер. Цяо Саню и сопровождавшему его молодому человеку пришлось выйти из машины. Ши Цзинтянь повернулся и поглядел в их сторону, увидел, как Цяо Сань, в суконном пальто, с сигарой в зубах, пошатываясь, поднимается вверх по склону. Ши Цзинтянь вышел ему навстречу со словами:

– По какому случаю почтили нас визитом?

Цяо Сань затянулся сигарой, поглядел по сторонам и сказал:

– После того, как работы на участке насыпи возобновились, я ни разу не встречался с Вами.

Ши Цзинтянь ответил:

– Вы уже работаете, что ещё вам нужно?

Цяо Сань покрутил головой в разные стороны и сказал:

– На насыпи работы ведутся, однако те дела, о которых мы говорили во время измерительных работ в шахтах, и по сей день не выполнены.

Ши Цзинтянь ужасно удивился и спросил, что же там не выполнено. Цяо Сань ответил:

– В работе я всегда следую принципу, что каждому нужно выполнять свое дело, в чужое не вмешиваясь, никогда никаких повторных расчетов не производя, но отвечая за каждую цифру. То, что я приступил к работам на насыпи, – это плата за то, что помог Вам вырубить

деревья и занять землю, поэтому эта работа мне причитается. А в том, что касается измерения шахт, сделка состоялась только наполовину. Я своё слово сдержал, а Вы не сдержали, и теперь я требую объяснений.

Ши Цзинтянь, размахивая руками, указывал на происходящее вокруг, сказал:

– Сами посудите, какую вы тут работу выполнить сможете? Тоннель вам не проложить, мосты высокоскоростных железных дорог вы не строите. Я тоже думал, что вы ещё можете поделаться, но нет ничего такого, что бы ваша бригада смогла выполнить. При строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали речь идёт о жизни и смерти, это вам не строительство свинарника или курятника, где можно работать кое-как. Если обнаружатся проблемы с качеством, вы в итоге и денег не заработаете, и арестуют вас. Такая игра свеч не стоит – что вы делать в таком случае будете?

Цяо Сань как-то неотчётливо пробормотал:

– Настолько серьезно? Мы безошибочно действовали, когда крышей десятиэтажные дома покрывали, и высокоскоростную железную дорогу строить научимся.

Чжао Хуалян сказал:

– Если хотите учиться строить высокоскоростную железную дорогу, нужно платить за обучение, даже если забросите нам несколько десятков миллионов юаней, это вовсе не значит, что вы всему научитесь.

Цяо Сань палец направил на грудь Ши Цзинтяня и сказал, чтобы он действовал правдиво. Раз уж он вначале сказал, что по обстоятельствам нужно назначить для Цяо Саня работу, то он, Цяо Сань, ждёт хороших новостей на этот счет. Ши Цзинтянь попросил Те Цзяня выбрать любую работу на участке, где началось строительство. Если он способен будет понести убытки, то он может делать все, что только пожелает. Эти слова по-настоящему напугали Цяо Саня. Он гневно поглядел на Ши Цзинтяня и, в нерешительности хмыкнув, отбросил сигару на снег и уселся в машину.

Чтобы справиться с проверкой заказчика, каждый отдел в волнении готовился к ней целый день и целую ночь. На другой день Те Цзянь, Дан Хунци, Цзинь Гоин, Сяо Иху, Лань Хуадо, Вань Хуншань, Ян Сяо и другие работники управления участком в полном составе отправились с проверкой на площадку, сопровождая Чжан Фучэня, Ван Чжунли, руководителя департамента Хуана, генерального проектировщика Лу, а также людей, работающих в авторском надзоре. Сяо Иху и Ян Сяо ехали впереди на самом первом внедорожнике. Заказчики ехали следом на микроавтобусе. Сяо Иху по мобильному телефону позвонил Ши Цзинтяню и сказал, что первым делом инспекция прибывает на площадку тоннеля Цзинъян, спросил, как подготовился Ши Цзинтянь. Ши Цзинтянь сказал, что он готов. И в самом деле, Ши Цзинтянь провел большую подготовительную работу. На площадке повсюду красовались цветные флажки, у портала тоннеля стоял стол, на котором стопкой лежали каски. Несколько десятков рабочих, одетые в одинаковую камуфляжную ватную одежду, в касках на головах, стояли строем на пустом пространстве у портала тоннеля и ожидали приезда руководителей. Но они никак подумать не могли, что крестьяне с фермы, где разводили лис, вдруг соберутся на перекрёстке и перегородят дорогу, ведущую в горы. Чжао Хуалян поторопил деревенского председателя, сказав, что скоро на площадку приедут с инспекцией, поэтому нужно поскорее увести этих людей. Один мужчина средних лет сказал, что дорогу как раз-таки перегородили ради руководителей: только руководители могут помочь им решить эту проблему. Чжао Хуалян в волнении сказал крестьянам:

– Проектный отдел уже все для вас решил, деньги вам в компенсацию выплатил, что вам еще нужно, чего-то не хватает?

Выскочила женщина и сказала:

– Конечно, не хватает: умерло несколько десятков лисиц, а значит, умерли и маленькие лисята, которых они не родили, и лисята, которых должны были родить эти лисята. Вы нам

такую маленькую компенсацию выплатили и думаете, этого хватит? Лисицы умирают, как мы можем не обвинять в этом строительство?

Ещё один мужчина завопил:

– Если не вас, то кого вообще винить? Если бы вы не взрывали тут, лисицы бы не пугались и не умирали. А одна умрет – это минимум десять тысяч юаней.

Чжао Хуалян убеждал их поговорить потом, когда проверка закончится, и не загораживать проход. Другая женщина возбужденно сказала:

– Мы на кусок хлеба себе зарабатываем благодаря лисицам, если вы нам деньги не выплачиваете, то сегодня мы обратимся к руководителям.

Деревенский председатель был бледен: ни один крестьянин его не слушал. В одно мгновение огромная толпа зевак обступила героев этой сцены, и становилось их всё больше и больше.

Ши Цзинтянь и Ли Вэйминь, Бао Те сначала стояли на склоне, глядя, как Чжао Хуалян препирается с крестьянами. Они очень злились и думали, что сегодня эти люди определённо не прекратят скандалить, они непременно хотят поставить первый отдел в некрасивое положение. Ли Вэйминь возмущённо окликнул Ван Дачэна и попросил его подготовить погрузчик. Если и дальше будут шуметь, их растолкают машиной.

Те Цзянь и Чжан Фучэнь совершенно не знали, что произошло на стройке тоннеля Цзинъян. Те Цзянь и Дан Хунци, сопровождавшие Чжан Фучэня, сидели на переднем сидении, а позади в микроавтобусе сидели Цзинь Го-ин, Ван Чжунли, генеральный проектировщик Лу, директор департамента Хуан. У каждого из них в руках была стопка докладов. Чжан Фучэнь удовлетворенно сказал, что в соответствии с отчетом о начале работ строительное бюро «Китайских железных дорог» заняло первое место на всей линии. А Ван Чжунли неодобрительно отнёсся к этому сообщению Чжан Фучэня и предупредил Цзинь Гоин, что быть первым на линии непросто: нужно быть мысленно ко всему готовыми.

На склоне у тоннеля Цзинъян несколько крестьян с лисьей фермы взяли в кольцо Чжао Хуаляна. Ши Цзинтянь заволновался так, что даже вспотел. Чтобы устранить блокировку дороги и оказать сопротивление, он вместе с Ли Вэймином и Бао Те спустился вниз, потому что нельзя было им не посоветоваться с крестьянами. Один из мужчин, находясь в крайнем возбуждении, сказал, что из-за строительства от страха умерло несколько его лисиц. «Если компенсации выплачено не будет, даже не думайте отсюда проехать», пригрозил он. Бао Те, места себе не находя от волнения, сказал:

– Сколько вам еще надо компенсировать? Вы думаете, у государства можно выманить сколько угодно денег?

Другой мужчина сказал:

– Ничего мы не выманиваем – мы лишь хотим разумно поговорить.

Ши Цзинтянь спросил:

– Как так разумно? Лисицы умерли – и нужно деньги вам за это дать, это ваш разумный разговор?

Женщина средних лет, протянув руку, сказала:

– Мы крестьяне, руководство придет на проверку – и должно будет нам эту проблему решить.

Ши Цзинтянь сказал:

– Чтобы проблему решить, в посёлок идите, в прошлый раз мы вам навстречу уже пошли и компенсацию выплатили, а вы опять к нам с этим пришли, вы этим просто всех нас обижаете.

Мужчина рванулся вперед и схватил Ши Цзинтяня за воротник со словами:

– Что вы себе думаете?

Ши Цзинтянь с силой оттолкнул от себя мужчину, и тогда женщина закричала в сторону деревни:

– Строители из «Китайских железных дорог» людей бьют!

Рабочие, бывшие у портала тоннеля, стояли на возвышенности и видели, что происходит внизу. Услышав крик женщины, они, ужасно возмущившись, сбежали вниз и обступили крестьян. Стало очевидно, что они стали друг против друга, готовые к противоборству. Ши Цзинтянь позвонил Сяо Иху, чтобы уведомить его: народ скандалит и дорогу перегородил, скоро рабочие с крестьянами с фермы раздерутся. Пусть лучше инспекция отправится сначала на другую площадку. Сяо Иху передал эту новость Те Цзяню и Дан Хунци. Лицо Те Цзяня тут же помрачнело. Переговорив между собой, они солгали заказчику, что у тоннеля Цзиньян на подъездной дороге сломалась машина, производится экстренный ремонт, спросили, не может ли Чжан Фучэнь сначала поехать на площадку для изготовления и монтажа конструкций моста. Чжан Фучэнь, посмеиваясь, согласился. На самом деле в глубине души он все понимал, но не мог не пощадить репутацию Те Цзяня и, как ни в чем не бывало, дал согласие ехать на площадку второго отдела.

Рабочие площадки все так же стояли против крестьян из лисьего питомника. Ши Цзинтянь знал, что инспекция изменила маршрут и сердито сказал крестьянам:

– Руководитель компании-заказчика сегодня не приедет. Продолжайте тут толпиться.

С этими словами он распорядился, чтобы Чжао Хуалян поскорее отправился на площадку большого консольного моста, настойчиво потребовав, чтобы на этой контрольной точке не возникло никаких проблем. Чжао Ху-алян выступил из толпы, позвал пикап, стремительно покинул площадку и направился на стройку большого консольного моста.

Крестьяне, мешающие строительству, не поверили словам Ши Цзинтяня: им казалось, что он уж точно солгал. Ругаясь на чем свет стоит, они сказали, что, если вопрос с компенсацией решён не будет, даже и без приезда руководителя, пусть никто не думает, что сможет въехать на площадку или выехать с неё. Ли Вэйминь более терпеть не мог и начал браниться на скандалящих крестьян:

– С ними по-человечески, а они наглеют!

Стоило ему это произнести, как одна из женщин ринулась к нему и влепила оплеуху, в бешенстве крича:

– Он ещё ругаться смеет, да я тебя убью, южная ты рожа!

Ли Вэйминь схватил женщину за полы ее одежды, одним ударом повалил на землю. Началась суматоха. Ши Цзинтянь, видя, что происходит, заревел:

– Всем прекратить, нашим людям отставить и идти назад!

Рабочие опустили руки и отошли в сторону. Один из крестьян, стоявших поблизости, вызвал по телефону полицию. Ли Вэйминь, с покрасневшими от ярости глазами, удержал Ши Цзинтяня и сказал, что не надо ему вмешиваться, а сам вытащил мобильный телефон и позвонил Ван Дачэну:

– Вези сюда погрузчик и насмерть их всех передави.

Ван Дачэн уже давно сидел в кабине погрузчика. Ответив на вызов Ли Вэйминя, он отбросил телефон на сидение, завёл двигатель, мотор взревел.

Ли Вэйминь, размахивая обеими руками, сказал:

– Кто смерти не боится, пусть дорогу нам преграждает, кого убьём, тому я заплачу.

В это время Ван Дачэн с шумом повёл погрузчик вниз по склону.

– Дави их.

Крестьяне, видя, что на них несётся погрузчик, быстро скрылись от него по обеим сторонам подъездной дороги, поняв, что дела плохи, и фермеры с лисьего питомника поспешно отскочили с дороги. Крестьяне закричали:

– Им жизнь не дорога, и правда давить нас поехали!

Ли Вэйминь в гневе заорал:

– Если кто впредь опять посмеет на дороге проход загораживать, тот жизни лишится.

В это время на подъездной дороге показалась машина полицейского участка, откуда вышли два полицейских в форме, и погрузчик вынужден был остановиться. Полицейские вызвали Ван Дачэна из кабины. Они подошли к погрузчику, огляделись и спросили:

– Кто только что беспорядки устраивал?

Ши Цзинтянь вышел вперед, представился и, указав на некоторых преграждавших дорогу крестьян, сказал:

– Они узнали, что к нам сегодня с проверкой приезжает заказчик, и перегородили дорогу, а ещё побили нашего работника.

Полицейские подозвали крестьян. Несколько женщин и мужчин с лисьей фермы, дрожа всем телом, принялись оправдываться, что Ван Фантай хотел сбить их погрузчиком.

– С чего это вас сбивать? – мужчины и женщины, помяллив, умолкли. Ли Вэйминь сказал:

– У них лисы умерли, и они сказали, что это от испуга, из-за наших взрывов, они уже раз у нас деньги выманили, сегодня опять выманивать пришли.

Полицейские не стали много говорить, а увезли Ван Дачэна и нескольких крестьян в участок для дальнейших разбирательств.

Когда инспекция приехала на площадку для изготовления и монтажа конструкций моста, их горячо приветствовали работники площадки. На головах у работников были каски, одеты они были в плотную хлопковую спецодежду. Они стояли строем по обеим сторонам дороги и хлопали в ладоши так, что руки покраснели. По всей площадке развевались разноцветные флажки. Чжан Фучэнь изумлённо ахал, видя многочисленное оборудование, огромный склад материалов, краны, гигантские сооружения для изготовления балок и высоко вздымающиеся смесительные станции, содержащуюся в полном порядке жилую зону. Он с улыбкой сказал Те Цзяню:

– Было непросто вырваться вперёд с такой большой площадкой, ещё и зимой. Из всех площадок для изготовления и монтажа конструкций моста ваша – первая на всей линии, скорость строительства у нее самая большая, стандарты самые высокие.

Те Цзянь, взяв в руки строительную каску, сказал, что ребята старались изо всех сил, не останавливаясь ни днем, ни ночью, зажигали костры, покрывали дороги одеялами, чтобы сохранить тепло, и мужчины, и женщины выходили на поле боя.

Площадка уже залита цементом, цемент затвердел, не хватает только озеленения, но этим будут заниматься уже весной.

На площадке уже были установлены тумбы, на своих местах были формы для отлива балок и арматурные связи. Повсюду можно было видеть домики из окрашенной листовой стали, первая партия балок уже была готова. Чжан Фучэнь прошёлся по зонам изготовления и хранения конструкций, стоя у оконечности коробчатой балки, он заглянул внутрь и оглядел ее. В это время Ван Чжунли пробрался к форме для изготовления балок, внимательно определил критерии связанных вместе арматурных стержней, линейкой измерил их шаг, проверил нахлест вязки арматуры. Закончив измерения, он записал результат в тетрадку. Ань Сюэжун, видя, что происходит, тоже подобралась к нему и поглядела, что записал Ван Чжунли.

Ван Чжунли записал немного преувеличенное значение шага арматурных стержней. Такое значение можно было считать дефектом. Ань Сюэжун сказала, что обработка арматуры производится на заводе, такой ситуации возникнуть не должно. Ван Чжунли бросил ей линейку и сказал, чтобы она сама измерила. Ань Сюэжун не знала, плакать ей или смеяться, сказала, что все немедленно будет исправлено и попросила его, чтобы этот дефект не сказывался на рейтинге всего проекта. Ван Чжунли на ее предложение не обратил внимания.

Все вышли из утепленного домика. Ань Сюэжун знала, что неблагоприятные показатели во время проверки таят в себе огромный вред, на сердце у неё было беспокойно. Она посоветовалась шёпотом с Юань Тинфэн и Цзинь Гоин, после чего Юань Тинфэн и Цзинь Гоин подошли

к Ван Чжунли и попросили его не вычитать баллы из общего рейтинга. Ван Чжунли, однако, их не поддержал. Ань Сюэжун вспомнила, что Дэн Лицян говорил, будто Ван Чжунли – одноклассник его отца. Тогда ей пришлось воспользоваться этими своими связями, она назвала Ван Чжунли дядей Ваном, сказала, что Дэн Лицян каждый день ей звонит и переживает, если она плохо выполнит свою работу и у неё вычтут баллы, то она не сможет быть главным инженером. Ван Чжунли, кажется, понял её намерение, но от ответа всё же уклонился, сказав, что неблагоприятную запись сделал не на её счет. На чей же счет он сделал этот вывод, он напрямую не сказал, и Ань Сюэжун была сбита с толку.

Затем Ван Чжунли снова направился в помещение для обработки арматуры, проверил соответствия маркировок и товарных знаков, сделал об этом записи. Цзинь Гоин, Ань Сюэжун и Юань Тинфэн внимательно следили за Ван Чжунли. Ван Чжунли, нагнувшись, глядел на маркировки и модели. Ему не нравилось, что подставка для штабелированная арматуры недостаточно высока: арматура может покрыться ржавчиной. Несущая сила заржавевшей и новой, только что с завода, арматуры различна, что является критическим несоответствием. На лице Цзинь Гоин отразилось недовольство, она посоветовала Ван Чжунли побольше учитывать хорошие моменты. Ван Чжунли не обратил внимания на Цзинь Гоин, он продолжал двигаться вперед и говорил, что проверка не превозносит за достижения, а критикует за недостатки, если только работа не выполняется идеально. Если он не найдёт ни одного недостатка, можно считать, что он, главный инженер предприятия-заказчика, стал беспринципным добрячком. Услышав это, Цзинь Гоин, Ань Сюэжун и Юань Тинфэн ужасно заволновались.

Наконец инспекция покинула площадку для изготовления и монтажа конструкций моста и отправилась в местоположение первого отдела. Ань Сюэжун позвонила Чжу Хунцзюню на площадку большого моста Янхэ и сказала ему, что Ван Чжунли все проверяет строго и тщательно. Пусть Чжу Хунцзюнь будет как можно более внимательным, иначе у него могут отнять баллы. Чжу Хунцзюнь немного заволновался и тут же сказал Ван Фантаю, чтобы тот был начеку. Чжан Фучэнь и Ван Чжунли сделали один круг по двору места проживания первого отдела, но не пошли на площадку моста Янхэ, которую охраняли Чжу Хунцзюнь и Ван Фантай.

Решив проблему с препятствующими работе крестьянами, Ши Цзин-тянь все ещё был на площадке тоннеля Цзиньган и внимательно следил за передвижениями инспекционной группы. Услышав, что инспекция прибыла в местоположение первого отдела, он позвонил Чжао Хуаляню и спросил, готова ли к проверке площадка большого консольного моста. Чжао Хуалян и Шао Шуай в это время решали ещё одну проблему с крестьянами, мешавшими работам. Толпа стариков и старух в толстых ватных халатах, сидя на раскладных стульях, загораживали боковую дорогу стройплощадки. Было мучительно холодно, и Чжао Хуалян с Шао Шуаем советовали старикам уйти и не мерзнуть.

Но старики зажгли сигареты и сказали, что возвращаться им незачем, они будут тут сидеть и ждать. Им, местным, не дают работу, все деньги зарабатывают люди из других местностей, деньги утекают прочь – это никуда не годится. Шао Шуай сказал, что на этом мосте подрядчиком является его бригада. Чтобы тут работать, нужно пройти конкурс, государственными проектами не может заниматься всякий, кто этого желает. Один старик сказал:

– Нам на это плевать. Кто нам, местным, работу даёт, тот хороший человек.

Чжао Хуалян спросил:

– Кто вас сегодня сюда прислал?

Старики наперебой ответили, что прислал их Цяо Сань, за день заплатил им сто юаней. С этими словами они вытащили из карманов пампушки и стали их жевать.

– Мы все с собой еду взяли, в полдень будем тут кушать, никуда не уйдём!

Чжао Хуалян, услышав, что этих стариков завербовал Цяо Сань, незаметно включил телефон и стал делать запись, а сам намеренно снова задал старикам вопрос, чтобы оставить у себя улику. Чжао Хуалян сказал:

– На дорогах столько машин, а вы уже не молодые, если вас машина собьёт, что делать будете?

Некоторые старухи ответили, что они не боятся этого: кто их собьёт, тот будет компенсацию платить. В этом возрасте они все равно долго не проживут, а если их придавят или собьют, то они оставят на жизнь детям и внукам немного денег.

Банда стариков безостановочно болтала, трещала, пришлось Чжао Хуа-ляну и Шао Шуаю позвонить Ши Цзинтяню, доложить ему о том, что работам мешают нанятые Цяо Санем старики, поэтому нужно, чтобы инспекционная группа на большой консольный мост не приезжала.

Ши Цзинтянь с напряжённым лицом дал им команду уговорить стариков уйти, а сам позвонил Дан Хунци и доложил о случившемся. Дан Хунци приблизился к Те Цзяню и тихим голосом передал всё ему. Те Цзянь страшно разозлился и сказал:

– Опять Цяо Сань, ну его к черту.

Он велел Дан Хунци спросить, как обстоят дела у тоннеля Цзинъян: если там все успокоилось, то сначала инспекция поедет туда.

На площадке тоннеля все успокоилось. Перед тоннелем снова выстроились строем в несколько рядов бригады, все ожидали приезда заказчика. Машины инспекционной группы проехали в разукрашенные ворота и приблизились к тоннелю. По личной команде Ши Цзинтяня в горной долине загремели аплодисменты. Когда Чжан Фучэнь и члены инспекционной группы вышли из машины, работники в спецодежде, с рабочими пропусками на груди, навывтяжку стоявшие сбоку, протянули прибывшим минеральную воду и каски. Действовали они согласованно.

Когда инспекционная группа проверяла оборудование, Те Цзянь скрылся в сторонке и позвонил Цяо Саню.

– Ах ты подлец, – ругался Те Цзянь, – подкупил шайку стариков, чтобы они загоразивали мою дорогу.

Цяо Сань курил сигару у себя в кабинете – естественно, он не признал, что стариков на стройку направил он.

– Ты не отправил, ты им дал денег, нанял их, – сурово сказал Те Цзянь. – Хочешь меня дураком выставить? Хорошо, тогда даю тебе три дня, чтобы ты убрался с участка насыпи.

Пока Те Цзянь звонил Цяо Саню, Чжан Фучэнь, Ван Чжунли и все остальные уже вошли в тоннель. Сяо Иху приблизился к Ван Чжунли и специально напомнил ему, склонившись к его уху:

– Главный инженер Ван, поглядите на этот тоннель...

Ван Чжунли понимающе кивнул. Длина красной линии на боковой стенке рабочего забоя составляла более сорока метров. Ван Чжунли, повернув голову, спросил, кто начальник бригады, Ши Цзинтянь немедленно подозвал Бао Те и Ли Вэймина, сказав, что первый из них командир основной бригады, а второй – его заместитель, что у них превосходная бригада. Ван Чжунли, указывая на боковую стенку, спросил:

– На сколько креплений за один цикл вырабатывается боковая стенка?

Ши Цзинтянь ответил:

– Не более двух.

Цзинь Гоин тоже стала объяснять, что перед выработкой обратной арки нужно сперва закончить анкерное крепление, которое за один цикл углубляется не более, чем на три метра. Чжан Фучэнь спросил, после окончания выработки, при закреплении в кольцо первоначальной крепи, насколько далеко, в соответствии с правилами, рабочий забой должен отстоять от вмещающей породы четвёртой, пятой и шестой степени? Ши Цзинтянь сказал, что не более, чем на 35 метров. Ван Чжунли сказал:

– А сейчас какое расстояние?

Бао Те, указывая на боковую стенку, сказал, что примерно 45 метров. Тогда Ван Чжунли вытащил линейку и велел Ли Вэйминю измерить боковую стенку.

– Этот шаг превышает стандарты, – сказал Ван Чжунли, забирая линейку и оборачиваясь. – Почему я задал этот вопрос? Разве вы не знаете, какие жесткие на площадке правила? Размеры вырабатываемого сечения соответствуют проектным требованиям, однако контур выработки нечёткий, что свидетельствует о том, что измерения не были должным образом проведены. Боковая канава, кабельная траншея и основание боковой стенки должны сооружаться одновременно, однако вы этого не делаете. Вся выработка должна производиться в соответствии с размером линии выработки, указанным в чертежах, с поправкой на резервную деформацию. Резервная деформация должна своевременно регулироваться в соответствии с результатами измерений. Эти вопросы очень серьёзные.

Ши Цзинтянь, вытирая выступивший на лбу пот, объяснил, что они только-только начали прокладывать тоннель, а последующие строительные работы как раз разворачиваются. Чжан Фучэнь перед всеми поддержал Ван Чжунли и сказал:

– Этот вопрос главный инженер Ван задал к месту.

Те Цзянь униженно опустил лицо. В глубине души он понимал, что Ван Чжунли нарочно к нему придирается, и он в гневе упрекнул Ши Цзинтяня, Бао Те и Ли Вэйминя, спросив, почему они не придают значения таким вопросам. Ван Чжунли совершенно не принял во внимание чувства Те Цзяня и поставил тоннелю неудовлетворительную оценку. Те Цзянь, глядя на Ван Чжунли, бешено швырнул на землю каску и гневно заорал:

– Ши Цзинтянь, как ты вообще стал управляющим? А ещё Бао Те и Ли Вэйминь, неужели вы думаете, что обойдётесь только тем, что темпы повысите?

Видя, как повёл себя Те Цзянь, все остолбенели, застыли посреди рабочего забоя. Ван Чжунли, конечно, знал, почему Те Цзянь разгорячился, гневно на него посмотрел и сказал:

– Ай, начальник Те, зачем вы так каску швырнули? Не думайте, что вы получите первое место на линии, если у вас много площадок открыто и темпы быстрые, думаю, для вас и второе, и третье место – уже неплохо.

Те Цзянь сделал вид, что улыбается, и сказал:

– О, председатель Чжан, главный инженер Ван, не стоит во мне сомневаться. Я не люблю небрежных людей. Вы вовремя пришли с проверкой и обнаружили проблему, и замечание сделали верное.

Чжан Фучэнь похлопал Те Цзяня по плечу и сказал ему, что не нужно так расстраиваться. Хорошо, что тоннель только начал прокладываться, по-этому больших проблем из-за ошибки не будет, нужно лишь крепко взяться за ее устранение. Что до итогового рейтинга, его они обсудят, когда вернутся к себе в компанию.

После того как инспекционная группа уехала, Ши Цзинтянь, Чжу Цзы-лай, Ван Жоюнь, Чжао Хуалянь, Бао Те, Ли Вэйминь втиснулись в дежурную комнату стройплощадки. Каски с шумом упали на стол, в комнате повис-лагнетущая атмосфера. Ши Цзинтянь гневно сказал:

– Первыми тоннель начали прокладывать, хотели заказчику красивую картинку показать, но получили дурную оценку – как вы вообще работаете то так? Из-за вас мы теряем баллы в рейтинге в конце года и в оценке репутации! Как мне это объяснить? Позор!

Ван Жоюнь сказала, что с тоннельными работами они знакомы отлично, кто бы мог подумать, что Ван Чжунли специально решит к ним придраться. Ши Цзинтянь с каменным лицом сказал:

– Это он придирается? Нет, это мы плохо выполнили работу. Вы все должны внутрь смотреть, свои проблемы выискивать, не нужно винить заказчика.

Ван Жоюнь, горько плача, сказала:

– Это мое упущение как главного инженера.

Бао Те, которому было очень стыдно, сказал, вина не на Ван Жоюнь, а на нём: это он пренебрёг производственным процессом. Он сам попросил, чтобы ему назначили взыскание.

Ли Вэйминь искренне сказал:

– Управляющий, секретарь, в этом всё никто не виноват, только я, я был плохим заместителем начальника бригады. Если и правда из-за меня у всей линии вычтут баллы, то я отказываюсь от своей зарплаты за этот месяц.

Ши Цзинтянь оглядел всех собравшихся и сказал, что еще никогда не видел Те Цзяня в таком гневе. Первый отдел испортил репутацию строительного бюро «Китайских железных дорог», и это дело непременно нужно расследовать, и, когда придёт время, он готов принять наказание.

Те Цзянь, проводив инспекционную группу, вернулся в управление участком, но не торопился решать проблему с неудовлетворительной оценкой тоннеля Цзиньян, а позвал в управление Сяо Иху, Ши Цзинтяня и Чжао Хуаляна, а также оповестил Цяо Саня, что будет разбираться по вопросу найма стариков и старух, которые преградили дорогу на участке моста. Те Цзянь боялся, что их неуверенность в ситуации может сыграть на руку Цяо Саню, и спросил Чжао Хуаляна, нет ли у него доказательств. Чжао Хуалян вытащил мобильный телефон и передал его Те Цзяню, сказав, что сделал запись. Те Цзянь тогда убедился в своей правоте.

Цяо Сань, ответив на звонок, не смел задерживаться, потому, усевшись в свой «Мерседес», поспешил в управление участком. Выйдя из машины, он завернулся в пальто и вошёл в здание управления. Когда он открыл дверь кабинета Те Цзяня, то обнаружил, что в комнате собрались Сяо Иху, Ши Цзинтянь и Чжао Хуалян. Цяо Сань нерешительно застыл в дверях, не осмеливаясь войти. Те Цзянь, хмурясь сказал:

– Цяо Сань, ты, подлец, одновременно зарабатываешь деньги строительного бюро «Китайских железных дорог» и при этом еще и яму ему роешь? Так?

Цяо Сань, глядя на Сяо Иху, сначала назвал его братом Сяо, а потом исправился и назвал его теперь уже заместителем Сяо, принялся оправдываться, что старики, мешающие строительству, не его люди. Чжао Хуалян вытащил мобильный телефон, помахал им под носом Цяо Саня и сказал, что отрицать у того возможности нет, на мобильном телефоне записано все, что произошло на площадке моста. Те Цзянь покосился на Сяо Иху и сказал:

– Лао Сяо, необычные между вами отношения, что он тебя братом Сяо зовёт. Хе-хе, кланяться своему названному брату ходил?

Сяо Иху замахал руками, говоря, что ничего такого тут нет, упрекая Те Цзяня, что тот его подозревает. Цяо Сань – это Цяо Сань, а он – это он. Те Цзянь сказал:

– Вы, кажется, и впрямь как один человек.

Сяо Иху повернулся к Цяо Саню и попросил его разъяснить, что между ними за отношения. Цяо Сань, увиливая от ответа, сказал:

– Заместитель Сяо, вы разве не говорили, что нельзя скандалы устраивать? Разве те старики скандалили?

Сяо Иху, видя, что Цяо Сань его предал, сказал, то краснея, то бледнея:

– Не нужно так меня очернять, откуда мне знать, скандалили вы или не скандалили.

Хотя Сяо Иху этого и не признал, но Те Цзянь поверил, что Цяо Сань говорит правду. И верно, перед тем, как приехала инспекционная группа, Сяо Иху тайком позвонил Цяо Саню и велел ему найти людей, которые перегородили бы дорогу, но при этом дал ему наставление, что не нужно затевать слишком большого скандала.

Те Цзянь повернулся к Сяо Иху, махнул рукой и сказал:

– Больше не нужно притворяться, Лао Сяо, мы старые боевые товарищи, пусть ты это все и затеял, но ты все равно мой боевой товарищ, с которым мы некогда сражались, рискуя собственной жизнью. Ты подвёл строительное бюро «Китайских железных дорог», сколько сам себе славы через это выхлопотал?

Сяо Иху упрекнул Те Цзяня за ложные обвинения и намекнул, что нужно спросить Цяо Саня, его ли, в конце концов, люди преградили проход. Цяо Сань, поняв его мысль, сказал, что не его. Ши Цзинтянь попросил Чжао Ху-аляна включить Цяо Саню запись, на записи зазвучали голоса тех стариков и старух. Ши Цзинтянь сказал:

– Ты потратил деньги и нанял их, а еще смеешь говорить, что это не твои люди? Хочешь отпираться – да не получится!

Цяо Сань гневно сказал Чжао Хуаляну:

– Смеешь намекать, что я проходимец?

Чжао Хуалян возмущённо ответил:

– Цяо Сань, а если не проходимец, то кто ты?

Цяо Сань взревел:

– А кем мне ещё быть, как не проходимцем? Я все-таки из преступного сообщества!

Те Цзянь в безудержном гневе схватил чашку и разбил ее об пол, заорав на Цяо Саня:

– Катись отсюда! Цзинтянь, немедленно направь вниз уведомление о выводе с площадки, пусть он убирается прочь!

Цяо Сань понуро вышел из кабинета Те Цзяня и спустился вниз. Те Цзянь спросил у Сяо Иху:

– Меня зло берет. Цяо Сань нанял людей за деньги, чтобы они загородили проход, а ты позвонил Цяо Саню, побудив его послать на это людей, какой замысел ты при этом вынашивал?

Сяо Иху сказал, что он предупредил Цяо Саня, что не нужно скандалить, однако он его не послушал. Те Цзянь спросил, почему Сяо Иху заранее об этом не доложил. Сяо Иху стал оправдываться, что подумать не мог, что Цяо Сань за деньги людей нанять решит. Те Цзянь гневно сказал Сяо Иху:

– Эх ты, я обдумал все, что произошло после нашего въезда на площадку. Он потому так распоясался, что ты за спиной оказывал ему поддержку. Почему ты, руководитель государственной компании, так поступаешь, с врагами нашими сотрудничаешь?

Сяо Иху немного забеспокоился и сердито сказал:

– Не надо на меня клеветать, где же я с врагами сотрудничаю?

Те Цзянь недовольно скривился и сказал:

– Опять ты своему старому недугу предаёшься, я знаю, что ты очень не рад, что не стал начальником участка, разве ты не радуешься, когда я терплю неудачу, не подставляешь меня? Цяо Сань, Ван Чжунли снова и снова создают нам проблемы, и, похоже, каждая из них связана с тобой. Можешь дать мне разумное объяснение?

Сяо Иху, задышавшись от гнева, сказал:

– Боевой товарищ боевым товарищем, а работа работой. Ты спас меня на фронте, какая у меня будет причина тебя подставлять? У меня ведь тоже совесть есть. Почему ты к такой мысли пришёл? Можешь дать мне разумное объяснение?

Те Цзянь и Сяо Иху страшно поссорились, и из-за этого неловко себя чувствовали бывшие свидетелями этому Ши Цзинтянь и Чжао Хуалян. Вечером Лань Хуадо проинформировала управление участком, что пройдет итоговое совещание по проверке заказчика. Ши Цзинтянь, разобравшись с выводом бригады Цяо Саня с площадки, сначала отправился в уездный город, где купил игрушку-трансформер в виде локомотива высокоскоростного моторвагонного поезда, а затем вернулся в управление участком и подобрался к двери кабинета Цзинь Гоин. Помедлив, он постучал в дверь. Открыл ему Наньнань, увидев стоявшего в дверях Ши Цзинтяня, он расцвёл от радости и спросил, почему Ши Цзинтянь не приходил несколько дней. Ши Цзинтянь, войдя в комнату, протянул Наньнаню игрушку и показал, как ей пользоваться, Наньнань радостно запрыгал. Цзинь Гоин, стоявшая у письменного стола, поглядела на Ши Цзинтяня. Хотя она и упрекнула его, что не следовало тратить деньги, но в глубине души она почувствовала теплоту. Наньнань, усевшись на корточки, стал играть с новой игрушкой, а двое

взрослых заговорили на ничего не значившие темы. Ши Цзинтянь сказал, что хочет съездить в компанию «Север—Юг» и встретиться там с Ван Чжунли, попросить его не отнимать баллы за тоннель. Цзинь Гоин с сомнением спросила:

– Разве это поможет?

Ши Цзинтянь ответил:

– Даже если не поможет, съездить нужно, потому что эту беду навлек на участок первый отдел. Цзинь Гоин, собрав материалы со стола, сказала, что сама поедет туда с Те Цзянем, а следом пусть отправляется Ван Жоюнь, Ши Цзинтянь же пусть позаботится о площадке. Ши Цзинтянь сказал, что он и Чжу Цзылай уже подготовились морально и по собственной инициативе попросят на совещании взыскания за свою провинность.

Весь вечер проводили итоговое совещание, на котором Те Цзянь проанализировал положение дел в первом и втором отделах, но за всё совещание ни разу ни сказал ни слова о взыскании, напротив, похвалил оба отдела за исполнительность.

– Справедливости ради, сегодня на площадке с первым отделом обошлись не очень честно, первому отделу пришлось выучить непростой урок, ещё и я перед таким количеством людей расшвырялся касками. Но относительно достижений строительного бюро «Китайских железных дорог» на этом участке у председателя Чжана нет никаких сомнений, – сказал Те Цзянь. – Дважды столкнулись мы с блокировкой дорог, и первый вопрос решил первый отдел. Хотя нам пришлось изменить маршрут, но в конце концов все это не помешало инспекции. Вторую проблему создала группа стариков и старух, поделаться тут ничего было нельзя, и проверку большого консольного моста пришлось отменить. На площадке второго отдела проверка обнаружила небольшой дефект, но это мой недосмотр и секретаря Дана, вашей вины тут нет.

После этих слов Те Цзяня у Ши Цзинтяня и всех собравшихся словно камень с души упал. После собрания Юань Тинфэн подозвала Ань Сюэжун, собираясь вместе с ней вернуться на площадку второго отдела, но Чжу Хунцзюнь под предлогом того, что ему нужно обсудить какие-то технические вопросы, пригласил Ань Сюэжун поужинать. Вдвоём они отправились в небольшой ресторанчик в посёлке, где заказали две тарелки баранины, включили огонь и приготовились есть кипящий хого. На стройке непросто найти подходящую девушку, потому Чжу Хунцзюнь вёл себя очень внимательно, взяв палочками кусочек баранины, положил его в тарелку Ань Сюэжун, спросил у нее, будет ли она выпивать. Ань Сюэжун, улыбаясь одними губами, сказала:

– Я первый раз выезжаю куда-то ужинать с тех пор, как на площадку въехала, ещё и первый раз с мужчиной ужинаю.

Чжу Хунцзюнь улыбнулся, думая, что ему очень повезло. Они кушали и обсуждали, будут ли возвращаться домой на время празднования китайского Нового года. Ань Сюэжун сказала, что ей нужно вернуться и увидеться со своим молодым человеком. Чжу Хунцзюнь немного расстроился и сказал:

– Если он плохо с тобой обращаться будет, ты... – он осекся и дальше говорить не стал.

Ань Сюэжун повернула голову и удивлённо на него поглядела.

– Ты меня на ужин пригласил или решил за мной приударить? У меня вообще-то парень есть.

Чжу Хунцзюнь сказал:

– Что скажешь, что скажешь, нам тут в горах несколько лет вместе работать.

Потом он спросил у Ань Сюэжун, не чувствует ли она себя несколько одинокой. Ань Сюэжун промолчала. Чжу Хунцзюнь сказал, если у нее впредь будет время или что-то ее расстроит, она может с ним всё обсудить. Ань Сюэжун опустила палочки в котелок и сказала:

– Ты обычно не очень умело речи ведёшь, чего сегодня-то вдруг красноречивым стал?

Чжу Хунцзюнь, глядя на неё, простодушно улыбнулся. Стояла уже глубокая ночь, зимнее небо наполнилось звёздами, Ань Сюэжун и Чжу Хунцзюнь, ступая по снегу, вместе вернулись в проектный отдел.

После того как участники собрания покинули управление участком, Ван Жоюнь и Цзы Ци пришли в кабинет Те Цзяня. Те Цзянь был двоюродным дядей Цзы Ци, конечно, на площадке он оказывал ей немало заботы. Ван Жоюнь изначально думала, что Те Цзянь накажет их первый отдел, но все вышло наоборот, поэтому они решили поговорить с Те Цзянем и поблагодарить его. Те Цзянь, склонив голову, молчал, а затем он признался, что сначала хотел наказать их, но вина не целиком лежала на отделах, поэтому наказания им удалось избежать. В особенности же его тронуло, что Ши Цзинтянь, Чжу Цзылай и Ван Жоюнь хотели взять вину на себя. Цзы Ци и Ван Жоюнь вышли из кабинета Те Цзяня и поглядели в сторону кабинета Лань Хуадо. Они увидели, что там Лань Хуадо протягивает Кун Цинжуну очищенный мандарин. Ван Жоюнь, указав на эту сцену, потянула Цзы Ци за руку и сказала:

– Погляди на этих двоих.

Лицо Цзы Ци тут же помрачнело, она намеренно кашлянула, и только тогда Лань Хуадо и Кун Цинжун в кабинете заметили, что у двери кто-то есть. Когда они повернулись, чтобы поглядеть, кто же это, Цзы Ци уже ушла в сторону лестницы, схватив за руку Ван Жоюнь.

Ши Цзинтянь ответил на звонок Ли Вэйминя, который сказал, что Ван Дачэна забрали в полицейский участок и он до сих пор не вернулся, и спросил, не может ли Ши Цзинтянь чего сделать. Глубокой ночью Ши Цзинтянь и Ли Вэйминь приехали в участок, где их принял дежурный полицейский. Ли Вэйминь смиренно спросил, не могут ли они выпустить Ван Дачэна. Лицо полицейского было беспристрастным, он сказал, что после составления протокола выяснилось, что поведение этого человека было неверным, проступок – серьёзным. Ши Цзинтянь с притворной улыбкой протянул полицейскому сигарету и сказал, что крестьян, которые преграждали им путь, уже отпустили, почему же Ван Дачэна не отпустят? Полицейский, поглядев на него, сказал, что крестьяне местные, в участке иногда не решаются их наказывать. Ши Цзинтянь спросил: «Сотрудники «Китайских железных дорог» приехали сюда строить высокоскоростную дорогу, ошиблись обе стороны, неужели крестьян можно отпустить после дачи показаний, а сотрудника «Китайских железных дорог» – нельзя?» Полицейский нетерпеливо махнул рукой и сказал, что об этом надо спрашивать участкового.

В тот самый момент, когда возникла тупиковая ситуация, вошёл поселковый председатель У, и дежурный полицейский почтительно отдал ему честь. Поселковый председатель У обменялся приветствиями с Ши Цзинтянем и Ли Вэйминем, сказал, что ему лично позвонил Те Цзянь и он согласился приехать сюда и помочь Ши Цзинтяню. Только так Ван Дачэна выпустили на волю. Ван Цюянь, увидев, что брат вернулся, расплакалась и спросила, не побили ли его. Ли Вэйминь сказал:

– Зачем его бить? Просто спросили, что произошло.

Ван Цюянь упрекнула Ли Вэйминя, что его нелепая идея столкнула Ван Дачэна в такую яму. Ли Вэйминь, глядя на жену, не понимал, радоваться ему или печалиться, оскалившись, он сказал, они перед боем братья, а в бою – командующий и подчиненный, если что случится, Ван Дачэн не пойдет разбираться с этим – так кто пойдет? Ван Цюянь сказала:

– Он сядет в тюрьму – ты тоже сядешь?

Одним этим предложением она заставила Ли Вэйминя замолчать.

Шаг тоннеля превышал норму, и Бао Те и Чжу Хунцзюнь лично возглавили бригаду, чтобы поскорее исправить этот недочёт. Ван Жоюнь, вернувшись из управления участком, впотьмах подобралась к тоннелю вместе с начальником отдела контроля качества Лян Лили и оглядела строительную площадку. Бао Те посреди ночи захотел поесть лапши. Цуй Линхуа сделала ему лапши на смесительной станции №1 и принесла контейнер с едой в дежурную

комнату стройплощадки. Бао Те вышел из тоннеля, поглядел на горячую лапшу, от которой шёл пар, и растрогано сказал:

– Я уже такой взрослый, а, кроме мамы, никто обо мне не заботился, ни одна женщина! Ты первая. А ведь я самого низшего уровня, из рабочей бригады.

С этими словами он жадно набросился на лапшу. Цуй Линхуа, глядя на его наивный вид, вытатила бумажную салфетку и помогла Бао Те вытереть лицо. Она сказала:

– Я тоже низшего уровня.

С этого момента между ними возникло удивительное чувство взаимопонимания.

На другой день Ань Сюэжун, Юань Тинфэн и Цзы Ци вместе отправились на площадку проверить ход работ. Вдруг у Ань Сюэжун зазвонил телефон. Ей звонил Дэн Лицян. Дэн Лицян хотел обсудить с Ань Сюэжун, что на четвёртый день Нового года по лунному календарю, когда Ань Сюэжун вернётся домой, состоится помолвка. Об этом уже договорились их родители. Ань Сюэжун не поверила ему, утверждая, что он намеренно ее торопит. Дэн Лицян сказал:

– Скорее возвращайся, я каждый день хочу тебя видеть.

Ань Сюэжун вдруг подумала о происшествии во время проверки на площадке для изготовления и монтажа конструкций моста. Она сказала Дэн Лицяну:

– Попроси своего отца замолвить словечко перед дядей Ваном, чтобы он не отнимал у нас баллов за проверку в конце года.

Дэн Лицян помолчал и сказал:

– Этот вопрос я решить не могу. Это касается твоей работы, я не могу из-за этого утруждать дядю Вана.

Ань Сюэжун, услышав это, помрачнела. Она и подумать не могла, что Дэн Лицян ей откажет, и недовольно сказала:

– Ты... этот вопрос решить не можешь, говорить больше не о чем.

С этими словами она положила трубку и подумала, что она еще не вышла замуж, а дела уже так обстоят, что же после замужества-то будет.

После того как Те Цзянь отдал распоряжение Цяо Саню покинуть площадку, Ши Цзинтянь, Чжу Цзылай, Чжао Хуалян и Шао Шуай договорились встретиться с Цяо Санем в чайной в посёлке, чтобы обсудить подробности выхода Цяо Саня с площадки. Они заказали в чайной отдельную комнату, заварили чай и стали ждать приезда Цяо Саня. Через полчаса Цяо Сань всё ещё не явился, зато приехал Лао Сы. Ши Цзинтянь спросил, почему не приехал Цяо Сань, и Лао Сы ответил, что тот не смог и попросил встретиться со всеми его, Лао Сы. Чжао Хуалян сказал, что ту группу стариков и старух нанял Цяо Сань, они хотели именно с ним это обсудить. Лао Сы покосился на потолок и пренебрежительно сказал, что с Цяо Санем это вовсе не связано, стариков нанял он сам, так что пусть Чжао Хуалян и все остальные выговаривают именно ему, обвинения на него вешают и в выражениях пусть не стесняются.

Чжу Цзылай сказал:

– Вы некрасиво себя ведёте. В прошлый раз начальник Те сказал Цяо Саню очень однозначно, что все бригады на проекте выбираются путем конкурса. Вы, не выполнив работу, не можете разыгрывать такие дурные трюки.

Лао Сы, хихикнув, притворно улыбнулся и сказал, что на их же земле им не дали работу. Разве это справедливо? Чжао Хуалян сказал, что это государственный проект, который может выполняться только по государственным стандартам. Лао Сы, презрительно хмыкнув, ответил:

– Хорошо, выполняйте всё по государственным стандартам, зачем тогда вам сегодня понадобился брат Сань?

Ши Цзинтянь, глядя на Лао Сы, сказал:

– Раз уж ты тут представляешь директора Цяо, то мы с тобой все и обсудим. Давайте, братцы, выпьем сначала чая.

Лао Сы махнул рукой и сказал:

– Для начала уточню, что мы не братья. Где тот человек, который в прошлый раз ударил моего брата? Этот Те осмелился нас бить, если он теперь не исчезнет, если я снова его увижу, я отниму у него его ничтожную жизнь! – говоря это, он вытащил из-за пояса нож и ударил по столу.

– Говори! Что за дело?

Ши Цзинтянь сказал:

– На этой земле вы люди уважаемые, вес имеете. Мы понимаем, что вы хотите получить работу, мы даже дали вам немного работы, но мы не можем так продолжать до бесконечности. Руководством установлено, что мы не можем давать работу всем, кому хочется, нам важно, есть ли у наших партнеров способности. Потому что это проект строительства высокоскоростной железной дороги со скоростью триста пятьдесят километров в час, если будут на ней какие-то вопросы, ответственность на вас ляжет непомерная.

Лао Сы, склонив голову, сказал:

– Идите изучите, на этой земле на каком здании мы крышу не укладывали? Какую улицу не строили? Какую дорогу мы не ремонтировали? Что такого в ваших железных дорогах? Да просто мосты и насыпи – ничего сверхъестественного.

Ши Цзинтянь сказал:

– Не берусь рассуждать о ваших других проектах, но для высокоскоростной железной дороги, боюсь, у вас недостаточно способностей. Вы знаете, какого размера буровая установка, забивающая сваи? Знаете, как подвешивается люлька при строительстве консольных сооружений? Знаете, как выравнивается земля под железнодорожное полотно?

Один из молодых людей, сопровождавших Лао Сы поглядел на Ши Цзинтяня, приблизился к Лао Сы и нагло сказал:

– Брат Сы, поменьше с ними попусту болтай, давай лучше так: всю прочую работу нам в конце концов дадут или не дадут?

– Ну хорошо, у меня три условия, – сказал Лао Сы. – Во-первых, мы хотим работу – какую работу вы ни дадите, мы всю ее сделаем. Во-вторых, если работу вы не даёте, то даёте нам денег, компенсируете нам за старания и на чай оставляете. В-третьих, если вы ни работы не даёте, ни денег не компенсируете, то платите жизнью.

Чжао Хуалян в гневе схватил чашку и швырнул её об пол, ругаясь на Лао Сы:

– Работу вам дать, деньги, жизнь? Давайте, у кого духу хватает, для начала мою жизнь заберите.

Шао Шуай тоже гневно на них глядел. Он сказал, что они и его жизнь могут забрать, но на стройку они больше не попадут.

В один миг обе стороны, готовые к бою, оказались один на один друг с другом. Лао Сы намекнул молодому человеку отойти и спросил: «Вы с Цяо Санем встретиться хотели, чтобы такое вознаграждение с ним обсудить?» Ши Цзинтянь намекнул Чжао Хуаляну и Шао Шуаю, чтобы те отошли в сторону и сказал:

– Мы ни одно из ваших трёх требований выполнить не можем. И не думайте больше деньги тратить и людей на беспорядки подстрекать.

Лао Сы, видя, что Ши Цзинтянь и его спутники не сдаются, напрягся и сказал:

– Ни одно из условий вам не подходит, да вы ещё и нам требования ставите? Ничегошеньки у вас не получится.

Чжу Цзылай, пылая гневом, сказал:

– Ну тогда как хотите, так и поступайте, рано или поздно вы заплатитесь.

Лао Сы, пальцем указывая на Чжу Цзылая, сказал, скрежеща зубами от злости:

– Кого запугиваешь? Я и в участке бывал, и в тюрьме сидел, жрал тюремную баланду. Неужели вас бояться буду?

Ши Цзинтянь поднялся, с силой оттолкнул руки Лао Сы, вытащил уведомление о выводе с площадки и со стуком опустил его на столик, говоря:

– Сегодня разговор на этом закончим. Это уведомление о выводе. Возвращайся и передай Цяо Саню с сегодняшнего дня заканчиваются работы на участке насыпи. Ему нужно покинуть площадку. Надеюсь, вы не устроите проблем.

После этого Ши Цзинтянь, Чжу Цзылай, Чжао Хуалян и Шао Шуай вышли из комнаты и, даже не оглядываясь, покинули чайную.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Покинув чайную, Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай не стали возвращаться в проектный отдел, а направились на машине в управление участком, чтобы обо всем доложить Те Цзяню. Те Цзянь медленно расхаживал по кабинету, глубоко задумавшись. Он сказал, чтобы Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай морально готовились к войне и придумали резервный план. Ни на одно из условий соглашаться нельзя, согласиться – значит совершить преступление. Те Цзянь сказал:

– Раз уж мы выпустили уведомление о выводе с площадки, вам нужно немедленно вернуться, организовать сотрудников отдела планирования, проектного и финансового отделов, чтобы они поскорее произвели оценку физического объёма выполненных ими работ. Когда будет подведён итог, сообщи об этом Гоин, пусть она все хорошенько проверит. Лао Сяо в этом участвовать не должен. Нужно дать им в полной мере то, что им причитается, а то, что не причитается, не должно к ним попасть ни при каких вымогательствах. Если оборудование Цяо Саня с площадки выведено не будет, арестуйте его на стройке и ни в коем случае не пускайте их обратно. Также оповестите выигравшую конкурс бригаду, чтобы она готовилась въехать на площадку.

Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай внимательно его слушали, иногда кивая головами. Они полагали, что нужно усилить предупредительные меры, хорошо организовать площадку, ускорить темпы строительства большого консольного моста, чтобы у Цяо Саня не было возможности чинить беспорядки.

После того как вернулся Лао Сы, Цяо Сань получил уведомление о выходе с площадки. Он разозлился так, что чуть кровью рыгать не начал. Бесконечно ругая Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая, называя их опрометчивыми болванами, он спросил у Лао Сы, как тот вёл переговоры. Лао Сы, одно за другим, перечислил свои три условия. Цяо Сань, стиснув зубы, сверлил Лао Сы взглядом, даже в лице переменялся, руку вскинул и отвесил Лао Сы затрепину со словами:

– Жизнь их тебе нужна? Ты их убивать ходил?

Лао Сы закрыл лицо ладонью и ни звука проронить не осмеливался.

Цяо Сань возмущённо схватил телефон и позвонил Сяо Иху, подчеркивая, что не может покинуть участок насыпи. Сяо Иху сказал, что никому не под силу изменить решение Те Цзяня. Цяо Сань сказал, что, если ущерб от выхода с площадки будет большим, Сяо Иху следует снова ему помочь. Сяо Иху, подумав, сказал ему:

– Мне даже не сказали об уведомлении о выводе с площадки, мое вмешательство ещё может быть полезным? Я тебе говорил, что во время проверки не нужно блокировать дороги, но ты меня не послушал, вот теперь и сталкиваешься с тяжёлыми последствиями. Лао Те меня сурово отчитал.

Цяо Сань, получив указания Сяо Иху, на другой день с утра взял с собой несколько десятков молодых людей и поспешил на площадку, явно собираясь учинить скандал. Те Цзянь и Ши Цзинтянь, получив известие об этом, подозвали Вань Хуншаня, Чжу Цзылая, Чжу Хунцзюня, Ван Фанта и прочих работников и, один за другим, устремились на площадку. Между двумя сторонами намечалось противостояние. Ши Цзинтянь был непреклонен в том, что в течение двух дней Цяо Сань должен забрать с площадки всё оборудование, иначе пусть он и не думает его себе вернуть. Цяо Сань, разъяренный, как черт, спросил, с какой стати его выгоняют. Те Цзянь, подойдя к Цяо Саню, сказал:

– С какой стати? Потому что ты подкупил стариков и они перегородили проход, потому что ты приходил на стройку вымогать у нас работу и мешать строительству. Хватит этого, впредь тебе больше нельзя продолжать работать на стройке,

Цяо Сань, вне себя от ярости, сказал, что у него есть контракт, что он может в суд на Те Цзяня подать. Ши Цзинтянь сказал:

– Можешь в суд подавать, но у нас есть твои обещания во время въезда на площадку, в пунктах контракта очень четко указано: при преднамеренном препятствовании работам, задержке срока строительства, задержке выплаты рабочим зарплаты, вымогательстве автоматически происходит вывод с площадки, если нарушен хотя бы один пункт.

Цяо Сань не нашёлся, что ответить. Те Цзянь сурово сказал:

– Цяо Сань, мы васпустили доделать работы на насыпи, позаботились о тебе, а вам все мало. Такую бригаду мы себе позволить не можем.

Ты несёшь ответственность только перед деньгами, а я несу ответственность перед страной. Поэтому мы должны вывести вас с площадки.

Покинув площадку, Цяо Сань отправился в железнодорожный отдел уездного правительства к директору Чжао. Как раз в это время о произошедшем в кабинете директора Чжао отчитывался Дан Хунци. Директор Чжао отпил чая и сказал, что Цяо Саню нужно выходить с площадки. Они и правда дел наделали. Таких людей, как Цяо Сань, такие бригады, как его ребята, он не поддерживает. Препятствование строительству высокоскоростной железной дороги равносильно созданию проблем для него, директора железнодорожного отдела. Если темпы отстают от графика, критике со стороны руководителей уезда и городского округа подвергнется он, директор Чжао. К тому же, Цяо Сань везде вымогает себе работу с помощью связей, некоторые руководители ничего с ним поделывать не могут. Поэтому директор Чжао похвалил Те Цзяня за то, что тот сделал хорошее дело.

Пока он говорил, как раз, толкнув дверь, в кабинет ворвался Цяо Сань и, увидев Дан Хунци, остолбенел. Директор Чжао удивлённо спросил, каким ветром занесло сюда Цяо Сяня. Цяо Сань с угрожающим видом сказал:

– Лао Чжао, меня сюда руководитель прислал. Рассуди-ка справедливо, почему, если бюро «Китайских железных дорог» сказал, что меня выводят с площадки, то я сразу должен уйти с неё?

Дан Хунци поднялся и мягко сказал:

– Это мнение двух проектных групп, а вовсе не мысль и план Те Цзяня. Все потому, что вы свои обязательства по договору не выполнили.

Цяо Сань в ярости сказал Дан Хунци:

– Эй ты, Дан, ты меня надувать не смей. Я ради репутации заместителя Сяо помог вам занять землю там, где вы сами не могли, а вы своего слова держать не можете, использовали меня и отпихнули. Думаете, меня, Цяо Сяня, можно обижать? Ну, так поживем – увидим.

Дан Хунци сказал:

– Директор Цяо, мы вам рассчитаем стоимость и выплатим сумму в соответствии с количеством и характером работы, которую вы выполнили в этот период. Однако ваше поведение внушает нам запоздалый страх. Это высокоскоростные железные дороги, а не строительство городских улочек и домиков, которым вы занимаетесь, где можно справиться со всем, работая с пренебрежением, кое-как, обманывая. Здесь есть строгие стандарты и требования по темпам, качеству, безопасности. Поэтому вернёмся к сотрудничеству позже, когда представится такая возможность.

Разъяренный Цяо Сань повернул к нему лицо и сказал:

– Сотрудничество? У нас ещё будет возможность сотрудничать? Не можете рассчитаться, компенсации мне не выплачиваете, из-за вас я только без конца убытки несу.

Директор Чжао поднёс чашку ко рту и, демонстративно подув на чай, сказал:

– Директор Цяо, это важный государственный проект. Если есть какие-то вопросы, можно обсудить их, но, боюсь, мешать строительству бюро «Китайских железных дорог» – не лучший выход. Руководство уезда и округа вряд ли вам это с рук спустят. Это принципиаль-

ный вопрос. Пусть руководитель и будет пытаться со мной разобраться, я ничем помочь ему не смогу.

Цяо Сань злобно воззрился на директора Чжао и сказал:

– Идёт, можешь ничем мне не помогать, я пойду и доложу об этом руководству. Но вот не пытайтесь обращаться ко мне потом, когда придёт пора засыпать шахты. Я не верю, что ваш мост поднимется над моими шахтами.

Издавна развивались в борьбе скоростные железные дороги. Работники «Китайских железных дорог» боролись с природой, боролись и с людьми, как внутри, так и вне компании, но никогда и ни перед кем они не пасовали. Схватка с Цяо Санем и впрямь была битвой справедливости с пороком. Цяо Сань сказал, что не верит, будто мост поднимется над его шахтами, что дало мотив к действию Сяо Иху. Дан Хунци вернулся в управление участком и доложил о ситуации Те Цзяню и Сяо Иху. Сяо Иху сказал, что мост первого отдела должен будет проходить через шахты Цяо Саня, а если Цяо Сань заупрямится, пройти через них будет невозможно. Сяо Иху имел в виду: чтобы без проблем проложить мост через этот участок, нужно уступить Цяо Саню, необязательно заводить отношения с ним в тупик. Те Цзянь понял намерение Сяо Иху и сказал:

– Это не мы с ним отношения в тупик заводим, а он злится из-за наших средств и методов, злится, что мы его вынуждаем уйти с площадки. И кого тут винить?

Сяо Иху, моргая, сказал, что он признает: Цяо Сань кое-что делает неверно, но, если не оставить себе пространства для манёвра, как потом обсуждать проблему с шахтами? Дан Хунци спросил, если не выводить его с площадки, можно будет обсудить проблему с шахтами? Те Цзянь, указывая непрерывно дрожащей рукой в сторону Сяо Иху, сказал:

– Цяо Сань признает лишь одно слово – деньги. Потому что деньги могут больше, чем черти, деньги – это господа ада, хозяева самих чертей. Черти могут лишь прислуживать деньгам, быть их рабами. Это ты понимаешь?

Сяо Иху, указывая в сторону Те Цзяня и Дан Хунци, спросил:

– В этом мире есть тот, кто не признает деньги? Кто из вас не признает?

Те Цзянь насмешливо приблизился к Сяо Иху, втянул носом воздух, словно к нему принюхиваясь, и сказал:

– Я чую, Лао Сяо, у тебя все тело, вся душа прониклись вонючим медным запашком. Чую: деньги для тебя что отец родной. Мошенические методы Цяо Саня, которыми он овладевает рынком, в конечном итоге приведут его только к самоуничтожению. Он слишком уж зазнался, а корень любого зла людского – в превозношении самого себя. Это истина, неизменная с давних времён.

Сяо Иху не мог занять никакого выгодного положения перед Те Цзянем и Дан Хунци. Он вновь принял приглашение Цяо Саня и отправился в чайную пить чай. Цяо Сань поставил чашку на столик и сказал, что его ужасно обижает то, что его выводят с площадки. Сяо Иху назвал Цяо Саню причину. Все произошло из-за того, что тот за деньги нанял стариков, загородивших дорогу. Сяо Иху сказал, что Те Цзяня никогда никому не удавалось обвести вокруг пальца, поэтому пусть Цяо Сань посерьёзнее относится к манёврам и планам. Раз уж сейчас события приняли такой оборот, нужно теперь без всяких недочётов выполнить проверку качества работы и оценку стоимости, ни в коем случае нельзя позволять подчиненным создавать проблемы. Может быть, впредь еще представится возможность, и Сяо Иху выхлопочет для него немного работы. Цяо Сань тоже был подавлен и решил послушаться Сяо Иху, однако должок этот записал на счет Те Цзяня.

Наконец оборудование Цяо Саня было вывезено с площадки и высылось грудой у подъездной дороги. Ши Цзинтянь отправил начальника инженерного отдела Чжу Хунцзюня, начальника бригады по строительству моста Ван Фантая, начальника бригады по возведению насыпи Лао Лю и нескольких молодых технических работников произвести оценку количества

выполненных земляных работ вместе с людьми Цяо Саня. Между двумя сторонами на этой почве порой возникали споры. Однако, несмотря на это, камень, лежавший на сердце Те Цзяня, наконец упал с его души.

Кун Цинжун и Юань Тинфэн доложили Те Цзяню, что к первой заливке коробчатой балки на их площадке уже все готово, они ждут только участвующих в церемонии руководителей. Те Цзянь распорядился, чтобы с этим делом разобрались Дан Хунци и Сяо Иху, поскольку во время проверки тоннеля Цзинъян он бросил каску и чувствовал себя немного неловко перед Ван Чжунли. Те Цзянь понимал, что это противоречие нужно смягчить, а расхлёбывать кашу тот должен, кто её заварил. Если он не сам появится перед Ван Чжунли, настроение у того может стать поспокойнее и в рейтинге репутационной оценки в конце года он даст им послабление. К тому же скоро китайский Новый год, и финансовое положение у бюро довольно напряженное: нужно ещё попросить средств у заказчика. Тогда однажды утром Цзинь Гоин, Ван Жоюнь и Лань Хуадо спешно отправились в компанию «Север— Юг». Когда они проехали полпути, поступил звонок от председателя правления компании Чжан Фучэня. Он сказал Те Цзяню, что в церемонии заливки первой балки на площадке второго отдела примет участие директор департамента Хуан от лица заказчика, контрольной и проектной организаций. Он уже направляется на площадку. Директор Хуан, прибыв на площадку, увидел там, что на тумбе для изготовления балок из окрашенных стальных листов построен теплоизоляционный навес, который прикрывает форму балки, ожидающей заливки бетоном. В верхней части помещения для пропахивания было оставлено отверстие для заливки бетона, рядом стояла огромная установка с насосом для подачи бетона, к отверстию уже тянулся длинный трубопровод. Несколько рабочих в защитной одежде, респираторах, хлопковых и кожаных перчатках, держа в руках барабанные палочки, стояли наверху в ожидании приказа. На внутренней дорожке тумбы для производства балок была установлена простенькая фоновая стенка, на земле лежала красная ковровая дорожка, сверху на транспаранте было написано: «Церемония заливки первой девятисоттонной коробчатой балки на площадке конструкций моста строительного бюро «Китайских железных дорог». Перед председательским постом выстроились рабочие в спецодежде и в касках, вдоль главной дороги были разложены хлопушки, в воздухе витали воздушные шары. Все было готово к церемонии, не хватало только приказа к действию. Директор Хуан, будучи главным почётным гостем, радовался так, что улыбался до ушей.

Юань Тинфэн, видя, что директор Хуан в хорошем настроении, поспешно приблизилась к нему и попросила предложить Чжан Фучэня добавить их площадке баллов за заливку первой коробчатой балки. Директор Хуан немедленно согласился. По окончании церемонии он вытащил мобильный телефон и позвонил Чжан Фучэню, сказав, что только за счет того, что строительное бюро «Китайских железных дорог» залило первую балку, в рейтинге конце года им нужно добавить баллы, ведь успеть сделать это зимой было действительно непросто. Чжан Фучэнь дал твёрдое согласие и сказал, что, если бы все работали, как строительное бюро «Китайских железных дорог», компания «Север—Юг» смогла бы выиграть первое место среди строительных проектов на всей дороге.

В полдень во время обеда в столовой Чжан Фучэнь специально заговорил об этом с Ван Чжунли и спросил, что тот думает на этот счет. Рука

Ван Чжунли, державшая палочки, замерла. Он сказал, что уже добавил баллов за смесительную станцию №1, а за площадку для изготовления и монтажа конструкций моста баллов начислять уже не следует. Чжан Фучэнь, продолжая кушать, сказал, что смесительная станция – это смесительная станция, а площадка – это площадка, нужно учитывать, что построили её очень даже неплохо. Ван Чжунли несколько недовольно сказал:

– Председатель Чжан, я думаю, все-таки следует вычестить баллы у строительного бюро «Китайских железных дорог» за тоннель Цзинъян. Особенно за то, что Лао Те прямо там каску

на землю швырнул, а мы с вами это все видели. Большой чести нам, заказчикам, он этим не сделал.

Рука Чжан Фучэня тоже замерла, он повернулся и уставился на Ван Чжунли.

– Лао Те разве это имел в виду? – спросил Чжан Фучэнь. – Я думаю, он всё-таки не тот человек, который простой вежливости не знает. Это он не в наш адрес каску швырнул.

Но Ван Чжунли все так же считал: Те Цзянь продемонстрировал, что совершенно не считается с заказчиком. Чжан Фучэнь, не соглашаясь с ним, сказал, что Ван Чжунли немного предвзято думает о Те Цзяне. У заказчика есть требования к темпам, качеству, безопасности, инвестициям. В соответствии с большим планом организации строительства строительные организации должны спешить, стремиться вперед. Кому не хочется взять первое место по результатам оценки в конце года? Все же пусть понимание победит предвзятость.

Когда Те Цзянь и три его спутницы прибыли в город, уже был полдень. Они отыскивали поблизости небольшой ресторанчик, заказали немного закусок, поели риса, давая Чжан Фучэню достаточно времени отдохнуть после обеда. До компании «Север—Юг» они добрались уже после полудня. Лань Хуадо сперва отправилась на поиски бухгалтера компании-заказчика, чтобы оформить с ним документ, одобряющий выделение средств, а затем она пошла прямо в кабинет Чжан Фучэня, чтобы тот подписал документ. Чжан Фучэнь как раз собирался спросить, почему до сих пор не пришёл Те Цзянь, как раздался стук в дверь и Те Цзянь переступил порог. Лань Хуадо, забрав свой документ, скорчила Те Цзяню рожицу и воодушевленно убежала прочь. Те Цзянь сказал, что не встретился с Чжан Фучэнем и Ван Чжунли лишь потому, что был занят на площадке. Чжан Фучэнь пригласил его сесть на диван и сказал, что, если он будет успевать выполнять работу, это окажется куда лучше, чем хоть сколько-нибудь встреч и посещений. Работники некоторых организаций каждый день приезжают в компанию, а на площадке у них работа не движется. Чем больше они приезжают, тем больше раздражают. Целый день у них то одно не может быть решено, то другое нельзя протолкнуть – только и ждут, чтобы заказчик им все урегулировал. Но что же тогда строительной организации делать? Он рад, что есть такие люди, как Те Цзянь, приезжающие отчитаться о результатах, о настоящих темпах и инвестициях.

Те Цзянь скромно улыбнулся и сказал:

– Председатель Чжан, такое уж наше северо-западное бюро: ни в милость ни к кому не втирается, ни лгать не умеет, ни пустословить – может только самозабвенно работать. Это тоже недостаток.

Чжан Фучэнь сказал, что ему нужны именно такие строительные организации – стремящиеся к реальным результатам, занимающиеся делом, огромное значение придающие реализации планов. Он сказал, что Те Цзянь приехал как раз вовремя. Он уже распорядился, чтобы комплексный отдел оповестил всех: завтра во второй половине дня состоится заседание по подведению итогов проверки в конце года на всей линии. После этого собрания будут отмечать Новый год. Те Цзянь спросил, не вышел ли рейтинг всех строительных организаций. Чжан Фучэнь ответил, что строительное бюро «Китайских железных дорог» обладает значительным преимуществом на всей линии, во всем идёт впереди. А утром они ещё и первую балку залили, что невероятно сложно. Однако Ван Чжунли все ещё подумывает отнять баллы за тоннель Цзиньян. Пусть Те Цзянь с ним встретится, а когда выйдут первоначальные результаты, в них будут внесены окончательные изменения. Словом, нельзя, чтобы честные люди терпели неудачу, а уж тем более нельзя, чтобы организация, работающая быстро и на совесть, попала в немилость.

Цзинь Гоин и Ван Жоюнь, придя в кабинет Ван Чжунли, уселись на стулья напротив его стола. Ван Чжунли, без всякой теплоты, но и без холодности, просматривал материалы, ни разу головы не подняв и не поглядев на вошедших. Чувствовали они себя несколько неловко. Цзинь Гоин скривила рот и скорчила Ван Жоюнь гримасу, а потом, набравшись смелости, заговорила

с Ван Чжунли об увеличении числа водопропускных труб и о том, что после проверки с них не нужно снимать баллы. Ван Чжунли отбросил материалы на стол и с расстановкой сказал, что по вопросу изменений все решения надо передать в руки проектной организации, однако у тоннеля не отнять баллы очень сложно. Первое место все хотят получить, а справедливым всё-таки нужно оставаться. Долго он читал наставления двум женщинам, а, завершая, наконец, изложил то, что было у него на сердце:

– Как я увидел этого вашего начальника Те, касками расшвырявшегося, так, думаю, теперь могу баллы только снять с вас.

Цзинь Гоин с угодливой улыбкой сказала:

– Ох, главный инженер Ван, почему вы так недоверчивы? Начальник Те вовсе не настолько мелок.

– Что это вы в виду имеете? – спросил Ван Чжунли, уставившись на Цзинь Гоин. – Хотите сказать, ваш начальник Те не мелочный, а я мелочный?

Цзинь Гоин взволнованно замахала рукой и сказала:

– Главный инженер Ван, ну что вы себе придумываете? Я имею в виду, начальник Те потому каску бросил, что на первый отдел разозлился за плохую работу, а не потому, что с вами, руководителями, не согласен был.

Ван Чжунли не хотел выслушивать объяснения этих двух женщин, ведь все права на составление рейтинга были в его руках. Он сказал Цзинь Гоин и Ван Жоюнь, что, самое большее, даст им второе место. Ван Жоюнь сказала, что за второе место Те Цзянь ей спуска не даст. Ван Чжунли все ещё злится, потому что Те Цзянь не пришёл извиниться? Ван Чжунли, как будто это его не касалось, сказал, чтобы Те Цзянь поступал так, как тому хочется.

В это время Те Цзянь вышел из кабинета Чжан Фучэня и позвонил Ван Жоюнь, стоя в коридоре. Он попросил ее выйти к нему. Вдвоём они подошли ко входу на лестницу, и Те Цзянь спросил, уговорила ли она Ван Чжунли. Ван Жоюнь ответила, что не уговорила, он не хочет уступить. Так что пусть Те Цзянь к нему войдёт и с ним поговорит. Те Цзянь намекнул Ван Жоюнь, чтобы та входила первой, а он пойдёт следом. После того как Ван Жоюнь вернулась в кабинет Ван Чжунли, Те Цзянь постучал в дверь, а затем вошёл внутрь. Увидев, что Те Цзянь явился лично, Ван Чжунли ничего больше не стал говорить. Все сели на диван, Те Цзянь специально спросил Цзинь Гоин и Ван Жоюнь, не отчитались ли они перед Ван Чжунли о работе. Ван Жоюнь с похвалой отозвалась о поддержке Ван Чжунли. Ван Чжунли, махнув рукой, сказал:

– Э, Лао Те, отчетов, о которых ты говоришь, я не заслужил. Ваша организация так умело справляется с работой, что заслуги подчиненного начальника превосходят.

Те Цзянь понял, что в его словах есть скрытый намёк, и сказал:

– Главный инженер Ван, вы всё ещё имеете претензии к тому, что я каску бросил?

Ван Чжунли холодно сказал:

– Куда уж мне. Ты, Лао Те, – профессионал своего дела, хозяин своего слова, решающую роль на этой линии играешь. Куда уж мне тебе вызов бросать, куда уж мне тебя задевать.

Те Цзянь сказал:

– Вы заказчик, я из строительной организации, разве все не наоборот?

Ван Чжунли откровенно сказал, что стоило ему найти небольшой недостаток у тоннеля, как Те Цзянь расшвырялся касками, поставил его, Ван Чжунли, в неловкое положение. Те Цзянь бросился беспрестанно объяснять, что у него и в самом деле не было такой мысли, он лишь возмутился тем, как его подчинённые работают. Он снова принёс извинения главному инженеру Вану, поздравил его с наступающим Новым годом, поднявшись и торжественно ему поклонившись. Ван Чжунли отмахнулся, сказал, что не стоит этого, он в компании отвечает конкретно за техническую работу, он обычный служащий без каких-либо прав, а если эти права у него и есть, то воспользоваться ими он не может. Он сдаётся перед лицом строительного

бюро «Китайских железных дорог». Цзинь Гоин взяла слово и сказала, что в руках Ван Чжунли все, что касается планов, изменений, расчёта стоимости, репутационных рейтингов. Стоит ему какое-то свое полномочие задействовать, как им всем может несладко прийти. Ван Чжунли высокопарно сказал, что полномочия – та ещё палка о двух концах, нельзя ей пользоваться как попало.

Те Цзянь смиренно попросил Ван Чжунли об одолжении дать им рейтинг заранее, перед завтрашней встречей. Ван Чжунли сказал, что знает: они хотят занять первое место, но уклончиво заметил, что это действительно сложно. Те Цзянь уже договорился с Чжан Фучэнем и понимал что к чему, потому сказал:

– Давайте так, главный инженер Ван: вы передадите председателю Чжану рейтинг, где на первом месте строительное бюро «Китайских железных дорог». Если он сделает вам замечание, пожалуется на такой результат, значит, в нашей работе есть несоответствия требованиям.

Когда Те Цзянь, Цзинь Гоин и Ван Жоюнь покинули кабинет Ван Чжунли, ему со стройки позвонил Сяо Иху и испытующе спросил, может ли их строительное бюро получить первое место в рейтинге в конце года. Ван Чжунли ответил, что к нему и к Чжан Фучэню приходил Те Цзянь, однако, самое большее, что он может дать «Китайским железным дорогам» – это второе место. Сяо Иху в глубине души возликовал и сказал, что второе место – это не так уж плохо, да и третье место сойдёт, пусть Ван Чжунли не ставит себя в затруднительное положение из-за этого. Тут Ван Чжунли показалось, что очень уж это подозрительно, и он сказал, что Те Цзянь приходил извиниться, давать третье место несправедливо... Он так неясно говорил по той причине, что не понимал, какой замысел вынашивал Сяо Иху. Сяо Иху сказал:

– Главный инженер Ван, не слушайте моего боевого товарища, он слишком уж самовластвует, никому чести не оказывает, никаких прав мне не даёт, я могу лишь у него на побегушках служить.

Ван Чжунли понимал, что в работе между Те Цзянем и Сяо Иху есть некоторое отчуждение, потому он никого слушать не стал, а, взяв рейтинговый лист, передал его Чжан Фучэню. Первое место он отвёл другой организации, а второе – строительному бюро «Китайских железных дорог». Чжан Фучэнь, увидев рейтинговый лист, нахмурил брови, даже постучал несколько раз по столу ручкой, которой собирался подписать документ. Наконец кончик ручки опустился на рейтинговый лист, и рядом с первой и второй строчкой появилась ломаная линия, по форме напоминающая букву «Z». Ван Чжунли, лицо которого не выражало никаких эмоций, стоял напротив стола Чжан Фучэня. Чжан Фучэнь бросил на него взгляд и сразу понял, что у Ван Чжунли есть возражения. Он расхохотался и сказал:

– Чжунли, я знаю, что ты возмущаешься, поэтому и дал строительному бюро «Китайских железных дорог» второе место. Все огромное значение уделяют этому рейтингу конца года. Нам нужно составлять его по всей справедливости. Хотя первое место в твоём рейтинге отведено неплохой организации, но по общей оценке я полагаю, что впереди всех всё-таки участник Лао Те. Они быстрее других реквизируют землю и начали работу на всех площадках, у них самые мощные темпы, самые многочисленные инвестиции. Если мы дадим Лао Те второе место, разве он с этим смирится?

Ван Чжунли считал, что из-за некоторых недочётов на площадке тоннеля он обязан отнять у Те Цзяня баллы. Чжан Фучэнь, медленно расхаживая по кабинету, сказал, что эти недочёты небольшие, а на участке Те Цзяня их немедленно учли и исправили. Поэтому заказчик не может одним ударом сразить строительную организацию. Более того, разве есть такая строительная организация, у которой не было бы недочётов в тоннелях, на мостах и железнодорожном полотне? Нужно смотреть на общую тенденцию. Только так можно мобилизовать активность всех работников, чтобы они сравнивали, учились, стремились, помогали, обгоняли. На сей раз мы дадим первое место «Китайским железным дорогам», и, кто знает, может, после Нового года, весной, первое место возьмут другие строительные бюро. В сердце Ван Чжунли

клокотала ярость, но ему пришлось её сдерживать. Он спросил у Чжан Фучэня, не приходил ли к нему Те Цзянь.

Чжан Фучэнь остановился, поглядел на Ван Чжунли и сказал, что Те Цзянь приходил, а потом задал встречный вопрос:

– А разве он к тебе не приходил? То, что к нам приходит начальник участка, абсолютно нормально, мы, заказчики, не должны составлять рейтинг в соответствии с нашими личными предпочтениями. Конечно, ты тоже действуешь с рабочей точки зрения. Сегодня была залита первая коробчатая балка весом девятьсот тонн на всей линии, кому ещё удалось это сделать? Поэтому я думаю, за тот недочёт с тоннелем мы отнимем у них те репутационные баллы, которые нужно отнять, но за балку добавим столько баллов, сколько нужно добавить. И они все равно будут на первом месте, а прочим бюро нечего будет на это возразить. Мне ещё специально звонил с площадки директор Хуан и просил добавить им баллов.

К вечеру Те Цзянь, Цзинь Гоин, Ван Жоюнь и Лань Хуадо всё ещё не уехали из офиса компании «Север—Юг». Они стояли в конце коридора и переговаривались, что же им делать. Они вовсе не знали, что Чжан Фучэнь уже внёс поправки в рейтинг. Те Цзянь попросил Цзинь Гоин, Ван Жоюнь и Лань Хуадо сходить к Ван Чжунли и пригласить его на ужин. У Ван Чжунли на столе лежал рейтинговый лист, куда внёс изменения Чжан Фучэнь. На лице его отражалась некоторая неприязнь. Он спросил, зачем они опять пришли.

Цзинь Гоин покосилась на рейтинговый лист. В душе у нее вспыхнула радость. Она сказала Ван Чжунли, что Те Цзянь хочет пригласить его поужинать. Не почтит ли он их своим присутствием?

Ван Чжунли, даже головы не поднимая, сказал:

– Невкусно мне еду вашего бюро есть. Слишком уж много у Лао Те способностей.

Он отказался, сославшись на завтрашнее заседание. Не разобравшаяся в случившемся Лань Хуадо схватила Ван Чжунли за руку и спросила, какое место он им в итоге дал. Ван Чжунли положил перед ними рейтинговый лист и сказал:

– Поглядите, сначала вы были на втором, а на первое вас председатель Чжан перенёс. Вам меня подкупать незачем, так что и ужинать с вами я не пойду.

Узнав результат, Те Цзянь почувствовал облегчение. Вчетвером они отыскали гостиницу, зарегистрировались там и стали ждать приезда на следующий день для участия в заседании Дан Хунци и Сяо Иху. Новость о том, что бюро заняло первое место, тут же разлетелась по стройплощадкам. Первым Бао Те позвонил Цуй Линхуа и рассказал ей, что тоннель на рейтинг не повлиял. Цуй Линхуа сказала, что первое место они получили, потому что хорошо отличилась её смесительная станция и за нее начислили баллы. Бао Те долго ей восхищался и её перевозносил, а потом на радостях позвал её отужинать. Чжу Хунцзюнь передал новость о первом месте в рейтинге Ань Сюэжун, в шутку назвав её «Жуньэр», из-за чего Ань Сюэжун саркастично ему сказала:

– Э, ты меня своим братом Цзин²⁸ не считай. Разбахвалился тут.

Чжу Хунцзюнь расхохотался, чувствуя себя, тем не менее, счастливым.

Ань Сюэжун напомнила ему, что добавили баллов ещё и за площадку второго отдела. Чжу Хунцзюнь сказал, что по итоговой оценке оба отдела могут получить первое место. Ань Сюэжун сказала, им с первым отделом не стоять в одном ряду, куда уж об этом мечтать. Чжу Хунцзюнь, все больше смеясь, сказал:

– Мы и на проекте оба первое место возьмём, и в жизни будем идти бок о бок, как два цветка лотоса на одном стебле.

Звучали эти слова как шутка, но выражали они сердечные помыслы Чжу Хунцзюня. Ань Сюэжун, услышав это, трижды обругала его «болваном».

²⁸ Брат Цзин и Жуньэр. Персонажи популярного романа в жанре «у-ся» (о боевых искусствах) (прим.перевод.)

Вечером, когда Лань Хуадо заселилась в гостиницу, она по видеосвязи позвонила Кун Цинжуну. Кун Цинжун, сидя спиной к двери, откинулся на спинку стула, стоявшего перед письменным столом. В это время беззвучно вошла Цзы Ци, тихонько закрыла дверь. Кун Цинжун совершенно её не заметил. По видеосвязи Лань Хуадо очаровательным голосом попросила Кун Цинжуна поскорее её поблагодарить. Цзы Ци из-за спины Кун Цинжуна увидела Лань Хуадо на экране его телефона, и лицо у нее вытянулось, а губы надулись от злости. Лань Хуадо сказала, когда она вернётся, каждому из отделов будут выделены деньги. Так что пусть Кун Цинжун готовится принимать гостей. Она увидела, что на экране телефона внезапно появилась Цзы Ци и ошеломлённо сказала Кун Цинжуну, чтобы тот обернулся назад. Кун Цинжун обернулся и увидел, что к нему, неизвестно когда, вошла Цзы Ци. Он немедленно завершил звонок. Цзы Ци злобно сказала, что помешала его любовной беседе. С этими словами она повернулась, собираясь уходить, но Кун Цинжун её задержал, посоветовал ей не злиться и сказал, что с Лань Хуадо он говорил о первом месте в репутационном рейтинге, а вовсе не о любви. Цзы Ци оттолкнула его руку и сказала:

– О любви ещё не говоришь, а энтузиазма в тебе сколько. Ну тебя!

Ей нравился Кун Цинжун, а Кун Цинжун, волей или неволей, ухаживал за Лань Хуадо. Так сложился между ними любовный треугольник.

Когда Цзинь Гоин выезжала из управления участком, обычно она оставляла Наньняня на Лань Хуадо, но теперь Лань Хуадо тоже уехала, и пришлось оставить Наньняня с Ши Цзинтянем. С тех пор как Ши Цзинтянь полепил с Наньнянем снеговика, он стал опорой для этого мальчика. В полдень Ши Цзинтянь включил в общежитии обогреватель и уложил Наньняня поспать. Мальчик не плакал и не капризничал. Вечером после десяти Цзинь Гоин вернулась в гостиницу, страшно переживая о Наньняне. Тогда она позвонила Ши Цзинтяню по видеосвязи. В это время Наньнянь уже спал на кровати Ши Цзинтяня. Цзинь Гоин спросила, капризничал ли Наньнянь, и Ши Цзинтянь ответил, что не капризничал, а вечером они ещё проехали по стройке на его машине. Рассказывая об этом, Ши Цзинтянь повернул телефон так, чтобы Цзинь Гоин увидела сладко спящего Наньняня, поглядела на его личико. Цзинь Гоин спросила, не будет ли им тесно спать вдвоём на одной кровати. Ши Цзинтянь сказал, что тесно не будет, иногда на одинарной кровати могут и два взрослых человека уместиться. На экране телефона не было видно, покраснела Цзинь Гоин или побледнела, но в тот момент её охватили глубокие чувства, она долго молчала, не находя слов. Нескоро сказала Цзинь Гоин, что вечером нужно лучше укрыть Наньняня, а она вернётся только завтра вечером после заседания. Повесив трубку, Цзинь Гоин сидела в задумчивости на кровати. Лицо у нее вдруг засветилось благодарностью и покоем.

На другой день руководители всех организаций, участвовавших в строительстве, вовремя явились на заседание, как то требовалось в уведомлении. На кафедре председателя красовался экран, на котором высвечивались иероглифы: «Собрание для подведения итогов годовой проверки и вынесения благодарностей компании «Север—Юг». Чжан Фучэнь, Ван Чжунли и прочие руководители компании-заказчика сидели на председательской кафедре. Те Цзянь, Дан Хунци, Сяо Иху и Цзинь Гоин сели в ряд по вертикали. Чжан Фучэнь вёл собрание. Он велел Ван Чжунли объявить об итогах проверки, зачитать рейтинг и уведомил всех, что первое место заняло строительное бюро «Китайских железных дорог», которому причитается премия в восемьсот тысяч юаней.

Строительное бюро «Китайских железных дорог» отлично показало себя пред лицом многих коллег. Те Цзянь, Дан Хунци и Цзинь Гоин, конечно, испытывали беспримерную радость, а Сяо Иху, хоть и выглядел польщенным внешне, но в глубине души ужасно негодовал. Он надеялся, что в рейтинге они окажутся на как можно более низких позициях и это поумерит спесь и гонор Те Цзяня. Но надежды эти не оправдались. По дороге назад Сяо Иху сидел на заднем сидении и не разговаривал с сидевшим впереди Те Цзянем, лишь дулся про себя.

Лань Хуадо на машине Дан Хунци вернулась в управление участком, а Цзинь Гоин и Ван Жоюнь отправились назад на другой машине. Зимние дни коротки. Ещё не было пяти, а уже стемнело. Когда до посёлка оставалось несколько десятков километров, Ван Жоюнь позвонила Ши Цзинтяню и спросила, где он. Ши Цзинтянь ответил, он вместе с Наньнанем, поселковым председателем У и директором детского сада Сюй сидит в трактире «Сянманьлоу» в посёлке.

Вдали с треском порой взрывались хлопушки, в ночном воздухе расцветали фейерверки. Все уже прониклось атмосферой Нового года. Цзинь Гоин и Ван Жоюнь, добравшись до трактира, напрямую отправились в отдельную комнату, где за круглым столом сидели Ши Цзинтянь, Наньнань, поселковый председатель У и директор детского сада Сюй. Весь стол был заставлен яствами. Этот ужин организовал Ши Цзинтянь, чтобы Наньнань поступил в детский сад. Под предлогом поздравления с Новым годом он позвал поселкового председателя У и директора Сюй поужинать вместе с ним с той целью, чтобы до Нового года полностью решить вопрос с детским садом для Наньнаня. Перед тем как Цзинь Гоин и Ван Жоюнь вошли, Ши Цзинтянь расспросил, сколько стоит в год пребывание в средней группе детского сада, – 4600 юаней. Он достал из кармана 10 000 юаней и вручил директору Сюй, сказав, что эти деньги поручила передать Цзинь Гоин.

Директор Сюй, держа в руках пухлую пачку новеньких купюр, сказала, что заплатил он ей слишком много, и, отсчитав 4600 юаней, передала оставшиеся деньги Ши Цзинтяню. Ши Цзинтянь деньги у нее не принял, сказав, что на оставшиеся деньги она может купить воспитателям детского сада подарки на Новый год. Это Цзинь Гоин просит сделать в знак уважения. Видя, как они передают туда-сюда деньги, поселковый председатель У, подняв свой стакан, сказал директору Сюй: «Будем считать это оплатой за обучение в наступающем году». Он специально поручил директору Сюй решить вопрос с поступлением Наньнаня, потому что обещал главе уезда Вану, что этот вопрос будет решён. Директор Сюй погладила Наньнаня по голове и сказала поселковому председателю У, чтобы он был спокоен. А Ши Цзинтяню она сказала, что они приехали в эти горы строить железную дорогу и народ ждёт, чтобы поскорее был запущен первый поезд. Она лично определит Наньнаня в группу и найдёт ему хорошего воспитателя. Ши Цзинтянь тут же поднялся и от лица Цзинь Гоин выпил за директора Сюй несколько рюмок.

Цзинь Гоин и Ван Жоюнь подумать не могли, что Ши Цзинтянь будет таким внимательным и пригласит директора детского сада Наньнаня и поселкового председателя на ужин. После того как две женщины вошли в комнату, они искренне поблагодарили председателя У и директора Сюй, выпили немного, и за столом сделалось очень оживлённо. Лицо Цзинь Гоин за столом зарделось румянцем, глаза её часто обращались к Ши Цзинтяню, при виде которого в груди её трепетало невыразимое чувство любви.

После ужина Ван Жоюнь специально удалилась и попросила шофёра отвезти её и Наньнаня в проектный отдел. Ши Цзинтянь и Цзинь Гоин плечом к плечу двинулись в сторону проектного отдела. Цзинь Гоин спросила, правда, ли, что ему нравится Наньнань. Ши Цзинтянь ответил: «Нравится, потому что Наньнань – смысленный и понятливый мальчик», Цзинь Гоин спросила, что сказал начальник участка, Ши Цзинтянь ответил: «Те Цзяню хочется, чтобы Наньнань был его названным сыном и чтобы Наньнань и в нём признал названного отца» Цзинь Гоин долго молчала, а затем спросила:

– Ты думаешь, вы друг другу подходите?

Ши Цзинтянь искоса взглянул на неё и сказал:

– Если тебе так кажется, то подходим.

Цзинь Гоин в темноте улыбнулась и попросила его впредь не называть её главным инженером Цзинь, в частной обстановке он может звать её Гоин.

После проверки бюро получило премию в размере восьмисот тысяч юаней, и для Те Цзяня стало непростой проблемой, требовавшей долгого размышления, то, как эти деньги распределить. Вечером Те Цзянь позвал в комнату для совещаний Дан Хунци, Сяо Иху и Цзинь

Гоин. Они решили наградить оба отдела и вручить площадке для изготовления и монтажа конструкций моста второго отдела, занявшей первое место внутри бюро, премию в двести тысяч юаней, а первому отделу – премию в сто пятьдесят тысяч юаней. Затем в управление участком, чтобы объявить об этом, вызвали начальников обоих отделов. Неожиданно между ними возник спор. Работники площадки для изготовления и монтажа конструкций моста, конечно, были рады, и Юань Тинфэн заявила, что они первыми на всей линии достроили площадку, первыми залили балку весом в девятьсот тонн, именно им добавил баллов заказчик, поэтому абсолютно верно, что их площадке дали первое место. Ван Жоюнь заспорила с ней, что первому отделу отдавать второе место несправедливо: они первыми на всей линии начали прокладывать тоннель и тоже получили дополнительные баллы за смесительную станцию. Хотя в тоннеле проверка и выявила некоторые небольшие недостатки, но это никак не повлияло на рейтинг всего участка – с чего бы тогда им занимать второе место?

Те Цзянь, видя, что руководители обоих отделов даже раскраснелись, споря друг с другом, расхохотался, постучал рукой по столу и сказал, что их спор его очень радует. В споре он разглядел надежду, разглядел, как устремлены его ребята к цели. Но пусть все помнят: нужно стараться изо всех сил в том, что они могут контролировать, а итоговый результат должен достигаться естественно, а не по принуждению, потому что во всяком деле успех и поражение относительны и могут сменять друг друга.

– Место, где мы находимся, – строительное бюро «Китайских железных дорог». Каковы мы, таково и строительное бюро «Китайских железных дорог». Кем мы являемся, тем является и строительное бюро «Китайских железных дорог». Если у нас есть блеск и слава, то и у строительного бюро «Китайских железных дорог» не будет тьмы и позора. Строительное бюро «Китайских железных дорог» выбрало нас, горячо любящих компанию, преданных ей людей, и оно всегда будет помнить работников, бескорыстно внесших вклад в строительное бюро «Китайских железных дорог».

Речь Те Цзяня вызвала шквал аплодисментов. После этого Ши Цзинтянь, заливаясь краской, выразил свою точку зрения и сказал, что его отдел будет стараться догнать и перегнать второй. Сяо Иху с язвительной насмешкой сказал, что надеется, первый отдел догонит и перегонит второй, но, по его наблюдениям, каким бы методом первый отдел ни воспользовался, сделать это будет очень трудно. Ши Цзинтянь в ярости закричал:

– Заместитель Сяо, вы нас слишком презренными считаете? В следующий раз первый отдел ни есть, ни пить не будет, а первое место возьмёт!

Это распределение премий и рейтинг управления участком вызвали в первом отделе бурю негодования. Была поздняя ночь. Чжу Хунцзюнь, Чжао Хуалян, Ван Фантай и Лян Лили собрались в комнате для заседаний проектного отдела, наперебой обсуждая случившееся и изливая свое недовольство. Лян Лили сказала, что первому отделу дали сто пятьдесят тысяч юаней, а площадке второго отдела дали на пятьдесят тысяч больше. Это совершенно сбивает с толку. Ван Фантай сказал, на пятьдесят тысяч меньше всё-таки лучше, чем вообще без премии. Чжу Хунцзюнь, прищёлкнув языком, обвинил Ван Фантая в отсутствии устремлений. Какая разница: пятьдесят тысяч или не пятьдесят. Важно, что репутация подорвана. Чжао Хуалян поднял руку и сказал, ему нужно поговорить с управляющим и секретарём: кроме премии от управления, проектный отдел должен выделить немного денег первому отделу, чтобы отметить Новый год, а пять процентов раздать на премии работникам отдела.

После заседания Кун Цинжун не стал возвращаться с Юань Тинфэн на площадку, а, полный энтузиазма, вышел из комнаты для совещаний и, повернувшись, пробрался в кабинет Лань Хуадо. Лань Хуадо сидела за компьютером и глядела в экран. Повернув голову, она увидела, что вошёл Кун Цин-жун и с улыбкой спросила, что у него за дело. Кун Цинжун ответил, что дел у него нет, он лишь пришёл посмотреть на богиню его сердца. Лань Хуадо сказала, раз уж он считает ее богиней, не нужно ли снабдить её ритуальной табличкой и ежедневно ей кланяться.

Кун Цинжун подошёл к ней поближе и сказал, что таблички ей он давать не будет, может лишь её порадовать. Лань Хуадо знала, что Кун Цинжун испытывает к ней симпатию, у неё тоже были к нему чувства: иногда не видеть его или не слышать его голоса было для нее нерадостно.

Юань Тинфэн и Ань Сюэжун вернулись на площадку и позвали в комнату для совещаний Цзы Ци и Гао Юнхэна. Цзы Ци спросила, где управляющий, Юань Тинфэн сказала, что он снова пошёл к Лань Хуадо. Цзы Ци, надув губы, сказала, что они отравились. Юань Тинфэн, моргнув, поглядела на неё и, не понимая, переспросила, чем же они отравились. Цзы Ци ответила, что они выпили любовное зелье. Гао Юнхэн, сбитый с толку, сказал:

– Да разве? Управляющий сказал, что пойдет к начальнику Лань за деньгами, на стройке бригады ждут зарплаты, чтобы мы отправили им деньги, а они вернулись домой на Новый год.

Пока они так судачили, на площадку с чертежами приехал Чжу Хунцзюнь. Стоя в дверях, он постучался. Цзы Ци распахнула дверь, увидела, что это он, и крикнула:

– Сестрица Сюэжун, твой товарищ пришёл!

Ань Сюэжун знала, с какой целью он приехал: это было ясно ей без всяких слов. Юань Тинфэн тоже поняла, что среди ночи приезжать к Ань Сюэжун Чжу Хунцзюнь не стал бы ни по какому делу, если бы не был тайно в неё влюблён. Тогда она вытолкала их обоих из комнаты для совещаний и сказала, чтобы они шли в соседний отдельный кабинет. Чжу Хунцзюнь закрыл дверь, намеренно разложил на столе чертежи и попросил Ань Сюэжун на них поглядеть. Ань Сюэжун несколько раз просмотрела чертежи, но никаких проблем не разглядела. Все это казалось ей странным, она сказала, что вопрос с расстоянием между высотной отметкой и креплением решён, разве есть ещё какие-то вопросы по части техники? Чжу Хунцзюнь расхохотался и сказал, что на самом деле никаких дел у него не было, он просто приехал с ней увидеться. Ань Сюэжун, повернув голову, улыбнулась и сказала:

– Первое место не занял и смириться не можешь?

Чжу Хунцзюнь покачал головой и ответил:

– Я рад и тому, что ты первое место заняла. Начальник Те и секретарь Дан и так неловко себя чувствовали: и так, и так боль бы кому-то причинили, ведь первое место только одно, кто-то так или иначе его получил бы, а кто-то – нет. Поэтому, раз уж дали его вашей площадке, я приехал вас поздравить.

Ань Сюэжун понравились его слова, она сказала, что рада принять его поздравления, спросила, искренни ли они. Чжу Хунцзюнь развёл руками и ответил:

– Искренние, неужели не веришь?

Ань Сюэжун с нежностью улыбнулась и сказала, что верит, и поблагодарила Чжу Хунцзюня.

Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай вернулись в проектный отдел. Директор финансового отдела Чжоу принёс в комнату для совещаний из столовой немного закусок и жареную курицу, а ещё притащил две бутылки водки, позвал Чжао Хуаляна и Ван Жоюнь, и все они в безрадостном настроении все вместе выпили, заливая водкой печаль. Чжао Хуалян, сидя в стороне, взял в зубы куриную ножку, а на колени положил свою любимую гитару, правой рукой стал перебирать струны. Он сказал, что второй отдел получил на пятьдесят тысяч больше – больше мучиться не стоит, бог с этим всем. С этими словами он стал петь под гитару «Разойдёмся»: «Разойдёмся, все признаем. Все забудем, все оставим... Все простим, свободны будем. Не вернёмся, все забудем.» Его грубый голос глубоко проникал в душу и, словно ножом, резанул по сердцу Ши Цзинтяня и Ван Жоюнь. Ван Жоюнь выпила рюмку и упрямо сказала, что пойдет к Те Цзяню добиваться справедливости. Она не верит, что Те Цзянь что-то сделает ей, женщине.

Чжао Хуалян продолжал играть и петь, но Ши Цзинтянь повернулся к нему и рукой зажал струны его гитары, говоря, чтобы тот не досаждал людям. Чжао Хуалян только тогда прекратил петь, отложил в сторону гитару, протянул руку и затолкал в рот ещё одну куриную ножку. Через час с небольшим все, выпив слишком много, лежали ничком на столе. Ван Жоюнь,

чувствуя страшную обиду, расплакалась. Ши Цзинтянь попросил начальника Чжоу не наливать ей больше водки, но она, указывая на рюмку, приказала:

– Наливай! Не нальёшь – я из бутылки пить буду! – с этим словами она схватила бутылку и выпила несколько глотков. Ши Цзинтянь, сбиваясь с дыхания, велел Ван Фантаю уведомить Бао Те и Ли Вэйминя, чтобы те немедленно подошли.

Ответив на звонок, Бао Те и Ли Вэйминь не медлили ни минуты. Они уселись в пикап и направились в проектный отдел. Ли Вэйминь не мог додуматься, по какому такому делу их вызвали посреди ночи. Бао Те сказал, что вероятно, из-за той проблемы с тоннелем. Из двух отделов их отдел занял второе место – первое с конца, все словно муху съели: и не выплюнуть её и не проглотить. Неприятности да и только! Ли Вэйминь сказал, что на худой конец зарплаты рабочим с момента въезда на площадку он на себя возьмёт, деньги за два месяца выплатить он в состоянии. Бао Те сказал: рабочие своим потом и кровью дорогу строят, только во время проверки немного оплошали.

Пикап свернул с трассы на подъездную дорогу и через некоторое время въехал во двор проектного отдела. Бао Те и Ли Вэйминь вышли из машины и устремились напрямик в комнату для совещаний. Войдя в дверь, они увидели, что в комнате царит беспорядок, на столе раскиданы опрокинутые бутылки. Опьяневшие Ши Цзинтянь, Чжао Хуалян и Ван Жоюнь лежали, опустив головы на стол. Бао Те и Ли Вэйминь ошеломлённо уставились на эту картину.

Сквозь пьяную дрему Ши Цзинтянь почувствовал, что кто-то вошёл. Он поднял затуманенные глаза, голова его качалась, когда он швырнул в сторону Бао Те и Ли Вэйминя чайную чашку. К счастью, Бао Те быстро увернулся и чашка, ударившись о стену, упала на землю и разбилась на мелкие осколки. Ши Цзинтянь заплетающимся языком сказал:

– Вижу я, как... вы работаете.

С этими словами он выпрямился, опираясь на стул, уставился на них недвижным взглядом.

Той ночью Ши Цзинтянь, Ван Жоюнь и все остальные маялись так до полуночи. После того как Наньнань уснул, Цзинь Гоин все никак не могла отпустить из мыслей Ши Цзинтяня. Лёжа в постели, она снова и снова набирала номер Ши Цзинтяня, но никто не брал трубку.

Ши Цзинтяню помогли вернуться в общежитие, где он тут же повалился в постель и захрапел. Бесконечно звонил лежавший на его столе телефон, но у него не было сил ответить на звонок.

Не дозвонившись до Ши Цзинтяня, Цзинь Гоин набрала Ван Жоюнь, но и она не брала трубку. Разозлившись, Цзинь Гоин отбросила телефон на одеяло и под нос себе пробормотала:

– Куда же они все делись?

Через некоторое время она снова схватила телефон и позвонила Чжу Цзылаю и наконец услышала его голос. Он спросил, почему она до сих пор не спит. Цзинь Гоин спросила, куда делись Ши Цзинтянь и Ван Жоюнь, почему они оба не берут трубку. Чжу Цзылай ответил, что они напились, и Цзинь Гоин очень удивилась.

Повесив трубку, Цзинь Гоин легла, выключила свет и устала в потолок. Она не могла сдержать поток картин, пронесившихся у неё перед глазами. У тоннеля она разозлилась на Ши Цзинтяня; Ши Цзинтянь вместе с Наньнанем играет в снежки и лепит снеговика; Наньнань ухватился за Ши Цзинтяня и не даёт ему уйти, Ши Цзинтянь дарит Наньнаню игрушку. Чем больше она об этом думала, тем более мощные волны поднимались в сердце Цзинь Гоин. Долго она ещё ворочалась в постели и нескоро уснула.

Утром двадцать шестого числа двенадцатого месяца по лунному календарю в окрестных деревнях и посёлках уже царил яркая новогодняя атмосфера. Те Цзянь, Дан Хунци и все работники управления участком собрались в столовой, чтобы совместно позавтракать. Никто из них не мог подумать, что первый отдел с такой серьёзностью отнесётся к своему второму месту. Цзинь Гоин сказала, что присуждение премий и рейтинг выявили противоречие, раз-

били боевой дух. Различие между двумя отделами незначительно, но, распределив между ними первое и второе место, руководители нанесли удар по энтузиазму работников. Дан Хунци сказал, что нужны принципы сравнения, обучения, желания догнать, перегнать, взаимопомощи. Кто в этот раз занял не самое лучшее место, непременно сможет добиться хороших результатов в следующий. Лань Хуадо, скривившись, сказала, что вовсе не обязательно: одни так или иначе будут довольны, а другие – нет. Многие объекты на линии зависят от первого отдела. Если они выполнять свою работу не будут, то где уж получится построить всю линию? Те Цзянь, услышав это, недоуменно спросил: «Разве оценка вызвала негативную реакцию?» Цзинь Гоин только тогда сказала, что вчера вечером Ши Цзинтянь, Ван Жоюнь и Чжао Хуалян, обидевшись и считая себя ни к чему не способными, в тоске пили водку, каждый напился в хлам и горько плакал.

– Э, никто не выражал несогласия.

Хотя Те Цзянь на словах и не признал, что распределение мест между двумя отделами имело негативный эффект, но в глубине души он раскаивался и думал, что ему не следовало их так распределять: надо было обоим отделам дать первое место. Но сделанного было не воротить, оставалось только другим способом спасти положение. Те Цзянь подсчитал, что до кануна Нового года оставалось четыре дня. Тогда после завтрака он вместе с Дан Хунци составил план, кто из управления участком уедет, а кто останется на Новый год, попросил Лань Хуадо составить график дежурства, поторопил ее, чтобы она поскорее выделила средства обоим отделам, а также отправила зарплату сотрудникам управления участком, чтобы все вернулись домой на празднование Нового года. Лань Хуадо предложила выделить небольшие премии и работникам управления участком. Те Цзянь сказал, что выделить нужно, так как от заказчика поступила премия в восемьсот тысяч юаней: триста пятьдесят распределили между отделами, а четыреста пятьдесят ещё остались в управлении участком. Значит, нужно выделить на премии двести тысяч: эта сумма не превышает суммы, отданной площадке второго отдела, к тому же стоит разрешить работникам управления участком уехать на Новый год завтра или послезавтра, однако в седьмой день первого месяца все должны вернуться – времени возвращения к работе, которого все придерживались на протяжении стольких лет, менять нельзя.

В половине десятого утра Те Цзянь и Дан Хунци, завершив распределение работы, вместе с Вань Хуншанем отправились в уездный город с визитами. Лань Хуадо и Вань Хуншань погрузили в машину привезённые с Северо-запада местные продукты. По обеим сторонам улиц уездного города стояли лавочки, продававшие новогодние товары, заполненные разного рода одеждой и праздничным инвентарем, в небе иногда звучал треск хлопушек. Машины, попав в затор из-за идущих за покупками людей, двигались очень медленно, даже звуки гудков были бесполезны. Вань Хуншань, сидевший на заднем сидении, увидел стоящего у лавочки в сопровождении двух-трёх молодых людей Цяо Саня, который как раз что-то кричал. Те Цзянь сказал шофёру, чтобы тот проехал мимо. Когда внедорожник поравнялся с Цяо Санем, шофёр посигналил и Те Цзянь в зеркало заднего вида увидел, что три молодых человека указывают на внедорожник. Разумеется, они его заметили. Въехав во двор уездного правительства, Те Цзянь и Дан Хунци оставили Вань Хуншаня в машине, а сами поднялись поздравить с Новым годом главу уезда Вана и директора Чжао. Директор Чжао пригласил их в приемную, расположенную наискосок от кабинета главы уезда Вана. Приемная была очень просто обставлена: в ней был чёрный круглый диван, за спинами гостей висел пейзаж, выполненный в традиционном китайском стиле. Те Цзянь и Дан Хунци заняли свои места на диване, и официантка принесла им чай и поставила его рядом с ними на диван, а затем удалилась.

Глава уезда Ван, войдя, обменялся с ними приветствиями, пожал руки и принялся расхваливать строительное бюро «Китайских железных дорог» за то, что работники в течение такого короткого срока въехали на площадку, очень эффективно организовали работу, проект движется вперед очень быстрыми темпами, уездный комитет и уездное правительство рассмат-

ривают эту стройку как проект номер один и мобилизуют весь уезд на службу и защиту этого проекта. Те Цзянь, естественно, выразил благодарность местным властям, а также перед главой уезда Ваном похвалил директора Чжао, назвав его уникальным работником, отчего директор Чжао был безумно рад и его лицо озарилось счастливой улыбкой. После того как Те Цзянь поздравил их с Новым годом и почти полностью отчитался о работе, Дан Хунци сказал, что недавно бригаду Цяо Саня пришлось вывести с площадки, потому что тот постоянно плёл интриги в первом отделе, заламывал цену за выполненный им объём работ, устраивал беспорядки и вёл злобные речи. Глава уезда Ван со всей серьёзностью его выслушал, повернув голову, дал указание директору Чжао оповестить отряд уголовной полиции о случившемся. Если Цяо Сань снова будет чинить беспорядки, пусть его арестуют. Пусть он не думает, что может вымогать деньги у железнодорожного бюро, а правительство не найдёт на него управы.

Утром того же дня после завтрака Ши Цзинтянь созвал всех работников проектного отдела в комнате для совещаний, чтобы обсудить расчёт с Цяо Санем. Чжу Хунцзюнь, пролистав материалы по оценке стоимости, отчитался, что за весь объём работ, выполненный Цяо Санем на полотне железной дороги, ему причитается фактическая сумма в девять миллионов восьмьсот тридцать тысяч юаней. Лао Лю, начальник бригады по прокладке железнодорожного полотна, сказал, что эта цифра немного преувеличена. Ван Жо-юнь, услышав это, потребовала вычесть это преувеличение. Ши Цзинтянь полагал, что если Цяо Сань примет этот расчёт, то можно будет радоваться, что все прошло успешно. Поэтому он не поддержал Ван Жоюнь, но распорядился, чтобы Чжу Хунцзюнь доложил о результатах подсчётов в управление участком, а Цзинь Гоин их ещё раз перепроверила.

Те Цзянь и Цяо Сань разминулись. Внедорожник Те Цзяня отправился в уездный город, «Мерседес» Цяо Саня – в управление участком. Остановив машину, Цяо Сань с двумя молодыми людьми поднялся наверх, толкнул дверь кабинета Сяо Иху и вошёл. Два молодых человека остались на лестнице курить и наблюдать. Цяо Сань сел за стол напротив Сяо Иху и передал ему ведомость об объёме работ и таблицу оценки стоимости, назвал Сяо Иху братом Сяо и попросил его поглядеть, можно ли так рассчитать. Сяо Иху, схватив таблицу оценки стоимости, нахмурился и сказал, что двадцать миллионов юаней – это слишком много. Цяо Сань сказал, что работ он выполнил как минимум на десять миллионов, а все остальное – расходы на простой и оборудование. В целом, во время вывода с площадки нужно платить компенсацию. Сяо Иху оказался тут бессилён и сказал, что обсуждать они будут всё в соответствии с этими подсчётами.

В это время Цзинь Гоин распечатала с компьютера таблицу оценки стоимости, которую прислал ей первый отдел, взглянула на неё и вышла из кабинета. Она обнаружила, что на лестнице стоят два незнакомца, настороженно на них покосилась, повернулась и направилась к кабинету Сяо Иху. Открыв дверь, она увидела, что с Сяо Иху о чём-то шепчется с Цяо Сань. Сяо Иху резко застыл от изумления, затем поднялся и сказал, чтобы Цяо Сань шёл за оценкой стоимости и расчётом в первый отдел.

Цзинь Гоин, глядя на Цяо Саня, сказала:

– Почему вы не поехали в первый отдел, а пришли к заместителю Сяо?

Цяо Сань, прикусив губу, сказал:

– Заместитель Сяо управляет площадкой, разве не могу я к нему прийти? Оценка стоимости плюс компенсация составляют вместе двадцать миллионов юаней. Если вы дадите нам достаточно денег, мы друг другу ничем мешать более не будем.

Цзинь Гоин твёрдо сказала:

– Об этом говорить со мной нечего. Оценку стоимости и компенсацию мы можем подсчитать, у государственного предприятия свои правила подсчёта, и злостные вымогательства ни к чему хорошему не приведут.

Сяо Иху подмигнул Цяо Саню, передавая ему таблицу оценки стоимости. Он сказал, что Цзинь Гоин права, так что пусть Цяо Сань все-таки пойдет и обсудит всё с первым отделом. Цяо Сань взял таблицу и сказал, что он может пойти в первый отдел, но, если переговоры ни к чему не приведут, он отправится в управление участком, где, он надеется, никто не будет создавать ему трудности. Цзинь Гоин сказала ему, что управление участком никогда никому не создавало трудностей, подсчёт объёма работ и оценка стоимости будут производиться на основании реальных фактов, а лишнюю часть никто Цяо Саню уступать беспринципно не будет. Цяо Сань сказал:

– Хорошо, главный инженер Цзинь, вам ведь следовало бы подумать о вашем сыне?

Цзинь Гоин изумлённо уставилась на Цяо Саня и сказала:

– Подумать о моем сыне? Что вы имеете в виду? Кто хоть пальцем моего сына тронет, с тем я буду бороться не на жизнь, а на смерть.

– Хм, тогда не вставляйте мне палки в колёса при расчёте, – злобно бросив эту фразу, Цяо Сань повернулся и ушёл.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Для Цзинь Гоин не было неожиданностью встретить Цяо Саня в кабинете Сяо Иху. Ей всегда казалось, что Сяо Иху сговорился с Цяо Санем. Теперь, когда осуществлялся расчёт, Цяо Сань вдруг стал шантажировать её Наньнанем, что не могло не возмутить. Покинув кабинет Сяо Иху, она собрала материалы, спустилась вниз, позвала водителя и направилась напрямиком в первый отдел.

Услышав, как Лян Лили за дверью прокричала: «Приехала главный инженер Цзинь», – Ван Жоюнь быстро вышла из кабинета, встретила Цзинь Гоин и провела её внутрь.

Цзинь Гоин спросила, почему все напились вчера вечером, и Ван Жоюнь смущённо опустила голову. Лян Лили заварила чай и принесла его Цзинь Гоин, сказав, что все напились и плакали – плакали очень горько. Ван Жоюнь удивилась, что она ничего такого не помнит. Лян Лили, прикрыв ладонью рот, улыбнулась и сказала:

– Поглядите-ка, главный инженер Ван, вы столько выпили, что всё за-были? Управляющий чуть об Бао Те чашку не расколотил.

Только тогда Ван Жоюнь с сомнением спросила:

– Правда?

Цзинь Гоин спросила, разве стоит до беспамятства напиваться, если они не заняли первое место? Она всем звонила, а трубку никто не брал. Ван Жоюнь сказала, что им было очень обидно. Она, главный инженер, почувствовала, что у неё репутация пошатнулась. Цзинь Гоин сказала, что их никто не осуждал, рейтинг вообще ничего не означает. Подобная ситуация – это нормально. Ван Жоюнь сообщила Цзинь Гоин, что Ши Цзинтянь и Чжу Цзылай отправились к тоннелю Цзиньян. Наверняка они хотят проучить Бао Те и Ли Вэйминя. Мимоходом она взяла со стола бланк оценки стоимости и протянула его Цзинь Гоин, сказав, что это расчёт оценки стоимости для Цяо Саня – в итоге вышла сумма в девять миллионов восемьсот тридцать тысяч юаней. Цзинь Гоин взяла бланк и сказала, что она его уже видела, а Цяо Сань только что в кабинете Сяо Иху заявил, что ему нужно заплатить двадцать миллионов. Это просто шантаж и вымогательство, вести с ним переговоры будет очень сложно.

Изначально Цзинь Гоин хотела рассказать о том, что Цяо Сань угрожал Наньнаню, Ши Цзинтяню, но того в отделе его не было. Он вместе с Чжу Цзылаем отправился на стройку тоннеля Цзиньян, где уже начались предварительные работы на портале. На стенах тоннеля красной краской была проведена линия длиной шестьдесят пять метров. Спереди высилась конструкция для обделки рабочего забоя, рабочие в касках и спецодежде занимались вторичной обделкой и расчисткой обратной арки, переступая через подъёмный мостик, соединяющий рабочий забой со строительной зоной обратной арки. Тоннелепроходческий щит занимался бурением и издавал ужасный шум. Бао Те и Ли Вэйминь решили, что Ши Цзинтянь снова пришёл с ними разбираться и немного пали духом. Они с Цуй Линхуа стали сопровождать Ши Цзинтяня и Чжу Цзылая, освещая им фонариками вторую обделку свода тоннеля и каждое звено строительных работ. Обувь на их ногах пропиталась глинистым грунтом.

Осмотр тоннеля был для Ши Цзинтяня лишь предлогом. Они вышли из тоннеля и направились в дежурную комнату, где Ши Цзинтянь, сев на стул, закурил и спросил у Бао Те и Ли Вэйминя, знают ли они, зачем он с Чжу Цзылаем сюда приехал. Те, опустив головы, приступили к самокритике. Цуй Линхуа сказала, что вчера вечером они вернулись из проектного отдела и не спали всю ночь, ещё и её позвали поговорить с ними о тоннеле. Всем им было очень грустно и тяжело. Ши Цзинтяню вдруг стало совестно. Тон его смягчился, и он сказал, что вчера вечером он поступил неверно: ему не нужно было швырять в них чашкой. Чжу Цзылай с

укором заметил, что каждое слово и каждый поступок руководителя имеют огромное влияние на работников. Ши Цзинтянь, махнув рукой, смущённо проговорил:

– Не будем ничего вспоминать. Я на китайский Новый год возвращаться домой не буду, встретим праздник вместе с вами на стройке,

Цзинь Гоин увидела Ши Цзинтяня на земляном полотне снаружи тоннеля. Впереди была стройка моста, несколько рабочих в касках и в ватных куртках, с закреплёнными на поясах верёвками, с ногами, утопающими в грязной воде, занимались бурением. Цзинь Гоин шла и глядела по сторонам, словно проводила проверку, но её поглощали другие мысли. Она рассказала Ши Цзинтяню, как Цяо Сань пришёл к Сяо Иху и выдвинул расчетную стоимость в размере двадцати миллионов юаней.

Ши Цзинтянь изумлённо сказал:

– Это шантаж. Чжу Хунцзюнь на месте провел оценку стоимости, и у них получилось менее десяти миллионов. Он осмелился потребовать эту сумму от Сяо Иху?

– В самом начале его заманил сюда Сяо Иху, – сказала Цзинь Гоин. – Он уж точно помогает Цяо Саню с разрешением разных вопросов. Цяо Сань ещё пригрозил, что если оценка и расчёт будут недостаточными, если объём выполненной работы будет урезан, мне придётся серьезно подумать о Наньнани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.